

О. И. Завьялова

ТОКИО И ТОККИЙЦЫ:

будни,
выходные,
праздники

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Серия
основана
в 1957 году

О. И. Завьялова

ТОКИО **И ТОКЖИЦЫ:**
*будни.
выходные.
праздники*

Москва
"НАУКА"

Главная редакция восточной литературы
1990

Редакционная коллегия

К.В. Малаховский (председатель), *Л.Б. Алаев, Л.М. Белоусов,*
А.Б. Давидсон, Н.Б. Зубков, Г.Г. Котовский, Р.Г. Ланда,
Н.А. Симония

Ответственный редактор

В.М. Алпатов

Утверждено к печати
редколлекцией серии
"Рассказы о странах Востока"

Завьялова О.И. Токио и токийцы: будни, выходные,
313 праздники. М.: Наука. Главная редакция восточной
литературы, 1990. — 152 с.: ил. — (Рассказы о странах
Востока).

ISBN 5-02-016724-X

Книга о японской столице 80-х годов основана на многолетних наблюдениях автора. В серии очерков идет речь о смещении в повседневной жизни токийцев современности и старины, влиянии эстетических представлений Запада и об элементах китайской традиционной культуры в японском быту. Сценки из жизни нынешнего Токио перемежаются с небольшими экскурсами в историю.

3 1805030000-152 70-90
013(02)-90

ББК 66.3(5Я)

ISBN 5-02-016724-X

© О.И. Завьялова, 1990

© В.М. Алпатов, послесловие, 1990

ОТ АВТОРА

”Большой Токио”... В нем живет двенадцать миллионов человек, почти каждый десятый японец. Это город, до сих пор сохраняющий дух истинных *эдокко* — неунывающих, предприимчивых, задиристых обитателей деревянного предшественника Токио — старого Эдо, на улицах которого встречались самураи и ремесленники, купцы и художники. Это ”бетонная пустыня”, где среди хаотического нагромождения домов и домиков затерялись сотни старинных храмов и кумирен, множество крошечных садиков. Сверкающие зеркальными стеклами универмаги. Студии художников. Дворцы-салоны известных во всем мире модельеров. Прославленные университеты. Скученная, перенаселенная, вся в движении, японская столица ежедневно привлекает новых людей — из разных префектур Японии, с разных концов света. Они приезжают сюда в надежде найти свое счастье — работают, торгуют, учатся, пробуют силы в науке, журналистике, искусстве, отдыхают в садах и парках, веселятся на традиционных праздниках, ходят по бесчисленным магазинам и ресторанчикам...

В августе 1981 года прибыло в Японию и наше небольшое семейство — в командировку, жить в обычном многоэтажном доме, в Токио среди токийцев. Впечатления, накопленные мною в течение шести лет токийской жизни, и легли в основу этой книги. Подобно другим иностранцам, я была поражена удивительным переплетением в японском быту традиционного и того, что принадлежит XXI веку; как специалист по Китаю я не могла не обратить особого внимания на элементы китайской культуры, до сих пор пронизывающей японскую повседневность.

БОЛЬШОЙ ГОРОД В ДВИЖЕНИИ

Первая ночь в Токио. Душно, в палисаднике под окнами настойчиво звенят цикады. Уснуть невозможно — ведь в Москве еще только ранний вечер, и мы продолжаем жить по привычному, домашнему времени. Каждые полчаса откуда-то из темноты доносится громкий, как будто металлический крик петуха. "Наверное, электронный", — с тоской думаем мы, вспоминая искусственных соловьев, распевавших в игрушечных лавках аэропорта. Светает. Наконец-то удастся заснуть. "Доброе утро!" — слышатся сквозь сон японские слова, усиленные мощными динамиками. Ласково-наставительная речь о значении хороших манер сменяется бодрими командами музыкальной утренней зарядки. После зарядки вступает в строй оглушительный духовой оркестр с барабанами. Так начинается знакомство с ближайшими соседями — муниципальной начальной школой "Омукаи", расположенной через узкую дорогу прямо против наших окон.

В течение долгих шести лет в жару и зимний холод, когда утренняя температура почти падает до нуля, мальчишки в шортиках и девочки в синих юбочках собирались на стадионе и маршировали под звуки большого школьного оркестра. Мы слышали громкие ребячьи голоса, команды учителей физкультуры, крики петуха — живого, а вовсе не электронного, как мы думали, обитателя большого вольера на школьном дворе. Вой sireны регулярно извещал нас о начале очередной учебной тревоги на случай землетрясения, во время которой ребята высыпали на стадион и под руководством учителей рассаживались рядками на тартановом покрытии. Покоя не было и по воскресеньям. С утра на школьном стадионе натягивали сетки любители тенниса, громко скандировали в такт бегу разминавшиеся футболисты или игроки в очень популярный в Японии бейсбол. А время от времени наши беспокойные соседи устраивали еще и настоящие спортивные праздники — в присутствии, а иногда и при участии родителей, послушно бегающих наперегонки со своими деть-

ми. И только во второй половине дня, ночью да в дождливую погоду в нашей квартире вдруг наступала тишина, которая нарушалась лишь обычными звуками большого города.

Гудел кондиционер в большом отеле по соседству. Доносилась издалека музыка, гремящая в молодежных магазинах и барах *караокэ*, где под записанный на пленку аккомпанемент клиенты по очереди поют любимые песни в микрофон. Стрекотал где-то прямо над головой вертолет голубого цвета, доставивший срочные материалы на крышу государственной телерадиокорпорации. Ночью по опустевшим улицам с диким грохотом проносились *босодзоку* — группы молодых людей на украшенных яркими наклейками, антеннами и многочисленными обзорными зеркалами мощных мотоциклах без глушителей. То и дело слышались усиленные громкоговорителями голоса, которые преследуют вас в Японии повсюду — на больших улицах и в торговых рядах, в парках и на детских площадках, в знаменитых храмах и у подножия живописных гор, облюбованных туристами.

Из динамиков, установленных на фургоне сборщика макулатуры, доносится в жилых кварталах записанное на пленку изысканно любезное приглашение сдавать старые газеты и журналы — в обмен на салфетки и туалетную бумагу. Через мегафон девушки-полицейские вызывают владельцев незаконно припаркованных машин — стоянок не хватает и нарушители поневоле забивают обочины улиц, затрудняя и без того напряженное движение. Пройдет полчаса, и специальная бригада рабочих — уже молча — увезет помеченные машины на стоянку, где владельцы получают их, заплатив значительный штраф — гонорар "угонщикам" и плату за время на стоянке. Через мегафон созывают покупателей и владельцы фургончиков, продающие овощи или рыбу. Невыносимый шум создают в период предвыборных кампаний, длящихся от недели до двадцати пяти дней в зависимости от уровня выборов, агитационные машины. Украшенные лозунгами и портретами, они имеют право разъезжать по избирательным участкам, а кандидаты или замещающие их миловидные девушки — обращаться к его жителям через мегафоны, стараясь перекричать соперников. Громкие военные марши и лозунги доносятся из темных автобусов, принадлежащих ультраправым группам. Покружив по улицам, эти мрачные машины, увешанные боевыми стягами, разрисованные императорским гербом-хризантемой и флагами "Восходящего солнца", направляются в заранее намеченные точки города. Одно из любимых мест выступлений правых — это площадь перед станцией Сибуйа, токийский Гайд-парк, где время от

времени завязываются звуковые сражения между самыми разными группировками. Однажды мы стали свидетелями такого сражения, когда девицы в защитных комбинезонах и касках, приехавшие на автобусе с левачскими лозунгами, выжили с площади усиленным через динамики истеричным визгом низколобых фашиствующих молодчиков в воензированной синей форме. Установленные в дальнем конце площади указатели, призванные регистрировать уровень шума движения, показывали в момент сражения сто децибел вместо обычных для этого места шестидесяти-семидесяти.

Пожалуй, единственный усиленный громкоговорителем звук, который доставляет удовольствие большинству токийцев, — это протяжный голос продавца печеного батата, напоминающий о давно прошедших временах, когда у всех уличных торговцев старого Эдо был свой особый напев. В холодную погоду повсюду в современной японской столице можно встретить старичков, тянущих тележку с небольшим запасом дров и трубой, из которой тянется ароматный дым, услышать заунывную песню: "Печеный батат, вкусный печеный батат"... Впрочем, молодые продавцы печеного батата уже разъезжают на автофургонах, тоже с трубой и свисающими из кузова дровинами, а знаменитый напев записан у них на пленку — правда, в более виртуозном, чем у стариков, исполнении. Остальные уличные торговцы свои традиционные напевы уже утратили. Газеты писали, что единственный человек в Токио, который умеет изображать уличных торговцев старого времени, — это семидесятилетний актер, когда-то игравший в театриках кварталов Асакуса. В наше время он был вновь приглашен на театральную сцену, а в 1982 году даже получил большой приз на Общеяпонском фестивале искусств. О былых днях изредка напоминают и бравурные звуки, издаваемые немногими сохранившимися труппами уличных комедиантов-музыкантов *тиндонья*, само название которых звукоподражательное: *тин* — треньканье колокольчика, *дон* — удар барабана, *я* — лавка, заведение. Обычно где-нибудь на окраине вдруг появляется живописная компания — женщины, наряженные гейшами, мужчины в париках и костюмах театра *кабуки*, клоун с европейским гримом, старичок-кларнетист в клетчатом пиджаке или цветастой рубашке — и заывают во вновь открывшийся зал игровых автоматов *патинко* или какое-нибудь другое не слишком шикарное развлекательное заведение. За оркестром бегут дети, хорошо знающие дразнилку про *тиндонья* и не раз слышавшие от своих матерей презрительное замечание о том, что нельзя одеваться так же нелепо, как уличные музыканты.

В предвоенные десятилетия, когда не было массового радио и телевидения, *тиндонья* приглашали публику в большие магазины и театры, выступая как живая реклама. В пятидесятые годы в Токио еще было около двух тысяч таких трупп, однако в наши дни их осталось всего несколько десятков. Все меньше и меньше людей хочет покрывать лицо густыми белилами, надевать необычные костюмы и расхаживать по улице — гораздо спокойнее найти себе обычную уважаемую профессию. А между тем, кто знает, может быть, в недалеком будущем будут изучать и возрождать *тиндонья* — так же как возрождают крики бродячих торговцев или многие исчезнувшие во время войны и послевоенной разрухи уличные и храмовые праздники. Ведь то, что еще недавно казалось недостойным внимания, вдруг начинает восприниматься как настоящее высокое искусство — подобно знаменитым простонародным гравюрам *укиё-э*. Их прелесть первыми осознали иностранцы, которые получали из далекой Японии фарфор, завернутый в листы городского лубка, ценившегося не больше нынешних газет. И только позднее, когда лучшие образцы *укиё-э* украсили коллекции Запада, в Японии наконец-то поняли значение творений Хокусая, Утамаро, Сяраку... В наше время предметом фотографирования и собирательства у самих японцев стали надверные занавески-вывески ресторанов — *норэн*, с их особой каллиграфией и семейными гербами владельцев. Похоже, что на очереди у коллекционеров стоят *тэньюгуи* — полотенца с отпечатанными вручную рисунками в стиле *укиё-э*. Статьи о *тэньюгуи* уже появились в газетах, предназначенных живущим в Токио иностранцам, автобусы с западными туристами специально останавливаются около лавок-мастерских, которые торгуют традиционными полотенцами и занавесками *норэн*. Те же иностранцы недавно начали приглашать на свои званые вечера *тиндонья* и, возможно, спасут от полного уничтожения экзотические труппы уличных музыкантов, заставив по-иному взглянуть на них японских поклонников народного искусства.

Громкая музыка и пользование громкоговорителями, к счастью, разрешены только до определенного часа, и к вечеру в жилых кварталах Токио становится довольно тихо — но только до тех пор, пока рядом с вашим домом не начинаются ремонтные работы. На узких проезжих улицах они специально приурочены к ночному времени, чтобы не мешать движению транспорта. Хорошо запомнился тот первый раз, когда в холле и лифтах нашего дома появились невинные

объявления. Газовая компания собиралась менять трубы в соседних переулках и заранее приносила извинения за беспокойство. После этого ночной покой был утрачен нами и всеми нашими соседями на ближайшие две недели. Каждый вечер часам к десяти движение в округе останавливалось. Вскрывался асфальт, раздавались громкие голоса рабочих. Подъезжали ремонтные грузовики, и всю ночь записанный на пленку женский голос твердил, как попугай: «Осторожно, задний ход! Осторожно, задний ход!» Своего апогея шум достигал к пяти-шести часам утра. В это время, уложив очередной отрезок газопровода, рабочие начинали торопливо трамбовать новый асфальт оглушительными ручными механизмами, поскольку закон обязывает вернуть на день обычный вид месту работ. Жившие в нашем доме иностранцы ходили в течение этих двух шумных недель с бледными раздраженными лицами и при встречах, воздевая руки к небу, твердили только одно японское слово — «ремонт». В то же время японские соседи относились ко всему происходящему вполне философски: конечно, неприятно, но ничего не поделаешь, на все есть свой сезон, свое время, в том числе на ремонтные работы.

В последние годы, однако, даже очень терпимые к неприятным звукам японцы стали все чаще обращаться в муниципальные органы — именно они ведают в стране производственными шумами — и в суды с жалобами на нарушителей покоя. Донимают горожан не только оглушительная музыка и речь, доносящиеся из магазинов, баров, с улицы, но также и звуки домашние. Слишком уж тесно лепятся друг к другу тонкостенные домики в жилых кварталах, слишком велика звукопроницаемость в многоэтажных домах западного типа. А в японских семьях, между тем, появляется все больше кондиционеров, видеомэгнитофонов, установок для пения *караокэ*, синтезаторов музыки, досаждающих ближайшим соседям. Участились жалобы на шум самолетов, автомобилей и железнодорожных суперэкспрессов, который до последнего времени воспринимался многими как неизбежная плата за технический прогресс.

Известно, что «экономическое чудо» шестидесятых годов стоило Японии катастрофического загрязнения воздуха, почвы и воды. Тяжело болели и гчбли отравленные промышленными отходами люди. Напуганные власти приняли ряд строгих законов, коренным образом улучшивших положение в стране. И сейчас, несмотря на некоторое ослабление контроля за загрязнением среды, правительство продолжает уде-

лять ей значительное внимание и средства. Благодаря принятым довольно жестким мерам — в отношении и предприятий, и транспорта — городской воздух стал явно чище. Во всяком случае, нужда в кислородных аппаратах и противогазах, о которых так часто писали еще лет десять тому назад, в столице полностью отпала. Без них обходятся, по-видимому, даже контролеры, сидящие в будках при въезде на платные дороги и взимающие деньги — иногда с бесконечной очереди автомобилей, которая еле ползет мимо окошка. За состоянием воздуха и уровнем шума в особо оживленных местах следят электронные датчики. На участках скоростных дорог, проходящих через жилые кварталы, сооружены специальные звукозащитные заборы и установлены знаки с изображением спящего под ночными звездами младенца. Но поток машин продолжает расти. По обычным улицам — внизу и по приподнятым на столбах до уровня второго-третьего этажа скоростным автомагистралям — вверху несутся в несколько рядов армады машин: известные во всем мире легковые «тоёты» и «ниссаны»; мощные грузовики, которые перевозят грузы на большие расстояния; украшенные каллиграфическими названиями фирм автофургончики, доставляющие самые разнообразные товары — от развешанной в кузове только что сшитой одежды для модного магазина до горшков с декоративными растениями к праздничной церемонии. Вся эта армия на колесах выстраивается в очереди на платные и бесплатные стоянки; в нарушение правил останавливается у обочин; гудит, отравляет воздух и, конечно, создает на дорогах пробки.

С неисчислимыми потоками машин делят проезжую часть и городские автобусы, которые одно и то же расстояние — скажем, от муниципалитета Сибуя, рядом с которым находился наш дом, до небоскребов Синдзюку — ранним утром преодолевают за каких-нибудь пятнадцать минут, а днем тащатся не меньше часа. Недавно муниципальные власти Токио решили провести эксперимент — поставить под компьютерный контроль один из оживленных маршрутов, где автобусы должны ходить строго в соответствии с расписанием по специально отведенной полосе. Увы, компьютерное движение оказалось возможным либо при условии, что дорожная полиция будет целый день расчищать автобусную полосу от припаркованных машин-нарушителей, либо только в утренние и вечерние часы. В остальное время поездка по новому маршруту ничем не отличается от обычной — разве что электронные табло, показывающие на остановках положение

автобуса на линии, да установленные в салонах дисплеи, по которым бегут названия остановок и рекламы, напомнят о том, что вы пользуетесь машиной будущего.

Очевидно, что медлительные автобусы — как и личные автомобили, которыми большинство японцев пользуются лишь по выходным дням, — не в состоянии доставить к рабочим местам миллионы аккуратных, дисциплинированных людей, живущих как в самой столице, так и в «спальных» городах-спутниках, где помещения доступны по цене обычному «среднему» рабочему или служащему. С этой задачей может справиться только разветвленная, надежная сеть безопасного метро, связанного на пересадочных станциях с городской и пригородной электричкой. Первая линия токийской «подземной железной дороги» была построена еще в 1927 году. Вторая открылась почти тридцать лет спустя. В восьмидесятые годы общая протяженность токийского метрополитена, опутавшего весь город и протянувшего отдельные ветки к соседним префектурам Тиба и Сайтама, составила более двухсот километров, а ежедневное число пассажиров превысило шесть миллионов.

Из своих неглубоких туннелей токийское метро выныривает лишь изредка. Несколько раз показываются наверху красные вагоны линии «Маруноути», да оранжевые поезда старейшей ветки «Гиндза» неожиданно возникают в конце маршрута над оживленной площадью — въезжают по метро-мосту на станцию, расположенную на третьем этаже большого универмага. Городская электричка, в отличие от метро, бежит по поверхности, позволяя пассажирам любоваться токийскими пейзажами. Мелькают за окнами жилые домики под черепичными крышами. Между ними хаотически громоздятся разноцветные современные здания разной высоты — жилые и занятые учреждениями, — на стенах и крышах которых видны издали столь типичные для Японии рекламные надписи. Глухие кубы заводов и складов сменяются в центре города роскошными банками и штаб-квартирами корпораций. Текут в узких бетонных берегах мелкие грязноватые речки. Несется по параллельному пути суперэкспресс *синкансэн*, следующий в Киото, Осаку и далее на юг — вплоть до города Фукуока на острове Кюсю. На высоте третьего-четвертого этажа виден монорельсовый поезд, направляющийся в аэропорт Ханэда. Вплотную подступают к платформе могучие деревья, окружающие храм «японского Петра Первого» — императора Мэйдзи, а на травянистом откосе под кустами азалий за секунды остановки можно разглядеть

сделанную станционными служащими модель старинной деревни: среди домиков вытекает по бамбуковым трубкам вода из источника, вращается миниатюрное мельничное колесо — у станции Харадзюку в старину селились мельники.

Свой особый цвет вагонов или полос на них есть не только у линий «Гиндза» или «Маруноути», но также и на всех других главных ветках метро и электрички. Повторяясь в виде заметных издалека колец на указателях и в линиях картсхем, этот цвет помогает пассажирам выбрать маршрут и сориентироваться при входе на станции и во время пересадок. Таблицы и карты, вывешенные над билетными автоматами, содержат также сведения о стоимости проезда до каждого пункта, которая зависит от расстояния. Автоматы принимают монеты разного достоинства — кроме самых мелких одноиенных и пятииенных, иногда ассигнации в тысячу иен, примерно равные сейчас пяти рублям, и дают сдачу. К удивлению, при входе на платформу вас встречает не еще один автомат — чудо техники, а служащие в форме и традиционных для сферы обслуживания белых нитяных перчатках, щелкающие допотопными щипчиками. При большом наплыве людей это щелканье не прекращается ни на секунду, несмотря на то что постоянные пассажиры пользуются проездными билетами. На выходе такие же контролеры проверяют, правильно ли оплачен проезд, и, если нужно, взимают доплату. В час пик, однако, проверка на самом деле почти невозможна. На металлических стойках скапливаются горы сланных пассажирами картонных прямоугольников, которые контролеры еле успевают отгрести в сторону. Тщетно кричал как-то контролер на огромной пересадочной станции Синдзюку: «Господин, приехавший со станции Эбису, с вас еще двадцать иен», а пассажира уже и след простыл.

Внутри все станции метро и электрички простые, но чистые, не обезображенные самодельными надписями или рисунками на стенах. Кое-где вывешены рекламы — зубного врача, кабинет которого расположен неподалеку от станции; маклера по продаже и аренде жилья; школы иностранных языков и свадебного салона. Многочисленные выходы крупных пересадочных узлов часто ведут прямо в залы расположенных наверху универмагов или в подземные многоэтажные автостоянки. Иногда здесь же, в переходах, устроены целые подземные города, с рядами ярко освещенных лавок и кафе, лотками, торгующими всякими мелочами, служительницами в форме, которые кланяются у лифтов, возносящих покупателей на этажи пристанционных торговых зданий. Расширяющие торговое пространство тесных японских горо-

дов, эти подземные лабиринты поначалу отпугивали посетителей, боявшихся заблудиться или погибнуть во время пожара. И действительно, с непривычки сориентироваться в подземном городе совсем не просто: один пропущенный указатель, и вы оказались в другом конце торгового царства, вышли на поверхность на полкилометра дальше, чем вам хотелось, потеряли автостоянку, где оставлена ваша машина. Все это и случилось с нами в первый год пребывания в Японии, когда мы два часа лихорадочно метались в переходах около станции Синдзюку. Однако с течением времени японцы — как и мы сами после двух-трех лет пребывания в стране — привыкли к подземельям с их хорошо провентилированным воздухом, многочисленными светящимися указателями и самыми современными противопожарными устройствами. В крупных подземных городах даже дежурят наряды пожарных, которые следят за своим хозяйством при помощи специальных телекамер и датчиков. Вспыхни огонь или случись утечка газа, и на больших электронных табло сразу появится красная точка, обозначающая место аварии. Тут же автоматически заработают огнетушители и вентиляторы, вытягивающие дым, опустятся металлические жалюзи, которые пресекают распространение пожара. Считается, что даже в случае землетрясения находиться под землей, где приняты все необходимые меры против толчков и сопутствующих им пожаров и наводнений, гораздо безопасней, чем на поверхности.

Бродить по токийским подземным городам, хочешь не хочешь, приходилось довольно часто. А вот ездить в переполненном транспорте утром, когда толпы людей одновременно устремляются на работу, или в поздних пустых вагонах, где часто встречаются засидевшиеся в ресторанах гуляки, к счастью, необходимости не было. Вечерний же час пик в столичном транспорте оказался не таким страшным, как это обещали токийские знакомые. И в городской электричке, и в метро между шестью и семью вечера многолюдно, но спокойно. Пассажиры заранее выстраиваются гуськом против намеченных на платформе мест остановки дверей и строго по очереди, дисциплинированно заходят в вагоны. Как и на станциях, в поездах чисто и светло, слегка пахнет мылом и шампунем — японцы стараются по возможности ежедневно мыться дома или в бане, меняют каждый день белье и без конца стирают и чистят верхнюю одежду. Вагоны изобилуют рекламами — яркие, красивые, хорошо отпечатанные сменные листки прикреплены над окнами и над дверьми, прилеплены к стеклам, свешиваются с потолка и даже оберну-

ты вокруг ручек колец, за которые держатся стоящие пассажиры. Чаще всего, пожалуй, рекламируются путешествия, лекарства да еще свежие номера журналов — считается, что периодические издания в Японии существуют прежде всего благодаря тому, что их читают во время обычно долгого пути на работу и обратно. Пассажиры ведут себя в транспорте вежливо, но очень отчужденно. Не полагается громко разговаривать, разглядывать в упор попутчиков, спрашивать у соседей, выходят ли они на следующей остановке, — просто одни деликатно пробираются к дверям, другие молча теснятся, давая пройти. Никто не уступает мест женщинам с детьми и даже пожилым людям, очень уважаемым в Японии, — разве что войдет в вагон совсем уж древний старичок или старушка с палочкой. Молодежь слушает музыку через наушники, кое-кто использует долгие часы в транспорте для изучения иностранных языков — с помощью тех же наушников или особых карточек, нанизанных на кольца. Часть сидящих пассажиров дремлет, часть перебирает служебные бумаги или подсчитывает что-то на карманном калькуляторе.

Отлаженная система метро-электрички стала настолько привычной и важной в жизни многомиллионного города, что любой выход ее из строя приводит к хаосу. Объявит, к примеру, забастовку какой-нибудь из довольно многочисленных транспортных профсоюзов (еще совсем недавно это случалось довольно часто) — и тысячи людей остаются ночевать прямо на своем рабочем месте, а спальные принадлежности развозят напрокат грузовики, принадлежащие специальным фирмам. Организуют диверсию группы ультралевых экстремистов, устроив пожар на крупной пересадочной станции или повредив системы сигнализации, и утренняя толпа — после того как расхватаны все такси — пешком двинется в путь прямо по шпалам привычного рельсового маршрута. Как настоящее стихийное бедствие воспринимают токийцы и редкие в столице снегопады. Жителей северной Японии и побережья Японского моря снегом и даже морозами не удивишь. На Хоккайдо, где березы, луга и ландыши так непривычно для нас сочетаются с вулканами, в феврале устраивается знаменитый фестиваль снежных скульптур. Долго лежит снег на севере главного японского острова Хонсю, в Тохоку, покрывая тонким слоем мрачноватые горы и рисовые поля с аккуратными снопами соломы: монотонный зимний пейзаж оживляется здесь только зеленью хвойных деревьев да яркими плодами хурмы на черных облетевших ветках. Влажные обильные снегопады часто налетают и на побережье Японского моря — в район Ниигаты, где после очередного бурана

приходится чистить крыши, стоя по пояс в снегу. А вот в Токио редкие мокрые хлопья обычно выются в воздухе не чаще двух-трех раз за зиму, ненадолго задерживаясь на вечнозеленых листьях, зимних пожелтевших газонах и крышах деревянных храмов — к радости фотографов, торопящихся запечатлеть снежные виды города.

Необыкновенно холодной и снежной выдалась в Токио зима 1983—1984 годов. Целых семь снегопадов один за другим — самые сильные за десять-пятнадцать лет, невиданные с прошлого века. Обильный снег в эту необыкновенную зиму выпал четырнадцатого марта — такого не помнили крестьяне-старожилы, выкапывавшие из-под него замерзшие овощи: корни лотоса, морковку, китайскую капусту, большую редьку *дайкон*, растущие на полях вокруг Токио круглый год. Подмерзли плантации чая, гибли от бескормицы дикие олени, обезьяны спускались с гор и уничтожали почки на фруктовых плантациях. В парках дети и взрослые лепили обыкновенных снеговиков или нечто изощренное — роботов из детских мультфильмов, самураев. Случайные зрители отнóсились ко всему этому творчеству очень серьезно: медленно передвигались от одной скульптуры к другой, замирая перед каждой, как на настоящей выставке, где посетители долго стоят перед произведениями искусства, проникаясь их духом, или в традиционной японской комнате, где полагается опуститься на колени перед нишей *токонома*, сосредоточиться и только тогда позволить себе созерцать выставленный свиток, вазу или цветочную композицию. Даже весьма бесформенный снежный заяц, слепленный нашим сыном, удостоивался благосклонного внимания прохожих: «Кто бы это мог быть такой? — задумчиво спрашивали они. — С какой стороны его нужно рассматривать?». Снег подолгу лежал на тротуарах и проезжей части. Отвечающие за чистоту тротуаров перед своими домами или магазинами токийцы робко пытались бороться с ним обычными комнатными совками и метлами, огородными лопатками. В школе против наших окон мальчишки в форменных шортиках радостно носились по стадиону и расчищали снег большими швабрами. В те дни в больницы доставляли многочисленных пострадавших — не только в автодорожных происшествиях, но также на городских тротуарах, превратившихся в каток. Надолго откладывался вылет самолетов. В Японии, где железнодорожные власти извиняются перед пассажирами за опоздание даже на одну минуту, чудовишно — на многие часы — задерживались поезда дальнего следования. Автозаправочные станции не могли удовлетворить огромный спрос на цепи для колес,

которые не только наполнили город дополнительным шумом, но и страшно испортили дорожные покрытия. Закрывались платные скоростные магистрали. Замирало движение на улицах. Пустынной становилась площадь перед находившейся неподалеку от нашего дома станцией Сибуя — одним из самых оживленных токийских транспортных узлов.

Но проходил день-другой, снег стаял сам по себе, оживал парализованный им огромный город-мегаполис, и станция Сибуя снова становилась символом преимуществ нашего мобильного времени. Ведь с этой станции можно не только совершить обычные поездки по городу — в метро и электричке. Двадцать минут в вагонах кольцевой городской линии «Яманотэ», переход с платформы на платформу на станции Токио — и вот уже железнодорожный экспресс *синкансэн*, отбывающий из столицы каждые десять минут, мчит пассажиров на юг. Точно так же, прямо от станции Сибуя, — предъявив билет на *синкансэн*, одновременно дающий право проехать на городской электричке, — можно добраться до крупного узла Уэно и пересесть там на суперэкспрессы, следующие на север и запад острова Хонсю. Начинаются рядом со станцией Сибуя и автомобильные маршруты по всей Японии — здесь проходит одна из скоростных магистралей, которые уже к концу века соединятся в единую общенациональную сеть. Тогда всю Японию, все ее четыре главных острова, можно будет проехать за какие-нибудь два-три дня. Но, пожалуй, гораздо больше, чем молниеносное путешествие в бетонном желобе скоростной дороги, дают для понимания страны неторопливые прогулки по улицам — особенно самые первые, поразившие непривычными мелочами чужого бытия.

Узкие улочки вокруг площади Сибуя всегда забиты пешеходами и машинами. Пахнет бензином, канализацией, из ресторанчиков доносятся запахи аппетитных блюд, попавших в Японию со всего света. Людские потоки послушно замирают перед красным светом на перекрестке, разделяются на ручейки, снова сливаются и без всяких правил текут навстречу друг другу — токийцы до сих пор окончательно не решили, по какой стороне тротуара они ходят. Лица спокойны, благожелательны: теснота неизбежна и никого не раздражает. Вот хорошенькая девушка случайно задела зонтиком другую из встречного потока. «Прошу прощения!» — вскричали обе и одновременно поклонились.

За воротами стройка — на крошечном клочке земли, столь дорогой в центральном Токио, возводится многоэтажное здание. Леса затянуты зелеными синтетическими полотнищами, на металлическом заборе висит реклама с изображением

готового дома, приглашая заранее купить или снять помещения. Старички в касках и в форме своей строительной компании тщательно смывают глину с колес отъезжающего от котлована грузовика — чтобы не пачкать тротуар и проезжую часть. «Идет машина, идет машина», — предупреждают они прохожих и кланяются, извиняясь за причиненное беспокойство.

Поднялись металлические жалюзи при входе в большой магазин. Сверкают зеркальные витрины, в зале благоухают цветы, аранжированные художниками, — японские дизайнеры настолько искусны, что их творчество стало в последнее время предметом экспорта. В магазин устремились первые покупатели, и каждый из них устает низко поклониться служащих, стоящих около своих рабочих мест: девушек из справочного бюро, лифтерш в кокетливых шляпках с пером и нарядных одинаковых костюмчиках, продавцов и продавщиц в форме поскромнее. Вечером такими же поклонами и словами благодарности будут провожать покупателей, покидающих магазин последними. На первом этаже универмагов обычно помещаются отделы косметики и бижутерии. Молодая женщина внимательно изучает приглянувшиеся ей безделушки, эффектно разложенные на модернистских столиках-кубах из стали и стекла. Ее дочка лет четырех подобралась между тем к дорогим французским украшениям — прямо из Парижа — и перебирает их, как речные камешки. Сохраняя невозмутимое спокойствие, покупательница продолжает заниматься своим делом, а собравшимся вокруг продавщицам остается только робко лепетать, источая сладкие улыбки.

Около станционных билетных касс остановилась небольшая группа людей. Сразу видно, что они возвращаются с похорон. Мужчины — в строгих черных костюмах с черными же галстуками; женщины помоложе — в европейских траурных платьях; пожилые дамы — в черных официальных кимоно с белыми кружками фамильных гербов, имеющих теперь не только в самурайских семьях. У всех в руках узелки с подарками, полученными по обычаю от родственников покойного. Прощаясь, низко кланяются друг другу и расходятся по своим линиям метро и электрички.

К расположенному неподалеку отелю направляется скромная семейная пара, приехавшая откуда-то из провинции. Молодой муж уверенно шествует впереди, за ним торопится юная супруга, нагруженная свертками. Медовый месяц, когда вещи по-западному еще носит молодожен, явно миновал.

На оживленном углу двое франтоватых юношей, разо-

детых по последней экстравагантной моде — в футболках с английскими надписями (часто непонятыми, впрочем, самим американцам или англичанам), в клетчатых штанах, ярких носках, туфлях на толстой подошве, — настойчиво предлагают прохожим рекламки: большая парикмахерская обещает стричь со скидкой в течение ближайших трех дней. Выброшенными листками забиты урны, усыпан тротуар — редко кто уносит рекламки с собой. Здесь же неподалеку стоит буддийский монах в темном кимоно, сандалиях, на бритой голове — широкая бамбуковая шляпа, в руках — металлическая чаша для сбора подаяний и колокольчик. Звякнула монетка в чаше, тренькнул колокольчик, монах сделал несколько шагов по тротуару и вновь застыл, сосредоточенно полуприкрыв глаза.

Заканчивается рабочий день. Из многочисленных учреждений, банков, контор высыпают служащие — аккуратно подстриженные, чистенькие, в полусинтетических «деловых» рубашках и таких же недорогих «деловых» костюмах — светлых летом, темных с октября, когда по традиции принято менять летнюю одежду на зимнюю. Об индивидуальном вкусе своих владельцев позволяют судить, пожалуй, только галстуки, подобранные так, чтобы гармонировать не только с рубашкой и костюмом, но даже и с носками, — японцы очень тонко чувствуют цвета и придают большое значение их сочетаниям. Часть служащих направляется к станции, часть кочует небольшими компаниями по рестораничкам или шумным барам *караокэ*. Подобное времяпрепровождение в развлекательных кварталах с обязательными переходами из одного заведения в другое имеет у японских горожан давнюю традицию. В наши дни считается, что деловым партнерам, гуляющим на «казенный» счет, оно позволяет быстрее договориться даже по самым серьезным вопросам, а работающим вместе служащим — помогает лучше узнать друг друга в непринужденной обстановке, стряхнуть напряжение рабочего дня. И хотя говорят, что младшее поколение начинает тяготиться подобными, по существу обязательными, «сверхурочными» развлечениями, все еще редко кто отваживается нарушать обычай совместных гулянок.

Нередко во время своих вечерних «туров» компании служащих заглядывают и в залы игровых автоматов *патинко*, манящие яркими мигающими вывесками. Однако основные посетители *патинко* — это все же люди, которые ищут одиночества и сидят хотя и в многолюдном освещенном зале, но, по сути дела, один на один с автоматом, гоняя

металлические шарики по вертикальному полю — в такт оглушительной маршевой музыке. Смысл игры заключается в том, чтобы загнать эти шарики, купленные при входе, в счастливые ячейки — тогда раздается поздравительная электронная музыка и игрок получает награду в виде все тех же шариков, только в большем количестве. При желании их можно тут же обменять на призы — кофе, белье, сигареты и другие товары, за которые, в свою очередь, выдаются деньги в небольшом окошке где-нибудь по соседству (официально выдача денег в *патинко* запрещена). Однако для большинства игроков «призы» и деньги — не главное, тем более что, как правило, клиенты остаются в проигрыше, а прибыль, конечно же, получают владельцы залов, зарабатывающие тем самым свой хлеб насущный. Важнее сам процесс игры, возможность забыть обо всем на свете, которые, по-видимому, и обеспечивает *патинко*, впервые появившимся в Японии после войны, такой неожиданный успех в стране передовой техники и древней высокой культуры. Число посетителей *патинко* постоянно растет, сейчас среди них немало девушек и женщин, ранее подобные заведения не посещавших. Новые *патинко* отделяются все более вычурно, самые крупные из них украшены «античными» статуями, пухлыми амурами под бронзу, умывальниками под мрамор, многочисленными зеркалами и букетами искусственных цветов. Комнаты с «призами» иногда напоминают универмаги — так много в них различных товаров. Машины оснащаются изощренной современной техникой и легко выдерживают конкуренцию с, казалось бы, гораздо более интересными электронными видеоиграми. Всего же в Японии насчитывается более девяти тысяч игровых домов *патинко*, где почти два миллиона машин ждут посетителей с утра и до позднего вечера. И только часам к одиннадцати *патинко* пустеют, оживление в развлекательных кварталах постепенно стихает. В это время усталые от работы и своеобразного отдыха служащие отправляются на ночлег, разъезжаясь в вагонах метро и электрички по домам — чаще всего в города-спутники столицы.

За пределами Токио жили и почти все наши японские знакомые, в гостях у которых удалось побывать. Много лет тому назад один из них, профессор-языковед, купил трехкомнатную квартиру в многоэтажном доме, стоящем среди полей. На званный вечер к нему мы добирались в серебристых вагонах линии «Тоёко» («Токио-Йокогама»), начинающейся все от той же станции Сибуя. По другой

пригородной линии, связанной с крупным транспортным узлом Икэбукуро, можно было проехать к младшему коллеге профессора, довольствовавшемуся относительно дешевой казенной площадью, предоставленной на службе в государственном университете. Скромный пятиэтажный дом, заселенный научными сотрудниками, был окружен овощными и рисовыми полями, дышалось в районе тоже не по-токийски. Однако двухкомнатная квартира была явно мала для семьи из четырех человек. Хозяева и гости не помещались в крошечной прихожей, и поэтому церемонию приветствия пришлось повторить несколько раз.

Линия «Гоёко», а затем местный автобус доставили нас в гости к еще одному знакомому — ассистенту Токийского городского университета, только что снявшему для себя и своей жены первый этаж деревянного дома. Помещение находилось в жилом квартале промышленного города-спутника столицы — Кавасаки, известного своим отвратительным воздухом, и еще недавно было занято частной вечерней школой, готовящей детей для поступления в высшие учебные заведения. Нашим друзьям, однако, оно показалось достаточно удобным — главным образом тем, что смогло вместить их обширную библиотеку. Среди стеллажей с книгами, на соломенных матах *татами* разместился низкий столик, за которым пили чай, читали, писали. Здесь же рядом стоял проигрыватель, лежали горой пластинки. Но для жилья бывшая школа оказалась приспособленной плохо. Сквозь тонкие перекрытия доносился каждый звук с улицы, а над головой шумела многодетная семья. Зимой в доме было очень холодно — даже для японцев, привыкших жить в не слишком теплых традиционных помещениях, — а летом влажно и душно, так что приходилось постоянно проветривать не только одежду и постельные принадлежности, но и плесневевшие книги, ради которых и было выбрано помещение.

И все-таки свое самое первое токийское путешествие в гости мы совершили в пределах самого города — отправившись в зеленых вагонах кольцевой электрички «Яманотэ» к ничем не примечательной станции, похожей на многих своих сестер в разных районах города. Стойки контролеров установлены здесь в проходе под приподнятыми платформами. Рядом со станцией площадка, забитая припаркованными велосипедами. Здесь же телефонные будки, где на полках лежат слегка потрепанные справочники, которыми могут пользоваться все желающие. Сориентироваться в путанице ближайших переулков помогает стенд с планом

окружающих кварталов. Пристанционная площадь окружена украшенными разноцветными надписями вывесок и реклам многоэтажными домами. Узкие, как спичечные коробки, — иногда в одно-два окна по ширине — они построены на очень маленьких и очень дорогих в условиях Токио участках, которые по очереди скупались предпринимателями у владельцев старых домишек. Несколько таких домишек с потускневшими вывесками семейных лавок все еще сохраняются на площади. Небольшие домики заполняют также неизбежную пристанционную торговую улочку, украшенную входной аркой с иероглифами *сётэнгай* («торговый ряд») и гирляндами искусственных цветов, прикрепленных к столбам. Тянутся на километры двухэтажные домишки и вдоль проходящей неподалеку крупной магистрали. На первом этаже — кафе и небольшие лавки, прачечные-химчистки и мастерские по изготовлению обязательных для каждого японца личных печатей, похоронные бюро и аптеки... Вверху живут хозяева, проветриваются, свешиваясь из окон, постельные принадлежности.

В один из двухэтажных домиков мы и попали первый раз в гости — в семью владельца парикмахерской, обычный знак которой — продолговатый фонарь с вращающимися синими, красными и белыми полосами — установлен на тротуаре перед входом. Здесь в салоне на пару кресел делают простую мужскую стрижку и традиционный массаж головы, стригут волосы в носу и ушах, старательно подбривают шею и даже лоб. За салоном узкий коридорчик ведет в устланную татами комнату парикмахера и его жены, в которой принимают и редких гостей. Наверху — две комнаты, занятые стариками-родителями и сыновьями (один из братьев, пригласивший нас в гости, работал в крупной фирме, которая обеспечивала техническое обслуживание нашего многоквартирного дома). Жилье, занятое семейством парикмахера, темноватое и довольно сырое, но зато оно издавна принадлежит своим владельцам и расположено в очень удобном месте — прямо рядом со станцией. Поэтому в парикмахерской всегда есть клиенты, а сын, работающий вне семьи, может утром быстро добраться до электрички. Ведь земля и помещения около станций становятся с каждым годом все дороже, и те, кто купил жилье недавно или снимает его, вынуждены селиться все дальше от удобного транспорта и тратить на дорогу до работы все больше времени — как правило, больше часа в один конец. Стремясь сберечь лишнюю минуту сна, многие добираются утром до станций на велосипедах, иногда на мотороллерах, которые потом ждут своих хозяев в течение

рабочего дня на пристанционных площадках, тротуарах, в соседних переулках, мешая пешеходам и автомобилистам.

Впервые множество велосипедов заполонило Японию в середине семидесятых годов — во время первого нефтяного кризиса. Но вот миновал первый кризис, ушел в прошлое второй, а увлечение горожан этим видом транспорта не проходит. Велосипедисты, легко лавируя между автомобилями, преодолевают пробки на дорогах. Кроме того, они имеют право ездить по тротуарам и оставляют своих «коней» где угодно — даже в местах, огороженных металлическими «противопарковочными» барьерами. Поэтому велосипедами пользуются не только те, кто ездит на них каждое утро к станциям, но и другие жители столицы: домохозяйки, когда отправляются за покупками; полицейские, объезжающие узкие улочки своих участков; торговцы и владельцы небольших ресторанов — для доставки товаров или обедов на дом; почтальоны и разносчики газет. В результате к середине восьмидесятых годов велосипедов в стране оказалось больше, чем машин: один приходится на каждых двух жителей Японии, включая стариков и младенцев. Полиция эпизодически и безуспешно берется расчищать от поставленных где попало или забытых навсегда велосипедов площади перед станциями, узкие улицы деловых и торговых кварталов. Но на месте увезенных на свалку появляется множество новых, так что Японию, пожалуй, можно было бы назвать страной велосипедов с не меньшим основанием, чем страной машин.

А вот один из самых распространенных видов транспорта довоенной и послевоенной поры — трамвай, без которого как будто не обходится ни одна фотография столичных улиц и площадей того времени, — уже превратился в своеобразную музейную достопримечательность, сохранившуюся на севере Токио. На остановке «четвертый квартал Нисигахара», куда мне часто приходилось ездить в библиотеку, желтые вагоны последней трамвайной линии заполнялись очень скромной публикой: молодыми домохозяйками с привязанными по обычаю за спиной младенцами; громко беседующими старушками, которые долго кланяются, уступая друг другу освободившееся место; девушками в синих форменных плащах из расположенного неподалеку женского училища. По своему внутреннему устройству последний трамвай очень напоминает вытеснивший его отовсюду автобус. Пассажиры выстраиваются в очередь на остановке и по одному входят через переднюю дверь. Здесь же под присмотром водителя в форменной фуражке, тужурке и нитяных перчатках они опускают независящую от расстоя-

ния плату в кассу-автомат, который может дать сдачу. Выход расположен в центре салона, поэтому ни безбилетных зайцев, ни встречных потоков людей, мешающих друг другу, в трамвае — как и в автобусе — не бывает. Остановки объявляет записанный на пленку любезный голос, который заодно рекламирует магазины и другие заведения, расположенные на линии. Прежде чем выйти, пассажиры — тоже как в автобусе — предупреждают водителя о своем намерении, нажав одну из расположенных над сиденьем кнопок с загорающей лампочкой — и только трамвайные старушки, заболтавшись, иногда сидят до последнего момента, забыв о кнопке, и с криком «Выхожу, выхожу!» вдруг устремляются к дверям. Но даже в таком модернизированном виде медленно ползущий среди допотопных домишек трамвай не может не напоминать токийцам о былых временах: о трамвае пишут в туристических справочниках, ему посвящаются ностальгические телепередачи, а по воскресеньям на маршруте даже проводятся экскурсии.

БУДНИ И ВЫХОДНЫЕ ТОКИЙСКИХ ПАРКОВ

Пустынно в будние дни в самом большом парке Токио — Ёёги. Занимаются спортивной ходьбой редкие старички в панاماх, похожих на тропические шлемы. Малыши из муниципального детского садика в одинаковых ярких шапочках и передничках — чтобы не потеряться — идут на прогулку. Вот они собрались на лужайке вокруг сдержанных и ласковых воспитательниц, все вместе играют в мяч, соревнуются в беге, прыгают через большую скакалку. Неподалеку расположились случайные влюбленные парочки — целуются, сидя на скамейках, непринужденно лежат в обнимку на траве.

В мусорных корзинах роятся вороны — непривычно большие, черные. Позже, ближе к полудню, отославшись на солнце после холодной ночи, к воронам присоединяются бродяги — вяло ищут остатки пищи, перебирают выброшенные газеты и журналы. И для птиц, и для людей, лишившихся «гнезда», парк Ёёги — это дом, место сна и отдыха. Стаи ворон гнездятся на больших деревьях в небольшом птичьем заповеднике, примыкающем к храму императора Мэйдзи. Беззащитные, отвергнутые обществом бродяги тоже держатся группами — в одиночку можно совсем пропасть, стать жертвой бессмысленного садистского убийства — как это не раз и случалось. Поэтому бездомные ночуют неподалеку друг от друга на скамейках или устраиваются более основательно — расстилают грязные матрасы в кустах и под пешеходным мостом, ведущим в парк над магистралью, сушат бельишко (все-таки сказывается японская любовь к чистоте), слушают радио. Иногда перед матрасом — как при входе в японское жилище — аккуратно выставлена «уличная» обувь, а ее владелец сидит «у себя дома» в тапочках. Как-то в изголовье лежбища даже красовался выброшенный кем-то магазинный пакет с английской надписью «Мой дом» — зрелище, полное горькой иронии. Покой спящих бродяг нарушается время от времени

душераздирающими звуками, которые извлекают из своих труб, саксофонов и барабанов студенты-музыканты, использующие место под мостом для репетиций.

Отдохнув днем, ночью постоянные обитатели парка отправляются на промысел. Вороны, как показало специальное обследование, проведенное с помощью радиодатчиков, летают на Гиндзу опустошать мусорные бачки около почных ресторанов. Маршруты токийских бродяг никто пока специально не изучал, однако точно известно, что в каждом крупном районе развлечений есть свои завсегдатаи. Поклонники японской кухни, как и вороны, предпочитают Гиндзу, причем «элита» бродяжьего царства получает остатки с черного хода прямо из рук поваров, а те, кто стоит на нижних ступеньках иерархической лестницы, роются в бачках вместе с воронами. Любители спагетти, пиццы и прочих европейских блюд посещают другой известный гулякам район — Синдзюку и расплачиваются за свое пристрастие к мучному диабетом, который накладывается на другие хронические болезни, одолевающие изгоев японского общества. Судьба этих людей, похоже, мало кого беспокоит в огромном городе. Скорее западные миссионеры и врачи, нежели сами японцы, думают о том, как облегчить участь опустившихся бродяг.

Совсем по-другому выглядит парк Ёёги в выходные дни, особенно весной, в период цветения сакуры и во время «золотой недели» — череды праздников, приходящихся на конец апреля—начало мая. Сотни людей сидят семьями на пластиковых циновках, едят завтраки в коробках *о-бэнто*, пьют из термосов зеленый чай. Дети катаются по тартановому кругу на велосипедах, которые бесплатно выдают напрокат городские власти, играют с родителями в бадминтон; мальчишки увлекаются бейсболом. Взрослые же бегают поодиночке и группами по специальному «маршруту здоровья» с отметками расстояний или, встав в кружок, делают гимнастику — европейскую и традиционную китайскую *тайцзицюань*.

Еще несколько лет назад в Ёёги катались на роликах, играли в футбол и летающую тарелку. Потом эти виды спорта в самом парке запретили. У входов выставили большие доски с перечеркнутыми рисунками: нельзя гулять в неположенное время — усталое солнышко зевает на картинке; запрещается играть на музыкальных инструментах, нарушая покой птиц, заниматься съемками для рекламы, выгуливать собак, пускать радиоуправляемые машинки. Из всех этих правил дисциплинированные японцы регулярно

нарушают, пожалуй, только первое — гуляют в парке после пяти часов вечера. А любители роликов переместились на большую дорогу, идущую вдоль Ёёги, которая часто перекрывается для транспорта в выходные дни. Раньше здесь демонстрировали свои прямо-таки акробатические трюки юноши, катающиеся на досках и специальных велосипедах, собирались в кружки группы самозабвенно танцующих молодых людей в необычной одежде, съезжавшихся даже из соседних префектур, — «бамбуковые дети», как прозвали их токийцы, используя название молодежной торговой улочки Такэсита («Под бамбуком»). Сейчас мода на ролики, доски и велосипеды явно прошла, реже собираются около парка и «бамбуковые дети». Зато около Ёёги появились самостоятельные молодежные оркестры и театральные группы, выступают старички — исполнители *караокэ*, демонстрирует свое искусство дрессировщик обезьян, привлекающий большую толпу взрослых и детей.

Кажется, что по выходным дням чуть ли не весь Токио занимается спортом, поет, танцует, наслаждается зеленью в парке Ёёги. Неужели здесь собираются те самые люди, которые прославились на Западе как нация «работоголиков», пристрастившихся к работе, точно пьяницы к вину, и совсем разучившихся отдыхать? И ведь действительно, из оплаченного отпуска, и так обычно не превышающего двух недель, большинство японцев использует только половину. Хотя рабочая неделя в Японии длиннее, чем в других развитых капиталистических странах, многие допоздна задерживаются на предприятиях и в конторах уже после того, как отработают почти что обязательные сверхурочные часы — из денежных или карьерных соображений, из боязни вести себя не так, как все, или просто потому, что уютнее чувствуют себя на службе, а не дома, где холодно или жарко без кондиционера и нечем заняться. Постепенно, после долгих лет ежедневного присутствия с утра до ночи в одном и том же помещении, некоторые служащие — обычно это постоянные работники-мужчины — вообще перестают интересоваться всем, что не имеет отношения к профессиональным делам. Даже общение с семьей «работоголики» воспринимают как неизбежную повинность, поэтому на выходные приносят домой служебные бумаги, а если праздники длятся больше двух дней, заболевают нервным расстройством. Выезжая за город на выходные, они продолжают неотступно думать о делах и предпочитают принадлежащий своей же фирме пансионат или гольфклуб, где можно спокойно поговорить с коллегами на интересующие всех служебные темы. Вряд ли поэтому

стоит удивляться тому, что строительная компания, как-то захотевшая привлечь по воскресеньям внештатных сотрудников, тут же получила десятки предложений. Не потребовалось даже давать объявлений. Двух коротких газетных заметок, упомянувших о планах компании, оказалось достаточным для того, чтобы откликнулись служащие самого разного возраста из других фирм — кто в надежде найти лучшее применение своим талантам, кто рассчитывая сделать накопления на старость, а кто и просто из желания чем-то заполнить время.

И все же представление о японцах как о нации «работоголиков» — хотя оно и возникло не без оснований — слишком упрощено. Опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что разные группы населения в Японии относятся к труду и отдыху не одинаково. Больше всего «работоголиков», считающих службу единственным делом своей жизни, оказалось среди тех, кто родился в тридцатые годы. Детство и юность этого поколения пришлись на мрачный предвоенный и военный период, а после капитуляции оно закладывало своим неустанным трудом основу нынешнего процветания Японии. Вспоминая трудную молодость, поколение, создавшее «экономическое чудо», как будто все еще боится, что благополучие окажется преходящим, и не смеет расслабиться хотя бы ненадолго. Говорят, что даже те, кто родился в двадцатые годы, заражены подобной психологией в меньшей степени, чем их младшие братья и сестры. Круг увлечений стариков гораздо шире; несмотря на возраст, они и сейчас умеют наслаждаться самыми простыми радостями жизни — храмовыми ярмарками, спокойными прогулками по городу. Тем более не хочет отдавать все свои силы и свободное время только пожизненному служению «собственной» компании молодежь, которая мечтает о хорошем отдыхе, встречах с друзьями вместо обязательных служебных походов по ресторанам, о занятиях спортом и полноценном общении с семьей. Пытается побудить своих соотечественников побольше отдыхать и японское правительство, — очевидно, его в какой-то степени подталкивает к этому давление других стран, требующих изменить направленность японского общества на усиленное производство товаров (в том числе и на экспорт) при умеренном потреблении. Во всяком случае, в 1987 году впервые за тридцать лет был пересмотрен закон о рабочей неделе, которая, став на два часа короче, не должна превышать теперь сорока шести часов. Обсуждается и вопрос об учреждении новых национальных праздников — в дополнение к уже имеющимся двенадцати. Появилась

идея создать помимо весенней «золотой недели» еще и осеннюю в октябре или ноябре, когда стоит теплая и сухая погода, а во время весенней недели ввести дополнительный выходной — четвертое мая — между «днем конституции» и «днем детей».

О досуге жителей немало пекутся и местные власти. В районе Сибуя их стараниями превратилась в место народных гуляний площадь рядом с парком Ёёги, считающаяся его частью. Здесь по традиции проходит главная токийская первомайская демонстрация, проводятся митинги. А в последние годы на площади все чаще стали устраивать самые разные фестивали, привлекающие множество людей. Уже на наших глазах — как-то в преддверии весенней «золотой недели» — площадь вдруг преобразилась за несколько недель. Старый асфальт, перемежающийся с каменными серыми брусками, заменили разноцветными плитками, на газонах среди чахлах, вытопанных кустов дополнительно высадили взрослые деревья. Композиционным центром площади стала новая эстрада под многоарочным куполом, к которой как бы устремлялся веером выложенный плитками узор. Границы же театрального пространства под открытым небом были символически намечены стальной колонной с часами и модернистскими воротами из такой же нержавеющей стали. Помимо площади зона праздников охватывает и обычно пустынную аллею между Олимпийским центром знаменитого архитектора Кэндзо Тангэ и государственной телерадиокорпорацией. В будни здесь изредка появляются со своими папками и мольбертами студенты-художники, которых привлекают кубистские здания корпорации, да выстраиваются по определенным дням километровые очереди в ее концертный зал — то молодежные, то, наоборот, состоящие из людей пожилых, в основном старушек, мечтающих послушать народную музыку. А накануне районных и городских праздников, как театральные декорации, вдруг мгновенно вырастают ряды палаток и тентов, около которых кипит действие — иногда современное, иногда традиционное, характерное для храмовых праздников. Когда-то эти праздники были одним из главных развлечений простого люда. Устраивались они окрестными жителями, постоянно ходившими в храм и поддерживавшими его материально, а посещались не только мужчинами, но также женщинами и детьми, которые не могли развлекаться в «веселых» кварталах. Исчезнув в годы войны и послевоенной разрухи, большие и маленькие храмовые праздники возродились одновременно с традиционными видами искусства, парадной

национальной одеждой, ритуалами и процветают по всей стране, несмотря на доступность разнообразных современных зрелищ. Сочетанием новых и излюбленных традиционных форм развлечений, по-видимому, объясняется и популярность фестивалей около парка Ёёги.

Один раз в году, в День культуры, третьего ноября, муниципалитет района Сибуя проводит около парка свой праздник, начинающийся с утра смотром-парадом школьных оркестров. За оркестрами следуют девочки-жонглеры, потом — ребята помладше, несущие самодельные паланкины — *микоси* с изображениями любимых героев мультфильмов (настоящие *микоси* — покрытые богатой резьбой, украшенные искусственными цветами и весящие сотни килограммов алтари — взрослые носят во время храмовых праздников).

В последующих развлечениях, которые длятся до позднего вечера, участвуют все районные службы. Почтовики гасят марки памятными штемпелями. Электрики приглашают желающих покрутить педали и выработать своим трудом энергию, достаточную для того, чтобы на небольшом макете поехал поезд и зажегся огнями завод. Водопроводчики раздают воздушные шары с лозунгами, призывающими беречь питьевую воду, и наклейки — лягушка мучается от жажды под палящим солнцем. Мусорщики вручают прохожим пластиковые карманные пепельницы с английской надписью «Чистая жизнь».

Не обходится районный праздник около парка Ёёги и без большого учебного грузовика, в кузове которого можно воссоздавать землетрясения разной силы. Кто-нибудь из публики — обычно это, конечно, дети — забирается в кузов, оборудованный как настоящая кухня-столовая. Кузов колеблется в соответствии с заданной силой имитируемых толчков, а стоящий рядом инструктор напоминает еще и еще раз правила поведения во время землетрясения: выключить электрические и газовые приборы, открыть входную дверь (ее может заклинить), накинуть на голову что-нибудь мягкое, а еще лучше — залезть под стол, на случай если обрушится потолок. Сколько раз при первых же толчках, раскачивающих наш сейсмоустойчивый многоэтажный дом, мы кидались выполнять эти инструкции (правда, под стол не лезли). Подождав несколько минут, неуверенно закрывали двери и включали телевизор. В нижней части экрана, поверх непрекращающейся передачи, уже бежали иероглифы срочного сообщения: «В столичном районе произошло землетрясение силой во столько-то баллов». Позже в

теленостях и в газетах появлялась карта с цифрами, показывающими силу толчков в разных пунктах, и сообщались подробности: то происходила утечка газа и несколько семей срочно эвакуировались, то люди застревали в лифте и были извлечены из него спасательными службами, то кто-то был ранен. Посетители ресторана, расположенного на пятьдесят втором этаже здания компании «Сумитомо» в Синдзюку, — в основном иностранцы — обычно страшно пугались, когда небоскреб начинал раскачиваться, как перевернутый маятник, а поезда метро и городской электрички после короткой автоматической остановки вновь приходили в движение на пониженной скорости. Сообщив о происшествиях, телестанции вскоре приглашали в студии ученых-сейсмологов, которые рассуждали в своих беседах о возможности перерастания последних толчков в катастрофическое землетрясение — с гигантскими трещинами, провалившимися домами, огромными, возникающими во время землетрясений приливными волнами *цунами*, разрушительными пожарами.

Впрочем, пожарным в Японии всегда хватало работы и без землетрясений. Добровольные пожарные дружины, существующие еще со времен деревянного Эдо, и сейчас проводят в столице свой красочный праздник: облачившись в хлопчатобумажные куртки со старинными гербами-символами на спине — у каждой дружины собственными, — показывают акробатику на старинных бамбуковых лестницах. А новейшие методы тушения огня тут же демонстрируют облаченные в жаропрочные костюмы современные пожарные, которые стреляют в пламя пенными струями из установленных на вертолетах «пушек». Красная пожарная машина появляется обычно и на районном празднике в Еёги — рядом со своим собратом, учебным «сейсмическим» грузовиком.

Устраивается около Еёги и особая детская площадка. Здесь ребята катаются на маленьком, размером с трехколесный велосипед, но совсем настоящем паровозе с вагончиками. Рядом предлагаются старинные развлечения, обычные для храмовых праздников: на площадке можно походить на бамбуковых ходулях (у дедушек это получается лучше, чем у внуков), поиграть в *кэндама* — шарик на веревочке, который набрасывают на деревянную подставку с ручкой. В больших корытах дети ловят золотых рыбок бумажными ситечками, которые мгновенно размокают в воде: если поймашь, пока ситечко не порвется, то рыбка твоя.

Участвуют в праздниках около парка и районные любительские кружки.

На покрытом тканью помосте сидят игроки в традиционные облавные шашки *го*. Соревнуются художники, высекающие скульптуры из льда — птиц, самураев, знаменитые храмы Японии. В одной из палаток можно посмотреть, как делают из разноцветной бумаги, гладкой и узорчатой, затейливые фигурки, которые так и называются — сложенная бумага, *оригами*. На столе выставлены готовые образцы: традиционные куклы, кораблики, черепахи, птицы и невиданные в старой Японии жирафы или крокодилы. Первоначально разнообразные *оригами* использовались во время религиозных ритуалов — как и особо сложенные бумажные полосы, которые прикрепляются к синтоистской священной веревке *симэнава*. Гирлянды бумажных журавликов иногда можно увидеть во дворе храмов на специальных щитах, предназначенных для «дощечек с лошадиными картинками» — *эма*. На одной стороне дощечек, изображающих силуэт конюшни под крышей, обычно рисовали жертвенную лошадь, но сейчас часто встречаются и другие изображения, в том числе символы божества данного храма. А на другой, чистой стороне *эма*, как и раньше, пишут самые разные пожелания: поступить в институт, выйти замуж, родить ребенка, отказаться от привычки пить сакэ или курить. Согласно поверью, осуществлению желаний способствуют и сделанные самими жертвователями гирлянды из тысячи бумажных журавликов, которые с детства умеют складывать все японцы — и с ритуальными целями, и просто для удовольствия. В общедоступное занятие, не требующее ни особого места, ни больших затрат, давно превратилось также изготовление других бумажных фигурок. *Оригами* складывали взрослые и дети, профессиональные художники и обитательницы «веселых» кварталов во время застольных бесед. Сохраняется традиция *оригами* и в современной Японии, где любители этого искусства не только воспроизводят привычные образцы прошлого, но также изобретают новые, более сложные и необычные по содержанию, вроде экзотических животных на празднике в Ёёги.

В одной из праздничных палаток обычно бывает выставка *икэбаны*, а дамы из кружка чайной церемонии приглашают всех желающих принять участие в ритуале чаепития, конечно, в его самом простом и недолгом варианте — на скамейках покрытых красной материей. Перестав быть символом принадлежности к привилегированным слоям общества и обязательной частью обучения девушек из «хороших семей», *икэбана* и чайная церемония тем не менее остаются неотъемлемой принадлежностью японской жизни. В стране насчитыва-

ются тысячи частных школ, обучающих этим традиционным видам искусства, — совсем маленьких и имеющих отделения в разных городах. Любой человек может заказать вывеску и объявить себя мастером-наставником. Для этого не требуется ни особого разрешения, ни квалификационного свидетельства, лишь бы название не совпадало с названиями уже существующих школ, особенно знаменитых, внутри которых имеются свои правила и своя строгая иерархия наставников. Занятия *икэбаной* и чайной церемонией не только приобщают к традиционному этикету и эстетическим представлениям прошлого, но и превратились в одну из любимых разновидностей отдыха и общения. Помимо школ процветает множество кружков, которые посещают живущие по соседству женщины, когда у них есть время и настроение. Иногда — необязательно во время праздников — кружки устраивают выставки *икэбаны* и чайную церемонию для приглашенных. На одной такой чайной церемонии в библиотеке кварталов Таканава мне удалось как-то побывать. Участницы местного кружка, в основном женщины среднего возраста, у которых, очевидно, уже подросли дети, сделали сами открытки-приглашения из японской бумаги *васи* и разослали их друзьям и знакомым. К приему гостей приготовили одно из библиотечных помещений, устланное *татами*, но несколько великоватое для чайной церемонии, которая устраивается в тесных и нарочито простых каморках. На стене повесили художественный свиток, под ним выставили композицию из цветов. В углу разместилась подставка с чайными принадлежностями, в том числе и чугунным чайником на угольной жаровне, хотя на самом деле воду потом грели в соседней комнате. Накануне церемонии женщины много часов сами готовили специальные сласти из клейкого вареного риса с начинкой из красной фасоли, придавая им с помощью деревянной формы вид кленового листа — излюбленного символа наступившей осени. А с утра, в назначенный день, группы гостей — кто в кимоно, кто в нарядном платье — стали являться каждая к своему сроку. У стола при входе женщины предъявляли приглашения, регистрировались в гостевом журнале и церемонно обменивались поклонами с одной из хозяек, облаченной в гладкое, но цветное (а не черное) полуофициальное кимоно. После этого — как положено — следовал небольшой период ожидания, обычно торжественного и ритуализированного. Поскольку в библиотеке кварталов Таканава в качестве комнаты ожидания использовалось самое обычное помещение, уставленное ев-

ропейскими стульями, здесь скорее царил непринужденный дух, напоминающий стародавние *идобата кайги* — «собрания» у общественного колодца», служившего некогда местом встреч и общения живущих по соседству женщин. По прошествии некоторого времени гости рассаживались по периметру уже в самой комнате для церемонии. Каждая обменивалась положенным числом поклонов и вежливых фраз с соседками и хозяйками, подающими ярко-зеленый напиток, который готовится из истолченных в порошок чайных листьев. Потом, следуя ритуалу, очередная группа гостей восхищалась изысканными пиалами, свитком, *икэбаной*, чайными принадлежностями, а затем уступала место следующей партии, уже поджидающей в приемной. Достаточно упрощенная, церемония все же проходила на более высоком уровне, чем у парка Ёёги, хотя надо сказать, что и в том, и в другом случае участники относились к ритуалу очень серьезно и даже истово.

Не забыты во время районных праздников и те, кто нуждается в особом внимании общества — старики и инвалиды. На эстраде устраивают представления с народными танцами и песнями «клубы престарелых», очень широко распространенные в Японии. Члены этих клубов играют в любимый стариками крикет, проводят экскурсии, пишут вместе стихи традиционных форм, занимаются каллиграфией или другими национальными видами искусства. Новейшее увлечение старшего поколения — бальные танцы, напоминающие о днях минувшей молодости. Районные власти не только вовлекают стариков в праздник, но и помнят об их каждодневных нуждах — прикрепляют к одиноким кураторов, помогающих по хозяйству, лежачим выплачивают специальные пособия и регулярно посылают к ним санитаров — мыть больных и менять белье, даже если старики живут в семье. Повсеместно в Токио ощущается и внимание к инвалидам. Для слепых на особо важных переходах устанавливают устройства с кнопками, издающие звуковые сигналы, когда зажигается зеленый свет. В некоторых местах, особенно около станций, в асфальт вделаны плитки с выпуклыми полосками и кнопками, которые чувствуются сквозь подошвы. Кое-где плитки не только позволяют двигаться в определенном направлении, но и предупреждают о поворотах, ступеньках, конце платформы. Выпуклые знаки появились даже на торговых автоматах, кнопках лифтов, около отверстий для внутригородских и междугородных писем на почтовых ящиках. Есть в Токио и библиотека для слепых, путь в которую указан от станции

электрички все теми же выпуклыми плитками. В музее для слепых — правда, частном, а не государственном — все экспонаты можно трогать руками. Для инвалидов, пользующихся колясками, в некоторых общественных местах сделаны туалеты, обозначенные специальным значком. Японские газеты писали, что для колясок начали создавать также особые эскалаторы и даже автобусы. Группы инвалидов на колясках или отстающих в развитии детей, которых ведут за руку взрослые, можно увидеть в парках или около достопримечательностей, и это считается само собой разумеющимся. Никто не глазеет на эти группы и тем более не комментирует происходящее. А на празднике около Ёёги в одной из палаток иногда устраивается выставка рисунков детей-калек.

Время от времени около парка проходят праздники, посвященные отдельным районам и префектурам Японии. Исполняются местные танцы и песни, звучат национальные инструменты, бьют в огромные барабаны артисты в традиционных костюмах и масках. Продаются специально доставленные к празднику продукты: огромные красные яблоки из Акиты, крабы с Хоккайдо, зеленый чай из Сидзуоки, сушеная хурма из Яманаси. Идет торговля солеными овощами *цукэмоно*, которые в различных районах Японии готовят по-разному: из китайской капусты и огурцов, имбиря и крапивы, баклажанов, различных сортов редьки, иногда вместе с листьями. Торгуют и традиционными игрушками: маленькими деревянными волчками, которые запускаются дерганьем за намотанную на них конопляную веревку; легкими пропеллерами под названием «бамбуковые стрекозы» — потрите в руках палочку-основание, и пропеллер взлетит. Здесь же на празднике показывают свое искусство ремесленники: плетут соломенные корзинки и сандалии, вырезают небольшие фигурки из дерева. Продаются, совсем как на традиционных ярмарках, изделия местных промыслов, в том числе керамика самого разного назначения и стиля, которой славятся бесчисленные гончарни Японских островов. На площади выставляют старинные сельскохозяйственные орудия из дерева, в аллее старичок в крестьянской хлопчатобумажной куртке показывает горожанам, как молоть гречневую муку каменными жерновами. Но, пожалуй, самый красочный праздник посвящен «родному городу Токио». Каждый район везет к Ёёги свои знаменитые товары. Вокруг парка и в других местах по всему городу выступают самодельные и профессиональные артисты — токийские и приехавшие из

разных концов страны, маршируют духовые оркестры — школьные, полицейские, пожарных команд. Устраиваются различные шествия — в открытых автомобилях провозят лауреатов конкурса «мисс Токио», рекламирующих кимоно, или ночью вдруг появляется традиционная процессия с фонариками.

Раз в год около Ёёги бывает «зеленый фестиваль». Фотостенды призывают горожан «беречь прекрасную природу Японии», туристические фирмы пользуются случаем пригласить клиентов в путешествия по знаменитым или пока малоизвестным уголкам страны. Продается разлитая по бутылкам вода из горных источников и славящихся чистотой рек, мед, грибы, куски деревьев благородных пород для украшения дома — словом, все то, чем до сих пор богаты леса, реки и горы Японии. Старичок-каллиграф пишет фамилии и имена заказчиков на купленных здесь же срезках дерева, которые предназначены для вывешивания рядом с входной дверью. В невысоком загоне выставляют кроликов, петухов, маленьких коз, чтобы дети могли погладить их, хотя нам всегда было очень жаль этих животных. Они с трудом выдерживали ласки маленьких горожан, целый день заходивших, сменяя друг друга, в устроенный под палящим солнцем загон.

Отношения японцев с животными не раз менялись на протяжении истории. В древности обитатели японских островов добывали себе пропитание, убивая диких зверей и птиц, а верных помощников — собак хоронили вместе с хозяевами. Позже, когда наступила пора рисоводства, людям пришлось охранять от живых тварей урожай драгоценного зерна. О тех давних временах напоминает дошедший до наших дней праздник *ториои* — «изгнания с полей птиц». Тягловый скот, как сообщают историки, японцы ввозили уже одомашненным из Китая и Кореи. Хорошо известно, что из Китая был заимствован и древний сельскохозяйственный календарь, в котором каждому году малого двенадцатилетнего цикла соответствует свой иероглиф — циклический знак и свое животное: мышь, бык, тигр, заяц, дракон, змея, лошадь, баран, обезьяна, петух, собака, свинья. Изображения этих животных и поныне занимают важное место в японском прикладном искусстве, особенно часто встречаясь в тех его формах, которые связаны со встречей Нового года — к примеру, на вывешенных в период Нового года благожелательных табличках *эма*. Образы птиц и зверей проникли в Японию вместе с китайской живописью, прославив японцев в западном мире

как любителей природы. Из Китая пришли также буддийские представления, под влиянием которых японцам было суждено веками воздерживаться от потребления в пищу мяса. А те люди, которые забивали скот, выделывали шкуры и погребали останки животных, стали в Японии отверженными. Их называли *эта*, «полные грязи». Потомки *эта*, которых сейчас официально называют *буракумин*, «живущие на выселках», а в обычной жизни награждают презрительным наименованием *хинин*, «не люди», остаются и в современной Японии «неприкасаемой», дискриминируемой группой населения.

Возможность не то что погладить — увидеть сельскохозяйственных животных выпадает у нынешних японцев не очень часто. Никто не выращивает для себя на крестьянском подворье хотя бы кур. Никто, впрочем, не растит только для себя и овощей или фруктов, поскольку почти все необходимое фермер, как и горожанин, покупает в магазине. Но куда ни поедешь по сельской Японии, повсюду — между фермерскими домами и на склонах холмов — видны плантации растений: мандариновые роши и ряды чайных кустов, яблоневые сады, клубничные парники и, конечно же, поля, сполна обеспечивающие страну рисом. Ключки земли, на которых выращивают овощи на продажу, сохранились с незапамятных времен даже в пределах нынешнего Токио, окруженные со всех сторон домами, заводами, автомагистралями. Иное дело животноводство. Очевидно, по традиции оно таится где-то скрытым от человеческих глаз. Многие животноводческие фермы к тому же возникли уже в новое время вдалеке от исконных сельскохозяйственных районов — к примеру, на северном острове Хоккайдо, где просторные луга хороши для выпаса коров. По-видимому, в Японии не привился и буддийский обычай держать животных в храмах и затем отпускать их на свободу. Правда, кое-где живут большие стаи голубей, которых подкармливают посетители, — например, в токийском храме Сэнсодзи в Асакусе; иногда в храмовых садах попадаются живые уголки. Возможно, что наличие вольеров с яркими разноцветными курами и фазанами рядом с одним из ресторанчиков в пригороде Токио Тёфу также объясняется близостью буддийского храма Дзиндайдзи: больше таких живых уголков у ресторанов мы, кажется, нигде не встречали. Правда, сам ресторанчик известен у токийцев тем, что в его маленьких прудах можно ловить взятыми напрокат удочками форель и тут же самим жарить улов на

специальных настольных сковородках, такое уничтожение и поедание живых тварей вряд ли согласуется со строгими предписаниями буддизма.

В торговых небогатых кварталах бывают небольшие лавки, торгующие птицами, черепашками, маленькими кроликами. Но чаще всего в качестве домашних «любимцев» в японских домах — как и повсюду в мире — живут кошки и собаки, которые к тому же стали героями очень многих современных фильмов и мультфильмов.

Кот не входит в число животных, соответствующих годам двенадцатилетнего календарного цикла в его китайском варианте. Согласно китайской легенде, когда верховный даосский владыка — Яшмовый император решил вести счет годам по животным, он пригласил к себе во дворец всех живых тварей, в том числе и кота. Кот очень любил поспать и попросил разбудить себя с утра пораньше свою приятельницу мышью. Но мышь не выполнила данного обещания, потихоньку отправилась во дворец Яшмового императора одна и заняла первое место среди «циклических» животных. С тех пор кот враждует с мышью, но счет годам ведется без него.

Зато, по японским представлениям, кот приносит счастье. У японцев есть много историй о том, как коты помогли своим хозяевам. В одной рассказывается о кошке, совершившей маленькое чудо, чтобы отблагодарить заботившегося о ней старого монаха: взмахами своей лапки она заманила в храм проезжавшего мимо удельного князя *даймё* и тут же пошел дождь. Естественно, что растроганный князь впредь не оставлял храм без щедрых подношений. Согласно другому преданию, кошка превратила захудалый трактир в процветающий, и именно поэтому владельцы японских ресторанчиков любят выставлять на витрине или у входа фигурку *манэки-нэко* — бело-красного или черного кота с поднятой лапкой. На ошейнике или в другой лапке у *манэки-нэко* обычно бывает золотой слиток. Такое же счастливое животное, как *манэки-нэко*, часто выставляемое в ресторанчиках, — это енотовидная собака *тануки* — пузатая, благодущная, хитрая, с соломенной шляпой на голове, фляжкой вина в одной лапке и посохом в другой. Изображения оборотня *тануки* встречаются лишь в традиционном окружении (рестораны японской кухни), а котов можно увидеть на открытках, календарях, рекламах чисто европейского стиля. В современном Токио в нескольких местах установлены скульптуры котов.

Ошейник носит не только «счастливый» *манэки-нэко*, но

и самые обычные уличные токийские коты. Часто на ошейнике прикреплен бубенчик — якобы для того, чтобы коты не могли тайком таскать еду. Многие японские коты бесхвосты, и мы слышали разные объяснения этому явлению. Одни знакомые говорили, что хвосты укорачивают котам люди, потому что, по поверью, хвостатые коты понимают человеческую речь. Другие даже сообщали, что котяткам отгрызает хвостик мать, такая уж это порода. Как бы то ни было, бесхвостые коты попадаются в Токио очень часто.

Есть в Японии и свои предания, связанные с собаками.

Один из военных правителей рода Токугава, Цунаёси, родился в год собаки и поэтому питал особое пристрастие к этим животным. Во время его правления было издано несколько законов, охраняющих собак и других живых существ от людей. Самурай, убивший комара во дворце военного правителя или ранивший собаку, обязан был совершить ритуальное самоубийство; женщина, сварившая лечебный суп из ласточки своему больному ребенку, поплатилась за столь тяжкое преступление жизнью. Особые чиновники при Цунаёси разливали водой дерущихся собак. Кроме того, при нем были созданы два больших парка, где могли вольготно жить многочисленные собаки.

Другая легенда, известная всем токийцам, возникла уже в наше время. Она рассказывает о том, как пес по имени Хати много лет продолжал встречать своего хозяина около станции Сибуя уже после того, как тот умер. За проявленную верность пса стали величать «маркизом Хати» — «Хати-ко». Сейчас японские газеты пишут, что легенда о «верном псе Хати-ко» была на самом деле придумана милитаристскими властями Японии, чтобы насаждать в народе идею безоговорочной преданности вообще. Но как бы то ни было, около станции Сибуя давно стоит памятник собаке, который знают все токийцы, любящие назначать здесь встречи. А на праздник в честь основания станции Сибуя как-то даже привели пса той же породы, что Хати, и он, наряженный в фуражку начальника станции, принимал участие в торжественной церемонии.

Еще один памятник собакам сделан у подножия токийской телебашни. Этим собакам, которые везли экспедицию на Южный полюс, пришлось (уже не знаю, по какой причине) бросить там на обратном пути. Один из псов по кличке Таро умудрился выжить и через год встретил на полюсе следующую экспедицию, став чуть ли не национальным героем.

В современном Токио, по первым впечатлениям, жизнь

домашних «любимцев» представляется прекрасной. Породистые котята и щенки продаются в специальных магазинах и на выставках-продажах в больших универмагах. Как-то мы зашли на такую распродажу в зал большого универмага в районе Синдзюку, предназначенный для «особых событий». Здесь в отдельных клеточках, по двое-трое братишек и сестреночек одинаковой породы, сидели очень дорогие котятки: ангорские, персидские, удивительные гладкошерстные тибетские — посетители действительно чувствовали себя как на очень интересной выставке. А породистыми щенками мы обычно любовались в небольшом магазинчике на улице Аояма. Там они жили в прозрачных многоярусных вольерах на витрине, которая всегда собирала толпы восторженных зрителей. Подобно невоспитанным посетителям зоопарка, они любили постукивать по стеклу, пытаясь привлечь внимание спящих щенков. Как ни старался хозяин оградить свое стекло — вывешивал таблички, ставил перед витриной вазы с цветами, — ничего не помогало: оно всегда было захватано руками.

Городские жители, естественно, предпочитают держать небольших собак — пуделей, болонок, шпицев, шелти, реже бассетов и чау-чау. Иногда попадаются афганские борзые, и только один раз мы видели в Токио дога — его голова была почти вровень с лицом миниатюрной хозяйки. Есть в Японии и свои, местные породы. Одна из них уже известна за пределами страны, где похожих на лайку акитских собак (по названию префектуры Акита) оценили за неприхотливость и добрый нрав.

Некоторые хозяева холят своих любимцев, как детей: покупают дорогие ошейники из шкуры носорога, завязывают изящные бантики, носят с собой маленьких собак в корзиночках. Для домашних животных есть и ветеринары, и парикмахеры. Правда, особое песье и кошачье питание в обычных магазинах, где японцы покупают все необходимые вещи на каждый день, мы как будто бы не видели — оно попадалось нам на глаза только в дорогих супермаркетах, рассчитанных главным образом на иностранцев. То ли большинство японских домашних животных едят обычную человеческую пищу — как любимые всеми детьми герои многосерийных мультфильмов пес Сисимару и кот Кагэти; то ли пища для «любимцев» продается в тех же магазинах, где щенки и котята, — так мы и уехали из Японии, не успев узнать ответ на этот вопрос. Но при всех обстоятельствах, «быт» городских породистых кошек и собак, их бантики, корзинки и попонки, кокетливые приемные вете-

ринаров — все это выглядит как-то очень по-европейски. Создается впечатление, что держать в доме декоративных «любимцев» — это не японская, а прежде всего западная традиция. Кстати сказать, само понятие «любимец» и слово для его обозначения заимствованы японцами из английского языка — *петто*, *pet*.

Но далеко не все кошки и собаки живут в Токио идеальной жизнью на западный лад. Как-то при входе в парк Ёёги стоял молодой человек и предлагал прохожим котенка: «Это японский кот, возьмите его», — сказал он и нам по-английски. Однако другие жители столицы спокойно бросают ставших ненужными кошек и собак на произвол судьбы — отвозят их, к примеру, на вулканический остров Осима в окрестностях Токио. Многие из тех котов, которые бегают по улицам, оказывается, ничейные. Тысячи токийцев ежегодно отдают надоевших «любимцев» в специальный городской центр и просят усыпить. Сотрудникам центра даны указания всячески обличать таких людей — прямо в лучших буддийских традициях — и внушать им мысль, что моральная ответственность за смерть животных все равно ложится на самих хозяев. Еще более важной задачей те, кто работают в центре, считают воспитание любви к животным у маленьких детей.

Таким же воспитательным целям служат заповедники, где можно издали наблюдать птиц в подзорные трубы, или ежегодные праздники, во время которых дети выпускают в реки мальков лосося. А вот еще один своеобразный пример воспитания: учительница показала детям, как разделяют свинью, чтобы они поняли, что животные устроены так же, как человек. Вместе с тем взрослые японские китобой занижали цифры своих уловов, рыбаки выступали против ограничений на ловлю дельфинов. Пожертвовать жизнью нескольких котят, чтобы съемки детского фильма получили правдоподобными, — дело обычное. Похоже, что в сердце японцев животные так и не заняли должного места.

Иное дело растения — и сельскохозяйственные, и декоративные. Культура цветоводства и садоводства имеет в Японии давние традиции, каждый скромный цветок вроде сурепки, по японским представлениям, прекрасен и может быть использован в *икэбане*. И естественно, что ни один «зеленый фестиваль» не обходится без ярмарки растений для домашнего сада. Горожане несут с ярмарки саженцы любимых на Дальнем Востоке цветущих растений, чтобы высадить их на подчас совсем узенькой полоске земли перед домом: распускающуюся зимой вечнозеленую каме-

лию, сливы и магнолии, персики и айву. Те, у кого нет грунтового садика, покупают горшки с карликовыми деревьями *бонсай* и цветами, среди которых много заморских пришельцев: десятки сортов кактусов, «мясистые», как называют их японцы, суккулентные растения, встречающиеся в диком виде в разных концах света (в том числе и в нашей стране) и отличающиеся необыкновенной окраской розеток листьев — то лиловых, то оранжевых, то пурпурных или почти черных. Следуя давней традиции, горшки выставляют на крышах или у входа — в «тротуарных садиках», напоминающих повсюду в токийских жилых кварталах о тех еще совсем недавних временах, когда Эдо был одним из самых зеленых городов мира.

Историки города Токио сообщают, что культура садоводства, возникшая в средневековый период в районе нынешних Киото и Осаки, проникла и в Эдо — когда в начале XVII века он стал резиденцией военных правителей Японии — *сёгунов* из рода Токугава. На протяжении всей эпохи их правления — она длилась более двух с половиной веков и вошла в историю под названием Эдо — развивалось искусство *икэбаны*, выводились новые сорта хризантем и других растений, устраивались выставки цветов и соревнования цветоводов. Город представлял собой сплошную мозаику больших и маленьких садов. Шедевры садоводческого искусства, большей частью не сохранившиеся в наше время, создавались в имениях удельных князей *даймё*, обязанных по приказу *сёгуна* жить часть времени в Эдо. Сажали деревья около своих домов и выращивали *бонсай* сопровождавшие *даймё* верные самураи, которым стало нечего делать, когда в Японии после установления правления Токугава воцарился мир. Славилась садами буддийские и синтоистские храмы, часто приурочивавшие свои праздники ко времени цветения тех или иных растений и становившиеся общедоступными местами любования цветами. А небогатые ремесленники и торговцы — как и жители сегодняшнего Токио — выставляли около своих домов горшки, сажали на карнизах крыш папоротники, а около заборов — вьюнки, которые когда-то были завезены из Китая в качестве лекарственного растения и, одичав, заполнили межи и обочины дорог. Жившие вокруг Эдо крестьяне стали заниматься разведением цветов, деревьев и кустарников на продажу. Известно, что в районе нынешнего севера Токио, сплошь застроенного в наши дни, простиралась по крайней мере три почти параллельных пояса плантаций, где выращивали сакуру, азалии и хризан-

темы, причем пояс хризантем тянулся далее на северо-запад, сливаясь с полями первоцветов. В течение всей эпохи Эдо цветы играли важную роль в жизни города, хотя к другим формам искусства, популярным в народе, военные правители были равнодушны.

С наступлением после революции 1867—1868 годов следующей эпохи — Мэйдзи отношение к цветам и цветоводству изменилось. Город Эдо был переименован в Токио и официально провозглашен столицей Японии. Страна открылась для иностранцев, началась эра ее модернизации. Большая часть токийских общественных парков была передана в аренду частным лицам и тем самым обречена на застройку. Многие известные места, где раньше можно было любоваться сакурой, исчезли после сооружения набережных и прокладки трамвайных линий. Все больше людей устремлялось в город, он становился скученным. Росли цены на землю, сады и плантации растений поглощались жилыми кварталами. Именно в период упадка цветоводства, оказывается, появились знаменитые в наши дни куклы, одежда которых делается из побегов мелких сортов хризантем, а также исчезнувшие впоследствии цветочные механические куклы — они были изобретены цветоводами, тщетно пытавшимися вернуть своему искусству его былую значимость.

Но хотя парки и садики занимают мало места в современном Токио, который иногда сравнивают с бетонной пустыней, садоводческая культура здесь не исчезла. Стоит выехать из столицы по любой из крупных дорог, как по сторонам появляются мастерские и плантации, обслуживающие токийских садоводов. Прямо вдоль обочин выставляют свою продукцию каменотесы: громоздятся камни неодинаковой формы, цветов, размеров, поднятые со дна моря, доставленные со всех концов Японии и даже из-за границы; рядом выстраиваются каменные фонари разной высоты и стилей. На полях ровными рядами растут декоративные кустарники и деревья с заботливо сформированными при помощи бамбуковых рам кронами — по-разному в зависимости от замысла садовника.

Сейчас уже стало очевидным, что естественность японских садов, воспроизводящих в небольшом замкнутом пространстве целые пейзажи, не будет утрачена и в наш век. Оказывая особое эстетическое воздействие на человека, она особенно уместна в бетонном геометрическом мире современных городов и рассчитана на спокойное сосредоточенное созерцание изнутри — через широкие раздвижные окна-двери или с открытой веранды.

Поскольку японские сады не создаются, подобно западным, для того чтобы ими любовались соседи или прохожие, даже те из них, которые есть в Токио, не всегда заметны идущему по улице человеку: одни притаились на крышах универмагов и домов, во внутренних двориках отелей или ресторанов традиционного стиля, другие тщательно возделываются на узких незастроенных полосках за заборами небольших домиков, создавая иллюзию уединения и навевая покой в городской сутолоке.

Возникшие под влиянием китайских эстетических и религиозных представлений — прежде всего буддийских, — японские сады тем не менее характеризуются тремя своими собственными основными стилями.

Там, где есть достаточно места, обычно предпочитают самый старый из них, *цукияма* («рукотворные горы»), сложившийся еще в VIII веке, когда японцы начали совершать частые путешествия в Китай, а по возвращении воспроизводить в своих садах увиденные во время поездок пейзажи. Морскую бухту имитирует в таком саду пруд с островками, берег которого посыпан мелкими камешками; скалы воспроизведены при помощи больших камней, а на крошечных островах высятся изогнутые сосны и другие растения.

На небольшой площади обычно делают сады значительно более позднего стиля «домика для чайной церемонии». Тесное, ограниченное пространство самого домика и окружающего его сада были призваны создать обстановку простой отшельнической жизни в горах. К домику прокладывали дорожку, выложенную большими плоскими камнями, которая как бы вела путника по горному склону. Ощущение уединения усиливалось тусклым светом каменного фонаря. Для ритуального мытья рук и полоскания рта, напоминающих о чистой прохладе горного источника, делали особый выдолбленный в большом камне сосуд, на котором лежит бамбуковый ковш. Все эти три элемента — дорожку, фонарь и сосуд для воды — в наши дни можно увидеть почти в любом японском садике, обычно совмещающем элементы разных стилей. В больших садах могут соседствовать фонарь нарочито грубый, сложенный из как будто неотесанных камней естественной неправильной формы, и тщательно выделанный, симметричный, с каменной решеткой, сквозь которую проникает свет. Разнообразны и каменные сосуды для воды. Иногда их верхняя грань делается в виде монеты традиционного китайского образца — круглой с квадратным отверстием для нанизывания на веревку (с отверстием, только круглым, до сих пор

делаются в Японии монеты достоинством пять и пятьдесят иен). В самых маленьких садиках (бывает, что это просто узенькая полоска под витриной ресторанчика) только и умещается фонарь, иногда еще сосуд для воды да пара камней со мхом.

Элементы третьего знаменитого стиля, *карэсансуй* («сухой пейзаж»), редко встречаются за пределами буддийских храмов секты *дзэн*, монахами которой он и был создан. Особенно много «сухих пейзажей» в дзэнских храмах Киото, один из которых, Рёандзи, волею случая стал известен на весь мир своим «садом камней», как называют *карэсансуй* европейцы. Ни капли воды не используется при создании *карэсансуй*, из растений — только мох (на некоторых участках храмовых садовых комплексов в Киото он покрывает также целые участки между деревьями). Но зато с помощью камней и песка в «сухих садах» создаются образы падающего со скалы водопада или бегущего потока. В одном из киотских храмов, Самбоин, три камня с неодинаковой поверхностью передают «три разных настроения» реки Камо.

Даже сухой сад нуждается в постоянном внимании. Мох пропальывают, песок разравнивают граблями, формируют из него высокие конусы, проводят на ровных поверхностях линии, имитирующие движение воды и облаков, и создают, таким образом, каждый раз новые картины в зависимости от философского настроения, владеющего монахом-садовником во время работы. Но особенно тщательный уход необходим для поддержания садов двух других стилей. Именно он позволил в течение веков сохранить до наших дней в первозданном виде многие прекрасные сады прошлого, которые, в отличие от других произведений искусства, требуют не только первоначального труда, затраченного на их создание, но и последующих усилий по поддержанию. Кусты и трава должны быть подстриженными, деревья — сохранять определенную форму и размеры, даже каменные фонари и те нуждаются в чистке. Ухаживать нужно и за прудом, в котором живут огромные декоративные карпы — серые, желто-золотые, красно-золотые, белые с красными пятнами. Такие карпы-долгожители на специальных ярмарках продаются за большие деньги. Да и вообще сооружение хорошего сада обходится недешево. Готовое взрослое дерево стоит подчас дороже малолитражной машины, зато в стоимость входит целый ряд услуг. Фирма сама привозит товар особым транспортом и гарантирует приживание даже больших деревьев, которые достав-

ляются с комом земли, обернутым соломенными циновками, со стволами, обвязанными соломой. Высаженные ранней весной растения поэтому начинают цвести уже в том же сезоне. Специальные фирмы берутся (за немалые деньги) проектировать, создавать садики в определенном стиле и, если нужно, поддерживать их в порядке. Рабочие (по сути дела — мастера-художники), ухаживающие за традиционными садами, обычно одеты по-старинному — в узорчатые хлопковые куртки с иероглифами, японскую обувь-чулок с отделенным большим пальцем — и пользуются бамбуковыми лестницами, особыми бамбуковыми граблями, плетеными корзинами для мусора, наборами ножниц и пилки традиционной формы. К услугам фирм обращаются отели, магазины, богатые многоквартирные и частные дома, которые иногда заказывают также и цветущие по сезону растения в горшках. Но большинство токийцев, конечно, ухаживают за своими грунтовыми и горшечными садиками сами.

Выращиваются вокруг столицы и знаменитые карликовые деревья *бонсай*. Особо славится у садоводов небольшой поселок, который так и называется *Бонсай-мати*, «Город карликовых деревьев». Здесь чуть ли не каждый двор — это плантация, производящая *бонсай* самого разного качества: от двухлетнего деревца с одним-двумя изгибами ствола, которое, если повезет, может превратиться лет через пятьдесят в знаменитый шедевр, до бесценных сокровищ. Над каждым таким сокровищем трудилось уже не одно поколение садоводов, делая надрезы на коре, придавая ветвям и стволу нужную форму с помощью проволоки, пересаживая деревце, чтобы оно могло жить — в зависимости от замысла — в особом горшке, на плоском керамическом подносе, на камне, обвивая его корнями. При этом *бонсай* должны обладать не только естественной красотой больших деревьев, но также вызывать художественные ассоциации, связанные с чем-то находящимся вне самого растения. Одни *бонсай* напоминают о безбрежной равнине, на которой выросло одинокое дерево, другие — о роше где-то на опушке леса, третьи — о морском побережье. Некоторые деревца символизируют определенное время года, другие создают образ дерева, охваченного порывом ветра. Считается, что медленно растущие вечные *бонсай* олицетворяют постоянное незаметное движение в природе и единство человека с ней, которое всегда очень остро ощущалось японцами, а с определенного времени также проповедовалось все той же сектой *дзэн*. В семьях жителей *Бонсай-мати* хранятся

не только деревья-шедевры, но и деревья-знаменитости, украшавшие некогда покои сёгунов или других известных личностей. Учениками мастера — как это до сих пор принято в Японии в семьях тех, кто занимается традиционными видами искусства, — становятся дети или близкие родственники садоводов.

Сохраняется в Японии и традиция отправляться в знаменитые места любоваться цветами. Сведения о таких местах и о сроках цветения помещают в путеводителях и на туристических картах. В горах осенью вывешивают указатели для тех, кто едет смотреть на осенние багряные клены. Кадрами цветущих растений в токийских и окрестных парках сопровождается прогноз погоды в местных вечерних теленовостях. С цветущей веткой в руках часто выступает любимец телезрителей, «профессор погоды» Курасима. Ближе к апрелю публикуются прогнозы цветения сакуры, основанные на взвешивании почек, а позже на телеэкранах и в газетах регулярно появляются карты движения сакуры по стране: первые деревья зацветают в южных прибрежных районах в марте, а к середине мая фронт цветения приближается к северному острову Хоккайдо.

Осенью в знаменитых храмах, как и в старые времена, устраивают выставки хризантем, которые культивируются чуть не пятнадцать веков и считаются цветком императорской семьи. Искусные садовники продолжают выращивать десятки сортов с крупными цветами разнообразных форм и оттенков, а кусты мелких разновидностей формируют в виде каскадов. Не меньше, чем водопады, горные вершины или знаменитые озера, славятся в Японии рощи столетних слив. Нежные ароматные цветы появляются на корявых ветках сливовых деревьев уже в феврале-марте и считаются у народов Дальнего Востока символом стойкости. Особенно хороша слива в начале своего цветения, когда нежно-розовые и малиновые бутоны разных сортов — с поэтическими названиями вроде «тысячи красных птиц» — еще только распускаются. В это время под деревьями собираются фотографы и художники, чинно прогуливаются семьи с детьми и пожилые пары, а в храмах Тэндзина (под этим именем был обожествлен ученый, очень любивший сливу) проходят праздники. В Токио известен праздник сливы в храме Тэндзина «Юсима», сопровождающийся выступлениями артистов и чайными церемониями под открытым небом — на площадках, которые отгораживают пурпурными полотнищами со стилизованными сливовыми цветами.

Торжественно и печально изображается любование саку-

рой в телевизионных «самурайских» драмах: прежде чем совершить ритуальное самоубийство, герой в белой траурной одежде предается созерцанию медленно кружащихся в воздухе лепестков, которые символизируют скоротечность жизни. У современных японцев, однако, эта церемония часто выливается в шумную пирушку, повод для разудалого веселья. В период полного раскрытия цветов — семьями и компаниями сослуживцев — рассаживаются они под деревьями на синтетических циновках, так что в знаменитом токийском парке Уэно, например, яблоку негде упасть. Раздаются громкие голоса, оглушительное пение, после пирующих остаются горы мусора — пластиковые коробки, деревянные палочки одноразового пользования, баночки. В парке Ёёги, где также много сакур, власти, чтобы спастись от разгульного нашествия, вывешивают в апреле объявления, запрещающие пить алкогольные напитки. Достаточно суетливо проходит любование сакурой и на приеме, который премьер-министр ежегодно устраивает в токийском парке «Синдзюку гёэн». Гости — иностранные дипломаты и всевозможные местные знаменитости — торопятся сфотографироваться вместе с премьером и на фоне сакур — стараясь, чтобы в кадр не попали расставленные за каждым кустом охранники; служительницы в кимоно разливают бамбуковыми черпачками сакэ, а бочонки из-под него весело укатывают в качестве сувениров американские военные.

Быстро облетают нежные лепестки сакуры, остаются позади посвященные ей шумные пирушки. Близится «золотая неделя» праздников, и скучные стриженные кусты вдоль токийских магистралей, забросанные мусором в зимний холод, вдруг покрываются сплошным ковром малиновых, огненных, розовых, белых и оранжевых цветов. Начинается сезон любования азалиями, который невозможно представить себе без как бы плывущих на теплом ветру легких трубчатых флагов, разрисованных в виде карпов. Раньше таких карпов вывешивали ко «дню мальчиков» пятого мая над теми домами, где имелись сыновья: черного карп-отца, красного карпа-мать и под ними — маленьких, по числу сыновей, — как пожелание мальчикам быть такими же сильными и упорными, как те карпы, которые, согласно китайской легенде, превращаются в драконов, доплыв против течения до устья реки Хуанхэ. Сейчас «день мальчиков» переименован в «день детей», а реющих на шестах карпов можно увидеть не только над домами, но также и в храмах, парках и садах. Одновременно с азалиями

распускается еще один любимый на Дальнем Востоке цветок — благородная нежно-лиловая глициния, которой посвящен особый танец театра кабуки. Лучшим местом любования глициниями в Токио считается храм Камэйдо, который славится также праздником деревянных соловьев *усо*, охраняющих от лжецов, и факельным шествием в марте. В обычное время, однако, храм Камэйдо пустынен и ничем не примечателен. Его первоначальные постройки давно утрачены, восстановлен из бетона горбатый мостик над прудом, выкопанным в форме иероглифа «сердце». К небольшому саду вплотную подступают скучные современные здания. Но вот зацветают старые огромные плети глициний, образующие вокруг пруда сплошной шатер, и Камэйдо преобразуется. На небольшой сцене исполняется танец львов; нескончаемый поток людей взбирается на горбатый мостик; щелкают фотоаппараты; в боковых аллеях, конечно же, не обошлось без торговцев съестным, игрушками и золотыми рыбками. Однако отцветут глицинии, отшумит праздник, и вновь пусто станет в храме Камэйдо — разве что случайный прохожий зайдет в невыносимую летнюю жару посидеть в тени у пруда.

За сезоном гортензий и ирисов, которыми особо славится сад храма Мэйдзи, следует середина лета, малоинтересная с точки зрения традиционно достойных любования цветов. Фейерверки и уличные танцы, вечерние прогулки в легких кимоно *юката* и звон «ветровых колокольчиков», вывешиваемых на сквознях, яркая зелень в садах и клетки-корзиночки с поющими цикадами, рогатыми жуками или другими забавными насекомыми — вот те радости, которые доступны взрослым и детям в раскаленном июльском Токио. Зато именно на июль приходятся две традиционные токийские ярмарки, специально посвященные цветам. В знаменитом храме Сэнсодзи в Асакусе торгуют горшками с оранжевыми «китайскими фонариками», обеспечивающими тем, кто их купит, такое же счастье, как от сорока шести тысяч обычных посещений храма, а в храме Кисимодзин плебейского района Ирия продают те самые крупные вьюнки, которые стали любимым июльским цветком простых людей еще в эпоху Эдо.

Таких знаменитых сезонных храмовых ярмарок — не только цветочных, — привлекающих толпы со всего города, в Токио несколько. Осенью в храме Отори продают украшенные благопожелательными символами бамбуковые грабли, а в двух других храмах — имбирь и соленья, приготовленные из длинной белой редьки

дайкон. В том же Сэнсодзи, или, как его называют в народе, храме богини Каннон в Асакусе, в конце декабря устанавливаются палатки, стены которых сплошь увешаны деревянными ракетками для традиционного японского новогоднего бадминтона. Обратная сторона этих ракеток, которые стали одним из новогодних символов и сувениров, украшена рельефными портретами актеров кабуки, старинных красавиц или даже героев современных мультфильмов, выполненными в особой технике из подложенных ватой кусочков ткани. В холодном феврале, когда возрастает опасность пожаров, торгуют воздушными змеями — противопожарными талисманами. В мае в храме Сэнгэн можно купить любые растения и даже камни для украшения сада.

Ранней весной — в «день девочек» третьего марта — в храме Дзиндайзи в Тёфу проходит знаменитая ярмарка, посвященная одному из самых распространенных традиционных талисманов, приносящих удачу, — сделанным из папье-маше изображениям буддийского проповедника Бодхидхармы — по-японски «Дарума». Талисманы покупают, загадав какое-либо желание, и закрашивают черным зрачок на одном из белых «слепых» глаз; второй зрачок рисуется Даруме только в том случае, если загаданное желание исполнится. Сотни Дарум с ненарисованными зрачками, напоминающих по форме нашего ваньку-встаньку, выставлены в палатках и на циночках, разложенных прямо на земле против Дзиндайзи: обычных ярко-красных и реже встречающихся черных, белых и золотых; стандартных белолыцых и оригинальных смуглых с грозным выражением нахмуренного широкобрового лица; огромных, с надписью «обязательно победить», второй зрачок которым публично рисуют политические деятели, одержавшие верх над своими соперниками, и совсем маленьких, уместных для первого раза, поскольку с каждым исполненным желанием принято выставлять Даруму все большего размера. Здесь же, около храма, устроен большой весенний базар, где продают растения для сада и *бонсай*, которые выращиваются на полях и в теплицах повсюду в Тёфу.

Несмотря на необыкновенную любовь японцев к живым растениям, она сосуществует с не слишком почитаемой, но все же занимающей свое определенное место традицией изготовления искусственных цветов. Гирлянды синтетической сакуры или листьев клена свешиваются со столбов на торговых улочках. У входа в ресторанчик вдруг можно увидеть покрытое искусственными цветами деревце — говорят, что обычай украшать деревья таким образом существует

в развлекательных кварталах еще со времен Эдо. Большие диски из белых, то есть траурных, искусственных цветов, именуемых *ханива*, можно увидеть перед домом, в котором ожидаются похороны. Такие же *ханива*, только яркие, обычно выставляют перед залами *патинко* после перезарядки автоматов, поначалу с рекламными целями регулируемых в пользу клиентов (в честь открытия обычных магазинов и ресторанов их владельцы иногда получают от партнеров и знакомых фирм цветы настоящие). Возможно, что традиция изготовления искусственных цветов была заимствована японцами из Китая. Там цветы из шелка всегда считались лучшим украшением женской прически, да и вообще очень ценились. Китайские мастера стремились делать их, используя разные материалы, ничем не отличающимися от настоящих. Впрочем, искусственными цветами украшают традиционные прически девушек и особенно девочек и в Японии. Как-то мы видели открытку, на которой были изображены двенадцать цветочных заколок для волос (по числу месяцев), которые носят ученицы гейш — *майко*. Европейские букеты из искусственных цветов, даже *икэбана* и карликовые деревья *бонсай*, очень похожие на настоящие, продаются в специальных отделах универмагов, находя своего покупателя в стране, где так ценится естественность в искусстве и близость человека к природе.

ДЕКАБРЬСКИЕ ХЛОПОТЫ В СТОЛИЦЕ

Самый оживленный месяц токийского календаря — это, пожалуй, декабрь. В знак окончания всех важных дел в декабре устраивают шумные банкеты «прощания со старым годом», по старинному дальневосточному обычаю оплачивают личные и деловые счета, отдают и получают долги — невыполнение этого неписаного правила означает «потерю лица» и для японской семьи, и для японской фирмы.

Торжественному Новому году, который с конца XIX века отмечается по западному календарю, но с соблюдением многочисленных традиционных японских обрядов, предшествует заимствованное у европейцев христианское Рождество. Известно, что народам Дальнего Востока присуща большая религиозная терпимость — в сердце одного и того же человека мирно сосуществуют разные божества и верования. Если в старом Китае, как писал академик В.М. Алексеев, на похороны приглашали и буддийского и даосского монахов, то в Японии буддизм, заимствованный через Китай, и исконная религия синтоизм распределили между собой радостные и траурные церемонии. Все знают, что свадьбы, рождения, различные этапы взросления японцы и сейчас обычно отмечают в синтоистских храмах, а похороны и поминки — по буддийскому обряду. Вполне понятно поэтому, что часто мелькавшая в наше время на экране телевизоров реклама нового кладбища не могла не включать беседу почтенного седобородого старца с бритоголовым буддийским монахом. Довольно сложной на Дальнем Востоке тем не менее оказалась судьба христианства (вспомним, что на народных китайских картинах из коллекции В.М. Алексеева Иисус Христос и христиане изображаются в виде свиней). В Японии занесенное миссионерами в конце XVI века христианство то поощрялось, то преследовалось. Военные правители *сёгун* несколько раз круто меняли свое отношение к европейцам и к обращенным в христианство японцам, сперва приближая, затем отталкивая и преследуя их, подвергая жестоким средне-

вековым пыткам и казням. И все же в современной Японии есть и христиане, и христианские церкви. В Нагасаки, самом христианском городе страны, то и дело видишь католические соборы. Русская церковь в Хакодате стала символом этого города на острове Хоккайдо. В Токио величественное здание православного собора Св. Николая считается одной из главных достопримечательностей столицы. Но христиан-японцев очень мало — всего-то одна сотая часть населения, а Рождество — во всяком случае в городах — отмечают все, превратив его в своеобразный предновогодний фестиваль, прежде всего коммерческий. Очень веселый, оживленный, он доставляет удовольствие японцам своей символикой, которая воспринимается не столько как христианская, сколько как европейская.

В канун Рождества любительские хоры исполняют Девятую симфонию Бетховена. В Токио съезжаются знаменитые европейские музыканты. Западные рождественские мелодии слышатся повсюду в торговых кварталах столицы. Около больших токийских универмагов выставляют настоящие елки, а при входе покупателей приветствуют Санта-Клаусы. В витринах можно увидеть нарядные рождественские экспозиции, например целый оркестр манекенов — европейских детей, движущихся в такт записанной на пленку музыке. Мелкие магазинчики тоже вывешивают рождественские украшения — позолоченные или как бы присыпанные снегом сосновые шишки с колокольчиками, венки из остролиста и хвои с красными бантами.

В разгар коммерческого оживления в декабре — так же, как и в середине года в июле — японские фирмы выплачивают своим сотрудникам полугодовую премию, бонусы. Считается, что бонусы — это один из важнейших стимулов развития японской экономики, который ставит доходы всех работников в зависимость от процветания и статуса «своей» компании: в крупных «элитарных» фирмах они могут в целом превышать полугодовое жалованье. В семьях же бонусы, которые точнее было бы назвать регулируемой частью заработка, идут на самые насущные нужды. Из них выплачиваются крупные суммы за купленное в рассрочку жилье и за образование детей, делаются накопления на случай тяжелой болезни или несчастья, на приданое у незамужних женщин. Часть бонусов тратится и на обычные покупки — недаром от тридцати до сорока процентов товаров за год универмаги продают в июле и особенно в декабре.

Здания токийских универмагов в это время увешаны многометровыми вертикальными анштагами-объявлениями,

из утренних газет вываливаются необычно толстые пачки информационных листков с фотографиями и деловитым перечнем распродаваемых со скидкой товаров и их ценами. Для привлечения покупателей (вернее, покупательниц, поскольку три четверти покупок в Японии делают женщины) в декабрьские дни чаще, чем в другие месяцы, устраиваются распродажи-приманки: крупные магазины объявляют «услуги одного дня», «временные услуги», «распродажи с тележки», когда ограниченное число вещей на короткое время выбрасывается по очень низким ценам и покупательницы, утратив присущую японкам сдержанность и вежливость, толкаются, суетятся, буквально рвут из рук дешевые вещи, чтобы сберечь лишнюю иену. Спят, бессильно откинув назад головенки, малыши, по обычаю привязанные за спиной у многих матерей, дети постарше ухватились за материнские юбки и громко плачут, очумев в кондиционированной духоте. Кто-то в ожидании мамы уселся прямо на лестнице в окружении многочисленных свертков, кто-то оставлен в отделе игрушек и самозабвенно занялся изучением тайн выставленных компьютерных игр. Ребенок помладше потерялся и нашел пристанище в детской комнате, которую заводят для таких случаев некоторые крупные магазины, другого потеряли нарочно — чтобы намеренно воспользоваться услугами этой комнаты. Наплыв покупателей бывает настолько велик, что, несмотря на дополнительно привлеченных магазинами работников, в кассы выстраиваются длинные очереди. Это и понятно. Вель делать покупки по обычным нераспродажным ценам, когда в начале месяца или сезона есть возможность спокойно выбрать в округлении любезных кланяющихся продавцов красивые и добротные вещи по своему вкусу, может позволить себе лишь незначительная часть того подавляющего большинства японского населения, которое относит себя к «приличному» среднему классу. Иллюзия этой принадлежности зачастую создается лишь некоторыми, чисто внешними признаками: определенной маркой машины, одеждой со значками знаменитых фирм или «аристократической» игрой в гольф за городом, которую глава семьи позволяет себе один раз в месяц. Между тем купленное в рассрочку жилище такой семьи часто находится даже ниже не очень высокого общенационального уровня, а относительное благополучие в целом зависит от сверхурочного заработка мужа и низкооплачиваемой почасовой работы жены. Постоянная расчетливая экономия и вынуждает женщин тратить огромную часть своего свободного времени на бесконечную беготню по распродажам, часто превращающуюся в своеобразное развлечение.

Рождественская, а потом новогодняя символика и мотивы появляются и в декабрьской рекламе, которая печатается в газетах, заполняет любимые японцами еженедельные журналы, расклеивается в автобусах, метро, электричках. Львиную долю всех рекламных заказов — около одной трети, — конечно же, получает телевидение, которое располагает большими изобразительными возможностями и доводит информацию до миллионов своих зрителей. Каждый из шести коммерческих каналов в Токио (включая йокогамский) отводит на рекламу в среднем четыре из ежесуточных примерно двадцати часов вещания, стараясь всячески обходить законы, которые ограничивают рекламные программы шестью минутами в час. Радио, потесненное в Японии вездесущим телевидением, играет достаточно скромную роль и в рекламном деле.

В стране символов, иносказаний и недоговорок реклама тоже строится на намеках и ассоциациях. Не принято беззастенчиво расхваливать товары или тем более прямо призывать покупать их, поскольку подобная навязчивость, очевидно, способна только оттолкнуть японцев.

В «монументальной» рекламе, помещаемой на стенах и крышах домов, вообще преобладают надписи или символы: названия фирм, их гербы, наименования товаров, иногда схематические рисунки. А сюжеты реклам, печатных и телевизионных, — очень красочные и разнообразные — стремятся прежде всего создать у потребителей определенное настроение, запечатлеть в их душе тот или иной образ, который впредь будет отождествляться с товаром, фирмой, рестораном, отелем. В рекламах типично западных вещей, источающих «аромат Европы», к примеру, могут показывать уллицы старинных городов, английское семейство за изящно сервированным завтраком, толстого итальянского трактирщика. Товары американского образца часто рекламируются смешными сюжетами с индейцами и ковбоями. Сценки с пожилыми дамами в благородных неярких кимоно, вручающими подарочные коробки своим внукам или другим таким же дамам, служат рекламой большого универмага, который знаменит своими японскими деликатесами. А в анонсе желудочного лекарства традиционной китайской медицины, которая вновь вошла в моду в Японии, служащие в типичных «деловых» костюмах и плащах отправляются пировать: вприпрыжку, под веселую музыку, они приближаются к деревянным воротам ресторанчика, и там их приветствует взмахами лапки приносящий богатство и удачу красно-белый кот *манэки-нэко*.

Иногда содержание рекламы не связано с анонсируемым

товаром даже отдаленно. Несколько лет тому назад телезрителям был показан удивительный ролик. В освещенной заходящим солнцем пустыне — совсем как на картинах Дали — появляется наряженная ангелом карлица, бросающая на землю шарики. Рядом с ней одетый в черный сюртук мужчина в цилиндре мечет ножи, один из которых пронзает том с надписью: «Полное собрание стихов Рембо». А венчает эту сюрреалистическую сцену в последнюю секунду бутылка виски «Сантори», которому и посвящена реклама. Другой сюжет, посвященный тому же виски, напротив, включал чисто дальневосточные образы — на экране двигались легкие прозрачные фигуры в старинных китайских нарядах, по-видимому изображавшие буддийских проповедников.

Сам анонсируемый товар очень часто появляется только в конце ролика — да и то в виде скромной надписи, которую за кадром читает диктор или исполняют на определенный мотив певцы. Музыка в телерекламе играет важную роль: иногда используются известные современные или классические мелодии, иногда специально создаются новые, а привязчивые рекламные песенки люди незаметно для себя начинают тихонько петь дома и на улице. Помнится, как-то старик-водопроводчик, чинивший у нас в квартире трубу, все мурлыкал куплеты про Муни-тяна, рекламирующего непромокаемые трусы для младенцев. Участвуют в рекламах также известные актеры и певцы. Японский рок-ансамбль в экстравагантных «панковских» нарядах, например, выступает в ролике, анонсирующем новую марку мотоцикла. Популярная писательница и ведущая телепередач подрядилась разыгрывать сценки в рекламах, посвященных информационному журналу по продаже и аренде жилищ. Американские кинозвезды появляются в печатных и телевизионных рекламах японских машин, виски, косметики.

Пару десятилетий тому назад в японской изобразительной рекламе и оформительском деле преобладали цветные фотографии. В последнее время, однако, вкусы потребителей стали разнообразнее, требования к оформительскому искусству повысились, и в мир рекламы и этикеток широким потоком хлынули рисунки разного стиля. Их можно увидеть на обложках журналов и пластинок, в рекламных проспектах и плакатах, на различных упаковках, даже на фирменных спичечных коробках, которые любят заказывать гостиницы и рестораны. Рисунки и мультипликационные сюжеты встречаются и в телерекламах. Музейные работы серьезных художников обычно известны только узкому кругу знатоков. Поэтому в массовое оформительское дело, доступное миллионам,

устремились некоторые талантливые мастера, а среди потока обычных оформительских поделок иногда встречаются подлинные произведения искусства, часто новаторски сочетающие элементы традиционного и новейших западных стилей.

Особая область оформительского искусства в Японии — это поздравительные открытки, рассылаемые по разным поводам, и прежде всего — новогодние, которые отправляют друзьям, родственникам и знакомым почти все японцы. В среднем каждая семья посылает в новогодний сезон около ста поздравлений — как знак желания поддерживать отношения с адресатами и в наступающем году.

Самый распространенный вид поздравлений — это очень простые открытки почтового ведомства с напечатанным на них номером новогодней лотереи. Средства от нее идут на разные благотворительные цели — именно так был построен в Хиросиме знаменитый госпиталь для жертв атомной бомбардировки. Огромные пачки открыток-билетов — если они отправлены вовремя — почта доставляет в первое новогоднее утро (хотя считается вполне вежливым поздравить с Новым годом в течение всего января). Наиболее вероятный выигрыш лотереи — блок марок с изображением животного, которое символизирует наступающий год в соответствии с древним заимствованным из Китая календарем, отмененным в Японии в пользу западного только в 1872 году.

Другой очень удобный, хотя и более дорогой способ разослать поздравления — это заказать открытки не только с готовым текстом, но также и собственным обратным адресом в полиграфических фирмах, которые заранее предлагают рекламы с многочисленными образцами (чем ближе к Новому году, тем дороже обойдется заказ). Чаще всего на образцах встречается все то же животное — символ наступающего года или соответствующий ему иероглиф — циклический знак. За время нашего пребывания в Японии последовательно сменили друг друга собака, свинья, мышь, вол, тигр и заяц, которые изображались на открытках в самых разных стилях — традиционном и современном, западном шуточном или в виде японских народных игрушек. Помимо циклических животных любимые, часто повторяющиеся новогодние изображения — это сосна и журавль, по своему происхождению — спутники китайского бога долголетия Шоусина (журавль, согласно китайским представлениям, воспринимался также как пожелание успехов по службе, поскольку его красная шапочка ассоциировалась с красным шариком на шапке чиновника первого класса). Заказчик новогодних открыток может выбрать понравившийся ему готовый образец, а мо-

жет и предложить какой-то другой вариант — например, фотопортрет любимого бейсбольного игрока или собственной семьи.

И наконец, как знак особого внимания посылают богатые художественные открытки в конверте. Они делаются из матовой слегка шероховатой бумаги, напоминающей сделанную вручную традиционную *wasu*. Тонкий вкладыш художественных открыток, на котором пишется текст поздравления, часто имеет водяные знаки в виде вееров. А надпись на нем да и на конверте лучше всего сделать специальным фломастером, имитирующим кисточку, поскольку каллиграфия у японцев — как и у других народов Дальнего Востока, заимствовавших китайские иероглифы, — это особое искусство. На японской почве оно выработало свои стили не только для иероглифов, но и для двух видов японской слоговой азбуки, созданной на основе иероглифики. Считается, что до наших дней искусство каллиграфии сохранилось, в частности, благодаря чайной церемонии, важным компонентом которой оно является. Свитки с образцами каллиграфии — первоначально их создавали монахи буддийской секты *дзэн* (по-китайски *чань*), принесшие чайный ритуал в Японию из Китая, — и сейчас вывешиваются во время церемонии в нише *токонома*. В современной Японии искусство каллиграфии продолжает процветать. Оно широко используется в оформлении — на вывесках, в гербах фирм, в названиях различных изданий, в надписях на упаковке товаров. Образцы каллиграфии печатаются в готовом виде и на новогодних открытках — в виде поздравлений и пожеланий или иероглифов, обозначающих традиционные китайские циклические знаки года. Говорят, что больше половины работ, которые представляются на ежегодную художественную выставку в Токио, созданы каллиграфами. Сохраняется обычай заниматься каллиграфией в один из первых дней Нового года, причем на новогоднем соревновании каллиграфов в одном из токийских залов собирается до семи с половиной тысяч человек, демонстрирующих свое искусство. Журнал «Каллиграфия» выходит тиражом шестьдесят тысяч экземпляров, в то время как тиражи других художественных журналов не превышают двух-трех тысяч. Существуют и телевизионные уроки каллиграфии, причем перед Новым годом наставник учит телезрительниц (дневные передачи рассчитаны прежде всего на домохозяйек), как лучше с эстетической точки зрения расположить текст поздравления и адрес, показывает изысканные варианты часто встречающихся в поздравлениях иероглифов. В нашем новогоднем почтовом ящике встречались и «лоте-

рейные», и художественные открытки, а один из японских друзей-китаистов неизменно присылал оригинальные каллиграфические поздравления — со стихами из китайских классических романов и своими собственными, содержащими воспоминания о предыдущих встречах и надежды на такие же встречи в будущем.

Торговое оживление в июле и в декабре связано не только с получением бонусов и необходимостью делать обычные покупки. Дело еще и в том, что на эти месяцы приходятся два традиционных сезона подарков — *о-тюгэн* в середине года и *о-сэйбо* в конце, — во время которых полагается посылать подарки по почте или вручать их лично, нанося визиты вежливости старшим по службе, учителям, почтенным родственникам и знакомым. Считается, что обмен подарками — как бы формален он ни был — это лучший способ укрепления общественных связей между людьми, и поэтому почти девяносто процентов населения до сих пор придерживается старого обычая обмениваться «дарами теплого и холодного сезонов». Посылают подарки своим партнерам и клиентам также и крупные корпорации, и мелкие предприниматели — какой-нибудь лавочник одаривает постоянных покупателей наборами мыла. Излюбленный знак внимания фирм покрупнее — рекламные календари и рабочие дневники, которые иногда скапливаются у людей в огромных количествах и потом пачками выносятся в мусор.

Третий традиционный сезон подарков — это Новый год, когда детям вручаются конвертики с деньгами — *о-тоси дама*. Многие японцы в наши дни считают, что денежные новогодние подарки разорительны для взрослых и портят детей, но отказаться от обычая не в силах — тем более, что дети ждут свои новогодние конвертики с нетерпением: мы заметили, что надпись *о-тоси дама* — одна из наиболее часто повторяющихся на новогодней выставке детской каллиграфии в храме Мэйдзи.

С недавнего времени у японцев стал также очень популярен новый подарочный ритуал, который приходится на день Св. Валентина четырнадцатого февраля. Восходящий к европейскому языческому празднику, впоследствии названному христианской церковью именем одного из своих святых, в народе он всегда считался днем влюбленных. На Западе праздник Св. Валентина отмечается сейчас открытками, цветами или небольшими подарками, которые вручают друзьям и возлюбленным. А в Японии из-за однажды сделанного неточного перевода он, в сущности, превратился в шоколадный день: четырнадцатого февраля молодые женщины дарят своим

знакомым мужчинам шоколад. Если такой шоколад вручается возлюбленному, то он обычно имеет форму сердца или упаковку в виде сердца и называется «подлинным» (вручив «подлинный» шоколад, застенчивые японские девушки могут — единственный раз в году — признаться в любви тому юноше, объяснение с которым еще не состоялось). Если шоколад предназначается сослуживцам, соученикам, отцам — словом, всем тем, по отношению к кому молодые японки чувствуют себя как-то обязанными, то он представляет собой небольшие, не очень дорогие плитки и — в отличие от подлинного — называется «шоколадом долга». При этом, поскольку японские мужчины считают неприличным есть много сладкого, шоколад в результате отдают детям или съедают сами дарительницы. Удивительно, что эти же самые суровые японцы, часто пожилые почтенные бизнесмены, тем не менее придают новому февральскому ритуалу очень большое значение, считая его способом проверить свою популярность. Некоторые даже тайком покупают шоколад сами, чтобы показать его коллегам, друзьям и собственной жене. В результате благодаря дню Св. Валентина фирмы, производящие шоколад, продают в первые две недели февраля примерно одну десятую часть от общегодовой продажи своего достаточно популярного и в другое время товара. Между тем до минувшей войны японцы почти не ели шоколада, а в пятидесятые годы женщины не осмеливались не только покупать шоколадки в форме сердца, но даже торговать ими. Постепенно мужчины в Японии тоже приучились делать знакомым дамам ответные подарки — в специально придуманный кондитерскими фирмами и уже несколько лет усиленно рекламируемый «Белый день» четырнадцатое марта, когда рекомендуется подносить вещи белого цвета — особый белый шоколад, белые конфеты. К кондитерам присоединились и другие промышленники, рекомендуемые к «Белому дню» свои товары — например, белье в особых подарочных коробках в форме машинок, яиц, телефонных аппаратов, кувшинчиков для горчицы, которые позволяют мужчинам без смущения покупать и вручать столь необычные предметы.

Делают подарки и на Рождество (обычно родители вручают в эти дни детям торт), и в западные «родительские» дни, когда, наоборот, дети подносят родителям небольшие знаки внимания, но эти «подарочные» дни не так популярны. Кроме того, вне сезонов и специальных дней подарки, часто денежные в конвертах, вручаются по самым разнообразным поводам: рождение ребенка, совершеннолетие, окончание учеб-

ного заведения, свадьба, похороны, юбилей, просто визит к знакомым. В результате каждая японская семья получает и дарит в среднем один подарок в неделю, хорошо представляя, какие суммы полагаются потратить в том или ином случае.

Не меньшее значение, чем самому подарку, придается его упаковке, над созданием которой также трудится армия художников-оформителей. Ни в одной стране мира товары не пакуются так тщательно и с таким вкусом, как в Японии. Один и тот же продукт одной и той же фирмы, например какой-нибудь напиток, может выпускаться чуть ли не в двадцати разных видах — в бумажных пакетах, стеклянных и металлических баночках — не только разного объема, но и разного стиля, в расчете на разных покупателей. Каких только пластиковых пакетиков с обычными леденцами, дешевыми конфетами и печеньем не разложено на полках магазинов самообслуживания! А уж в специализированной лавке или отделе горстка печенья (которая обойдется покупателю в этом случае гораздо дороже, чем обычно) упакована в большую привлекательную коробку, часто металлическую, и аккуратно разложена по сортам в пластиковых гнездах. Иногда каждое печенье еще отдельно обернуто, причем для традиционных сластей в этом случае используется японская бумага *васи*. Помимо того что товары тщательно пакуются при изготовлении, в магазине они дополнительно помещаются в пластиковый или бумажный пакет с особым рисунком и названием магазина или заворачиваются в фирменную бумагу. В отделах самообслуживания магазинная упаковка — это еще и знак того, что товар уже оплачен. Просьба не заворачивать, например, карту-путеводитель, которая будет тут же использоваться, вызывает удивление и растерянность у продавцов даже небольшой лавочки, где все на виду, стремящихся торговать «как положено». Само собой разумеется, что вещи, купленные в подарок, должны быть упакованы еще более тщательно и красиво, чем обычно: маленький бумажный новогодний змей, к примеру, будет завернут вверх коробки с традиционным узором в серебристо-золотую бумагу, а обычная лапша помещена в деревянный ящик с каллиграфическими черными иероглифами, который сам по себе достоин быть подарком.

Что же касается особо торжественных подношений, прежде всего свадебных, то они до сих пор оформляются с соблюдением многочисленных сложных правил, запечатленных в старинных книгах-инструкциях об упаковке. На верхней грани такого подарка, завернутого в один или два листа

бумаги *васи* (в траурных случаях допускается только один лист), делается приличествующая случаю каллиграфическая надпись кисточкой, что-нибудь вроде «ничтожный подарок», «пустяк», «благодарность», «по радостному поводу», «духу усопшего». Справа сверху помещается красно-белая наклейка, сложенная из бумаги с полоской сушеного съедобного моллюска. Он призван символизировать свежие продукты, которые когда-то обязательно прилагались к несъедобным подаркам (на подношениях по поводу похорон или поминок такая наклейка невозможна, поскольку буддизм запрещает употребление в пищу рыбы и мяса). Имеет значение даже направление последнего загиба бумаги: она должна быть сложена слева направо во всех случаях, кроме печальных. Особую красоту подаркам и подарочным конвертам с деньгами придают банты из тонких изящных бечевочек *мидзухики*, связанных по три, пять, семь, девять — в соответствии со счастливыми числами. Чаще всего одна половина *мидзухики* бывает белой, а другая, приходящаяся на правую часть свертка или конверта, — красной (любимое сочетание японцев, использованное, кстати сказать, в национальном флаге, которое символизирует женское темное начало *инь* и мужское светлое начало *ян* традиционной китайской философии). Возможны и другие сочетания цветов — красный с золотым, золотой с серебряным для свадьбы, черный с белым для траурных церемоний. Разнообразны и банты — в виде бабочки, в виде черепахи или даже «корабля сокровищ». Изготовлением подарочных конвертов и *мидзухики*, а также завязыванием бантов занимаются специальные промыслы, где почти все делается вручную в соответствии с давними традициями. Часть *мидзухики*, правда, скручивают уже машинами, но это второй сорт — узлы из машинных бечевочек нельзя туго завязать, они расползаются. Достаточное распространение в менее торжественных случаях получили в наши дни также конверты и оберточная бумага, на которых *мидзухики* с бантом или наклейка с моллюском просто символически отпечатаны типографским способом.

Конечно, для самых близких людей или для тех, на кого нужно произвести впечатление, подарки даже в сезоны выбираются индивидуально и здесь же в магазине пакуются за особую плату. При желании можно преподнести не только вещь, но и подарочный талон — например, на посещение концерта или на проверку чистоты и качества питьевой воды. И все же массовые подарки в периоды *о-тюдзэн* и *о-сэйбо*, обмен которыми достаточно формален, проще подобрать на выставках-продажах, которые устраивают в эти сезоны боль-

шие универмаги. Заполните квитанции, расплатитесь, и в назначенный день рассыльные доставят по нужным адресам указанные вами наборы — мыло или чай, полотенца или консервы, домашние тапочки или банки с сушеными водорослями — в коробках, завернутых в фирменную бумагу магазина, желательно известного и престижного. Сотни людей заполняют такие квитанции, сверяясь с длинными списками, которые имеются у каждой рачительной хозяйки, учитывающей, какие именно поздравительные открытки, вещи или деньги были отправлены и получены ее семьей в течение прошлого года. А представители больших компаний приносят с собой в универмаги толстые книги, содержащие до ста тысяч адресов клиентов и деловых партнеров, которым надо послать подарки.

Рассылка подарков, однако, это иногда лишь первая половина их странствий. Часть вещей возвращается в те магазины, где они были куплены, — в обмен на другую нужную вещь или на талоны, дающие право сделать в этом же магазине любую покупку на ту же сумму; часть передаривается. Кроме того, существует целая сеть дельцов, которые зарабатывают себе на хлеб перепродажей подарков: скупают их со скидкой (как правило, у фирм или у известных деятелей, получающих много сезонных подношений), а затем продают населению по несколько сниженным ценам. И так повторяется из года в год, как бы ни тяготила некоторых сезонная суета обмена подарками.

С рассылкой поздравлений и подарков предновогодние хлопоты не кончаются. По обычаю, жилище к Новому году полагается особо тщательно убрать и вывесить над дверьми соломенную веревку *симэнава* — синтоистский амулет, не позволяющий войти в дом нечистой силе. Четыре из пяти японских семей выставляют также у входа новогоднее украшение *кадомацу* — оплетенные рисовой соломой ветки сосны, возвышающиеся над ними стволы бамбука и иногда веточки цветущей сливы (обычай, по-видимому заимствованный из Китая, где ветки сосны и бамбука, символизирующие долголетие, и цветущая слива, считавшаяся символом стойкости и весны, издавна выставлялись на столе к Новому году; по традиционному календарю он приходился на новолуние между 13 января и 24 февраля и совпадал в южных районах с наступлением весны). Специальное украшение из соломы с различными благопожелательными символами — апельсином *дайдай*, креветкой (в наше время пластмассовой), папоротником, хурмой, маленьким бумажным веером — вывешивается на дверях и прикрепляется к автомобилям.

Немаловажная часть новогодних приготовлений — закупка продуктов на выходные дни, когда вся семья находится дома, а большая часть магазинов, даже самых крупных, торгующих во время всех прочих праздников, закрыта. Холодную новогоднюю пищу *о-сэти* делают заранее, художественно раскладывая в особой четырехэтажной лаковой коробке различные деликатесы — креветки, ломтики морского окуна, рулетики из омлета, вареные овощи. Подается к новогоднему столу также фасоль в сиропе, символизирующая здоровье; селедочная икра с ее множеством икринок, ассоциирующаяся с плодородием, и жареный лосось (цены на эти продукты, добывающиеся в ограниченных количествах, резко возрастают перед Новым годом); сладкие каштаны с пюре из батата; салат из длинной белой редьки *дайкон* с морковью. Каждый район Японии славится своим набором блюд *о-сэти*, которые делаются с большим количеством соевого соуса или соли, сахаром и уксусом и долго хранятся, давая возможность хозяйке отдохнуть от приготовления пищи. В больших городах новогоднее угощение можно заказать в ресторанах или универмагах, но это дорого. Поэтому в продуктовые магазины попроще перед Новым годом выстраиваются основательные очереди, так что давичники даже пытаются организовать их плакатами вроде «Покупателей магазина Танабэ просим построиться по двое».

Когда-то в каждом доме к Новому году не только делали *о-сэти*, но также устраивали церемонию приготовления рисовых *моти*. Повсюду раздавался глухой стук больших деревянных молотов, которыми в деревянных же ступах толкут вареный рис особого клейкого сорта — до тех пор, пока он не превращается в однородную вязкую и тягучую массу. Эту массу можно просто нарезать кусочками, можно смешать с красной сладкой фасолью, можно подсушить, а потом испечь на решетке, обернув водорослями, — короче говоря, приготовить самые разнообразные блюда, которые употребляются и в обычной, и в праздничной японской пище. На Новый год две большие лепешки *моти* до сих пор ставят одну на другую в парадную нишу *токонома* — как символ божества рисосеяния. Кусочки *моти* кладут также в суп *дзони*, подаваемый в первое новогоднее утро вместе с блюдами *о-сэти* и сладким ароматизированным *сакэ*, все это в особой лаковой посуде. Рецептов *дзони*, который в обычное время можно отведать в любой японской кондитерской, по стране не меньше сотни, и способы его приготовления всегда служат предметом новогодней застольной беседы. Конечно, для ежедневного пользования никто не толчет рис вручную —

моти покупают, делают в электрической машинке или заказывают к Новому году в ближайшей рисовой лавке. И все же ритуал изготовления *моти* в деревянной ступе — как один из символов Нового года — сохраняется и в Токио: даже жильцы нашего многоквартирного дома собирались на коллективную церемонию *мотицуки* ежегодно.

Но вот остались позади декабрьские хлопоты, наступает канун праздника. Поклонники традиций устремляются в знаменитые ресторанички, чтобы выполнить еще один ритуал старого года — завершить его последний беспокойный день чашкой горячей гречневой лапши *соба*, которая называется в этом случае *тосикоси соба* — «лапшой встречи Нового года». Покидают Токио последние переполненные поезда. В завершающих телерепортажах старого года мелькают снятые с воздуха кадры измеряемых многими километрами пробок на автомобильных дорогах, — это медленно, в бензинном чаду пробиваются те, кто решил провести праздники за городом. Пустеют токийские улицы, замирает торговля. Рядом с нашим домом погасила огни раньше положенного времени «французская» булочная «Помпадур», распродав остатки свежеспеченного хлеба. Убирают освобождающиеся из-под пирожных подносы усталые продавцы в ларьке, принадлежащем крупной кондитерской фирме «Фудзия», еще не так давно бойко торговавшей до поздней ночи рождественскими тортами. Опускаются металлические жалюзи на больших и маленьких магазинах. Редкие прохожие спешат домой, к семье, к телевизорам — смотреть знаменитый новогодний концерт государственной телекомпании, в котором участвуют лучшие исполнители страны, отобранные по письмам телезрителей. За концертом последует программа «Год уходящий, год наступающий» — прямая передача из разных, самых известных буддийских храмов страны позволит, не выходя из дома, услышать один за другим знаменитые сто восемь ударов колокола, последний из которых прозвучит уже в первую минуту Нового года.

ПО СТАРЫМ И НОВЫМ ДОРОГАМ

Путешествия всегда занимали особое место в жизни японцев — даже тогда, когда основным способом передвижения по стране был пеший. В эпоху Эдо тысячи людей отправлялись в путь, сопровождая удельных князей *даймё*. Простолюдины, бродячие воины, знатные люди совершали многодневные паломничества в знаменитые синтоистские и буддийские храмы, причем дороги, как сообщают нам японские историки, были вполне безопасны. Известно, что в начале прошлого века в самый главный синтоистский храм Исэ ежегодно являлось до пяти миллионов человек, а среди паломников, посетивших Киото еще в начале восемнадцатого века, было много жейщин и детей, которые могли спокойно странствовать пешком. Особая традиция была связана с восхождением на священные горные вершины — Фудзияма, Татейама, Хакусан, Онтаке. Процветал и жанр литературы о путешествиях, к лучшим образцам которого причисляют «По тропинкам севера» великого поэта Мацуо Басё.

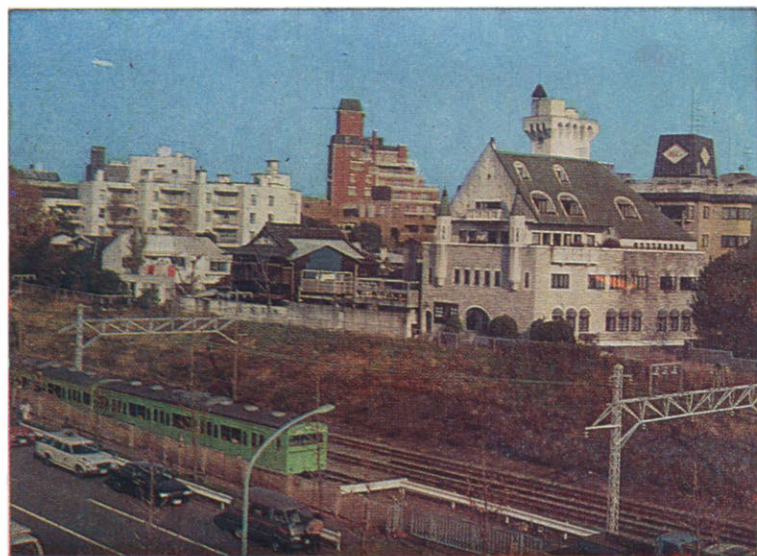
Много путешествуют в Японии и сейчас. В конце декабря и в августе кажется, что вся страна снимается с места: Новый год многие стремятся встретить в родных краях, а в праздник *бон* — посетить могилы предков. В течение всего года тысячи бизнесменов ежедневно разъезжают между крупными городами, встречаясь со своими партнерами. Без таких личных переговоров не мыслится деловое общение даже в век телефонов, компьютеров и факсимильной связи. С эпохи Мэййдзи путешествия и экскурсии входят в школьную программу, и около знаменитых храмов часто можно увидеть экскурсионные автобусы, заполненные детьми в форме.

Миллионы людей ездят каждый год в туристические поездки по стране и за рубеж, особенно во время летних отпусков и весенней «золотой» недели. Выпускаются подробные карты, туристические журналы, путеводители и справочники, огромным успехом пользуются книги и телесериалы о достопримечательных местах Японии — трех самых красивых видах,

Район Синдзюку

1 Зак. 274

В жилом квартале

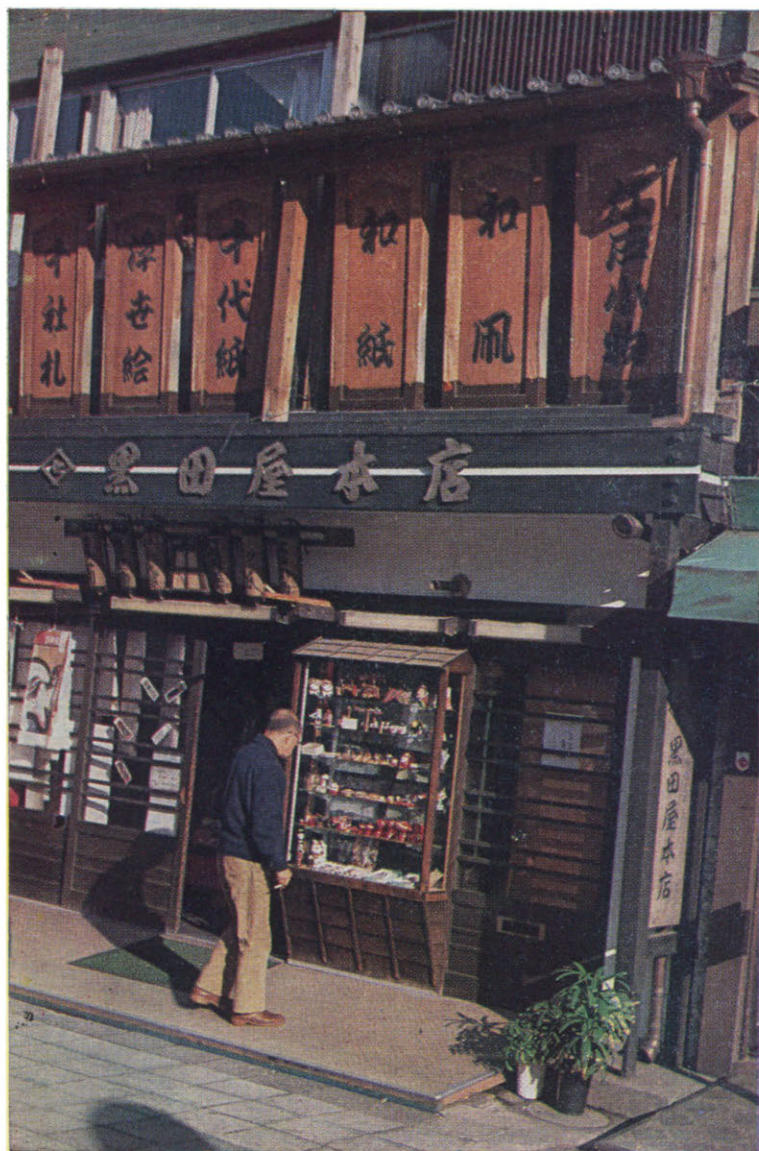
Кольцевая линия электрички

Кинотеатр

На «блошином базаре» (Ёёги)

Молодежный универмаг (район Сибуйа)

Лавка традиционной бумаги, укиё-э, игрушек

Зверьки тануки приносят счастье

Любование сливой (ботанический сад Дзиндайдзи)

Праздник ситигосан

На маршруте «семи богов счастья»

В гостинице рёкан

Торговец лапшой

Пластиковые муляжи рисовых суси

Воздушный змей — символ Нового года

Украшения кадомацу

Витрина с новогодним сакэ

пяти знаменитых мостах, больших и маленьких храмах Токио, гостиницах, готовящих какие-нибудь особые блюда. Возникла и процветает настоящая индустрия путешествий — туристические бюро можно найти около любой станции метро и городской электрички, в каждом крупном универмаге, в больших и маленьких городах, и все они не испытывают недостатка в клиентах. Устраивают экскурсионные поездки клубы престарелых, школы *икэбаны* и чайной церемонии. Совершают время от времени обязательные совместные туры выходного дня сотрудники крупных и мелких фирм. Как-то и мы приняли участие в поездке, которую организовал общественный комитет нашего многоквартирного дома. С утра пораньше желающие — ничем, в сущности, не связанные между собой люди — сели в автобус и провели в нем вместе целый день, лишь изредка останавливаясь, чтобы отведать клубники в парниках, поесть лапши в придорожной столовой, осмотреть знаменитый храм. На память о поездке у всех участников остались фотографии, без которых любая экскурсия в Японии кажется как будто и ненастоящей.

Даже самые современные дороги, по которым странствуют в наши дни японские путешественники, часто проложены вдоль путей старинных, сохраняющих к тому же свои прежние названия. Общеизвестный пример — линия железнодорожного суперэкспресса «Токайдо», которая следует вдоль древней дороги на Киото, запечатленной в серии гравюр *укиё-э* знаменитого Хиросигэ. Превратились в скоростные шоссе и старые тракты, когда-то связывавшие Эдо с другими частями страны — Никко-кайдо, Косю-кайдо... Да и сам Токио, столько раз горевший во время землетрясений и почти стертый с лица земли бомбежками последней войны, оказывается, в значительной степени сохранил систему старых коммуникаций. Хаотичная и иррациональная часть старого города, Яманотэ, представляется сейчас беспорядочным лабиринтом улиц и переулков. Между тем, если современную карту города наложить на старинную, то выяснится, что нынешние улицы этой части города удивительно совпадают с прежними дорогами эпохи Эдо. Тогда на лесистых холмах Яманотэ селились удельные князья *даймё* и их воины-самураи, а в долинах обрабатывали землю крестьяне. Пешеходные дороги, ставшие ныне столь неудобными для автомобилей городскими улицами, в то время были проложены с учетом особенностей местности. По-иному выглядела в эпоху Эдо равнинная восточная часть столицы — «Нижний город» Ситамати, заселенный торговцами, ремесленниками, актерами, гейшами. Здесь кварталы с

правильной сеткой узких улиц строились среди рек и каналов, которые и служили основными транспортными путями. По берегам и особенно среди мостов сосредотачивалась вся жизнь «Нижнего города», шла оживленная торговля, устраивались гулянья и праздники. Недаром вода и мосты встречаются на гравюрах *укиё-э*, изображающих Ситамати, так же часто, как и видная тогда отовсюду гора Фудзияма, — она возвышается вдали над смутно намеченными холмами Яманотэ. Сейчас токийские реки — кроме разве что Сумиды — во многом утратили и свое транспортное, и свое развлекательное значение. Многие из них взяты в трубы, а сверху устроены скверы с насыпными унылыми газонами — настолько похожими друг на друга, что сразу догадываешься, что где-то под тобой спрятана речка. Тем не менее старинные водные пути Ситамати — как и сухопутные дороги Яманотэ — были использованы для прокладки новейших магистралей. Стремясь избежать покупки дорогостоящей земли, городские власти часто строили скоростные приподнятые шоссе над реками, иногда засыпанными. Классической для Токио стала фотография такого шоссе, которое нависло над знаменитым мостом Нихомбаси и погубило один из наиболее живописных видов города: мост в его последнем европейском каменном варианте — с металлическими фонарями вроде петербургских — и характерное для начала века красно-кирпичное здание с башней, тоже в западном стиле.

Неискушенному приезжему кажется поначалу, что и на старых и на новых дорогах современные виды транспорта вытеснили отовсюду пеших путешественников. Даже восхождение на Фудзияму большинством паломников совершает, предварительно добравшись на машине до пятой станции отдыха, находящейся примерно на половине пути. Покрывает сеть автомобильных дорог гористый полуостров Идзу — любимое место отдыха токийцев. Не выходя из автомобиля или экскурсионного автобуса, здесь можно любоваться морем и плантациями мандаринов на склонах, вулканическими скалами и сосновыми рощами, горой Фудзияма, возвышающейся то над заливом, то над холмами. Общеизвестное исключение в окрестностях Токио — это, пожалуй, пешеходный маршрут по сохранившемуся около курортного местечка Хаконэ и живописного озера Асиноко участку старой дороги Токайдо. Здесь реставрированы замощенные камнем участки, относящиеся к эпохе Эдо, создан музей дороги Токайдо, восстановлена древняя застава, когда-то проверявшая путников на подступах к городу. Осенью, в самое приятное время года,

на тракте устраиваются коллективные переходы — совсем «как в старину». Некоторые путники даже облачаются в традиционную дорожную одежду, взятую ради такого случая напрокат. А соломенные сандалии для всех желающих бесплатно плетет старик из расположенной неподалеку почти обезлюдевшей деревни.

Прожив несколько лет в Японии, однако, постепенно узнаешь, что пешеходные пути, сохранившие не только музейный, но и подлинный аромат старины, на самом деле можно отыскать здесь повсюду — и даже в самом Токио. По двадцати девяти маршрутам в разных уголках страны совершается — чаще всего на Новый год или в «день становления весны» четвертого февраля — паломничество к семи божествам. Они имеют самое разное происхождение, но объединены народной фантазией в единый пантеон «семи богов счастья». Обычай совершать такое паломничество получил особенно широкое распространение в начале XIX века — в период расцвета городской протонародной культуры эпохи Эдо. Но возник он гораздо раньше, вместе с другим более известным ритуалом — класть под подушку картинку с изображением семи богов, плывущих на корабле с сокровищами. Считается, что те, кто увидит этот корабль в своем первом новогоднем сне, обеспечены счастьем и богатством на весь предстоящий год.

В Токио один из старейших и, пожалуй, наиболее интересных маршрутов «семи богов счастья» находится в кварталах Мукодзима около реки Сумида. Они протянулись вдоль берега, прямо против расположенного на другой стороне храма богини Каннон в Асакусе, известного красочными праздниками и заполненного несметными толпами в новогодние дни. А район Мукодзима, и сейчас тихий и малолюдный, некогда был известен своими живописными полями, садами и уединенными старинными храмами. Здесь собирались художники и литераторы, чтобы полюбоваться луной, снегом или — по особо распространенной моде тогдашнего времени — цветами, побеседовать в тишине и уединении на возвышенные темы. Одна из таких дружеских компаний и задумала найти шесть богов в дополнение к старцу Фукурокудзю, алтарь которого находился в местном «Саду тысячи цветов».

Паломничество по кварталам Мукодзима начинают со старинного синтоистского храма Мимэгури на берегу реки Сумида. В былые времена к храму подъезжали на лодках, а сейчас прибывают на автобусах или в вагонах электрички. Поэтому ворота, ведущие к реке, большую часть года закры-

ты. Храм Мимэгури посвящен синтоистскому богу рисосяния Инари, и обычные для таких храмов скульптурные изображения в виде лис выставлены перед главным алтарем. А на боковом каменном алтаре-стеле выбиты имена сразу двух из «семи богов счастья» — Эбису и Дайкоку. Первый из них некогда был покровителем рыбаков, и поэтому изображается с удочкой в одной руке и большим морским окунем в другой. Впоследствии горожане превратили Эбису в покровителя торговли, и недаром его модернистское изображение можно увидеть перед одним из самых современных банков в Токио. Сосед Эбису, дарующий богатство Дайкоку, изображается стоящим или сидящим на оплетенных соломой рисовых мешках, с деревянным молотком для «выколачивания» монет в руке. В Японии Дайкоку вроде бы появился с буддизмом, но, как это часто бывает, слился в сознании японцев с местным синтоистским божеством. Поскольку Мимэгури — это первый храм маршрута, здесь гостей приветствуют и угощают зеленым чаем местные лавочники. Они издавна продавали в районе Мукодзима сласти из риса и красной фасоли, а сейчас объединились в общество, поддерживающее традиции маршрута «семи богов счастья». Один из лавочников — старичок с круглым добродушным лицом и жиденькой бородкой — наряжен Эбису и охотно позволяет фотографировать себя на память.

По обычаю этого маршрута в первом же храме паломники покупают белый керамический корабль с иероглифом «сокровище», начертанном на бумажном парусе. Затем, после посещения каждого алтаря, к кораблю постепенно прикупают темные, тоже керамические фигурки божеств, с тем чтобы дома выставить на палубе весь пантеон. Каждая фигурка завернута в листок традиционной бумаги *васи*, на котором сделан оттиск особой большой печати — с каллиграфически выполненным названием храма, именем божества и соответствующей символикой (отпечатки, посвященные Эбису и Дайкоку, к примеру, имеют форму изящно перевязанного мешка с сокровищами). Оттиски печатей можно сделать и самим, в книжечке с описанием маршрута для этого оставлены пустые места. А на другом знаменитом маршруте «семи богов», около станции Уэно, печати выставляются на большом листе с цветной гравюрой. За особую плату монахи-каллиграфы пишут на этом листе название каждого храма и имена всех божеств.

Обычай делать во время паломничества оттиски, как бы удостоверяющие посещение храма и сделанное небольшое пожертвование, существует с давних времен.

Возраст некоторых храмовых печатей исчисляется сотнями лет, кое-где отпечаток представляет собой текст буддийской сутры. В нынешней Японии, как память о давнем обычае, не только в храмах, но и повсюду во время путешествий — на станциях отдыха скоростных автомагистралей, в гостиницах, в приютах на горе Фудзияма — можно увидеть большие штампы с рисунками разного стиля и памятными надписями. А на Токийской телебашне оттиск памятной печати ставит для посетителей робот. Похоже, что на маршруте «семи богов» около реки Сумида печати хотя и продолжают старинную традицию, тем не менее тоже выполнены из современных материалов и представляют собой лишь стилизацию под старину.

Следующий храм, относящийся к маршруту в кварталах Мукодзима, построен, как и многие другие буддийские храмы Японии, в ярко выраженном китайском стиле. Здесь можно посетить Хотэя — обожествленного монаха Танской эпохи, считавшегося воплощением «Будды будущего» — Майтрейи, который на Дальнем Востоке изображается с большим животом, круглой бритой головой, добродушным улыбающимся лицом и длинными мочками ушей. Рядом расположен еще один буддийский храм, где имеется алтарь Бэндзайтэн — индийской богини вод, ставшей впоследствии покровительницей искусств. Перед храмом установлены длинные низкие столы, покрытые нарядной красной тканью, а продавщицы в сине-белых кимоно предлагают чай и сладости, которыми издавна славится этот храм: рисовые моти с начинкой из красной фасоли, обернутые особо засоленными листьями сакуры.

В старые времена к «Саду тысячи цветов», где некогда и был задуман маршрут «семи богов счастья», вела по берегу реки Сумида живописная тропа, превратившаяся сейчас в проезжую улицу. Рядом с улицей — прямо вдоль реки — проложена приподнятая скоростная автодорога. Исчезли романтические поля и сады. На их месте поднялись унылые многоквартирные дома, чередующиеся с убогими развалюхами, которых в других районах Токио и не встретишь. Асфальт, бетон, автозаправочные станции, навязчивый запах бензина. Но, как и в прошлом веке, течет от одного храма к другому оживленный людской ручеек — так что и дорогу спрашивать не надо. Старые, молодые, детишки — все принарядились на Новый год, многие в традиционной одежде. Вот показывается на повороте кумирня буддийского божества Дзидзо, каменные изображения которого

часто установлены на перекрестках, около мостов и в других опасных местах для охраны путников. Как полагаются перед буддийскими алтарями, многие возжигают на этом месте благовония, выставляют цветы, кладут монетки, и паломники углубляются в небогатые кварталы вокруг «Сада тысячи цветов» — «Хяккаэн». Еще в начале прошлого века первый владелец Хяккаэна, богатый торговец антиквариатом, собрал у себя множество растений, по очереди цветущих круглый год. Многие из них упомянуты в китайских или японских классических произведениях и поэтому вызвали у просвещенных гостей, собиравшихся в саду, различные литературные ассоциации. И сейчас цветы сада Хяккаэн, находящегося ныне в ведении муниципальных властей, в течение всего года привлекают посетителей. А в первые дни января паломники по маршруту «семи богов счастья», как и встарь, посещают в саду алтарь Фукурокудзю. Имя этого божества записывается тремя иероглифами — «счастье» (фуку), успех на чиновничьих экзаменах старого Китая (року), который связывался с представлением о знатности, и «долголетие» (дзю). Те, кому знакомы китайские народные верования, с первого взгляда могут узнать в бородатом старце Фукурокудзю древнюю китайскую «звезду долголетия» Шоусина: тот же необыкновенно высокий «двойной» лоб, тот же длинный халат и привязанная к поясу тыква-горлянка, которая обещает многочисленное, как на тыквенной плети, потомство. А иероглифы «счастье» и «карьера» в имени японского Фукурокудзю были, очевидно, заимствованы у двух других — как называл их академик В.М. Алексеев — «звездных божеств»: «звезды счастья» Фусина и «звезды больших чинов» Лусина.

Путь к следующему пункту — самому древнему на маршруте: храму X века — лежит по небогатому жилому кварталу. Как две капли воды, его улочки похожи на сотни таких же улочек в других районах города. На тротуарах, отделенных от узкой проезжей части только полосой желтой краски, выставлены традиционные горшки с цветами, как и в старые времена, зацветающие садики а небогатых кварталах. На редком здесь деревце сохранились с осени яркие оранжевые плоды хурмы — их берегут ради красоты. Кое-где поставлены автоматы с прохладительными напитками. Вдоль улиц протянулись толстые провода, а на столбах повсюду виднеются столь характерные для Токио таблички с указанием точного адреса места, где вы находитесь. На перекрестках иногда укреплены большие круглые зеркала.

Они позволяют видеть транспорт, вынырывающий из-за поворота, — с другой, такой же неправдоподобно узкой улицы. В обычные будние дни в квартале течет своя размеренная жизнь. Дети идут с утра в школу, а на обратном пути забегают поиграть во дворе ближайшего храма. Домохозяйки вывешивают в окнах второго этажа белье, проветривают пестрые постельные принадлежности. Объезжает свои владения на велосипеде местный полицейский, скорее похожий на студента молодым интеллигентным лицом и очками в металлической оправе. Бабушки в фартуках, традиционной обуви и носках с отделенным большим пальцем поливают тротуар перед домом — совершают ежеутренний ритуал очищения. А сейчас, в первый день Нового года, в квартале тихо и пустынно. На раздвижных дверях домов вывешены новогодние украшения, такие же украшения и печатные листы с поздравлениями и новогодней символикой — восходящим солнцем, сосной, бамбуком и сливой, журавлем и циклическим животным, символом наступающего года, прикреплены к опущенным металлическим жалюзи редких в этом районе лавчонок. Единственный на всю округу открытый овощной магазинчик выставил на тротуар плоские керамические подносы — как для карликовых деревьев *бонсай*. На подносах выращены своеобразные огородные композиции из семи овощных растений — *нанакуса*. Набор включает зелень и два сорта редьки, которые добавляют в рисовую кашу и едят после новогодних пиршеств как залог здоровья на весь предстоящий год.

Но вот и улочка, ведущая к храму Сирасигэ — следующему пункту маршрута. Перед высокой лестницей расположились торговцы лапшой — видно, ко времени посещения этого храма паломники успевают как следует проголодаться. А рядом установил свой допотопный велосипед-лавку старичок в старомодной кепке и поношенной одежде. Из горячей конфетной массы он вытягивает щипчиками удивительных зверей, слегка раскрашивает, обертывает целлофаном и выставляет на палочках для продажи. Зрителей много, но покупать фигурки никто особенно не торопится: современные дети избалованы игрушками и телевизором. Может быть поэтому уличных скульпторов-кондитеров в современном Токио можно встретить очень редко.

Считается, что в храме Сирасигэ паломники посещают еще одного старца, дарующего долголетие, — Дзюродзина. Но на самом деле алтаря этого божества в свое время просто не нашлось в округе, и оно было заменено синтоистским богом Сирасигэ — тоже старцем и тоже бородачатым. Это

обстоятельство, однако, мало смущает паломников. Не задумываются они и над другим совпадением. По своему происхождению Дзюродзин — это все тот же китайский Шоусин, который на всякий случай изображен без знаменитого «двойного» лба, но зато в сопровождении своего обычного спутника — оленя. Сделав оттиск памятной печати с контурами оленя и надписью «Дзюродзин, храм Сирасигэ», паломники начинают переход к самому отдаленному пункту маршрута — буддийскому храму Тамондзи.

Дорога к Тамондзи идет вдоль прежней магистрали, рядом с которой выстроен особо длинный многоквартирный дом. В известной степени такие дома воспринимаются японцами, мечтающими хоть и о крошечном, хоть и в отдаленном пригороде, но все-таки своем домишке с садиком, как символ не слишком обеспеченной жизни. Тем неожиданнее увидеть вдруг около дороги деревянные ворота Тамондзи с тростниковым навесом, столь редким в Токио наших дней. В прекрасном даже зимой вечнозеленом саду храма паломники покупают фигурку грозного буддийского божества Биямон — воинственного стража севера Вайшраваны, ставят печать с изображением пагоды, которую обычно держит в руках это божество, — и паломничество закончено. Не слишком уж длинный маршрут, всего каких-нибудь три с лишним километра, он тем не менее достаточно утомил путешественников. Молодежь устремляется к электричке, метро, автобусу, а пожилые дамы в неизменных парадных меховых воротниках, пахнущих нафталином, предпочитают в праздничный день воспользоваться услугами такси.

Многие пешеходные маршруты в Японии — хотя их можно найти только в самых толстых справочниках и путеводителях — начинаются в двух шагах от общеизвестных туристических путей. Так обстоит дело, например, в древней Камакуре, находящейся в часе езды на автомобиле от Токио. Столько же времени уходит и на проезд по главной улице этого небольшого старинного городка, забитой машинами и экскурсионными автобусами. Пешеходы по тротуарам идут здесь куда быстрее, чем движутся машины по дороге, и кажется, что воздух в приморском курорте, где живут многие писатели и художники, гораздо хуже, чем в Токио. Рябит в глазах от лавчонок, предлагающих знаменитые камакурские лаковые изделия, самурайские мечи и безделушки из ракушек. Крошечные столовые с убогим набором блюд явно дороже, чем даже обычные токийские. Повсюду мелькают рекламные щиты, зазывающие в отели, гостиницы традиционного стиля *рёканы* и

семейные японские пансионаты *минсюку*, где постояльцы живут как бы в гостях у хозяев. Около знаменитого камакурского «Большого будды» высаживаются из автобусов, сменяя друг друга, экскурсионные десанты, послушно следующие за своим гидом — девушкой в форме, белых перчатках и высоко поднятым красным флажком в руке. Закупив сувениры, они устремляются к следующему обязательному пункту — храму Хатимангу с его знаменитой парадной лестницей и огромным деревом гинкго рядом с ней. Часть туристов посещает в этот же день расположенный неподалеку остров Эносима, который славится пещерами с изваяниями будд и прекрасным видом на Фудзияму, но, кажется, уже сплошь застроен грязноватыми сувенирными лавками и *минсюку*. Для полноты (или пестроты?) впечатлений некоторые совмещают поездку в древнюю Камакуру еще и с экскурсией в океанариум, чтобы посмотреть там диковинных обитателей морских глубин и представление дрессированных дельфинов.

Между тем в пределах самой Камакуры сохраняется более восьмидесяти храмов — буддийских и синтоистских, а на лесистых холмах вокруг нее можно совершить пешие путешествия от одного святилища к другому по древним тропам. Проложенные паломниками в старые времена, они и в наши дни не безвестны и не беспризорны. Муниципальные власти ставят на маршрутах указатели в традиционном стиле из некрашеного дерева, чинят ступеньки на крутых местах и призывают путешественников «увезти с собой не только воспоминание о древней Камакуре, но также свой мусор». Хотя многие туристы, несмотря на призывы, ведут себя в отношении мусора далеко не идеально, тем не менее на пешеходных маршрутах царит особый дух, который ощущаешь сразу, как только встаешь на горную тропу: встречные путники здороваются друг с другом; многие ведут с собой по нелегким подъемам совсем маленьких детей с рюкзаками за спиной.

Пожалуй, самый интересный маршрут в Камакуре начинается в двух шагах от знаменитого «Большого будды» и тут же круто уходит в лесистые холмы. Здесь, в сумрачной густой чаще, затерялся синтоистский храм Сасукэ-но Инари с его бесконечной узкой лестницей среди вековых деревьев. Над лестницей установлено множество маленьких синтоистских священных ворот *тории* киноварного цвета, а на ступеньках сидят серые каменные лисы — гонцы бога рисосеяния Инари — в ярко-красных шапочках и пелеринках.

Такие шапочки и пелеринки подносят жертвователи и синтоистским, и буддийским божествам. Вокруг двух скромных деревянных святилищ храма — тоже множество лис, каменных и маленьких фарфоровых. Паломники бросают в ящик несколько монет, хлопают по синтоистскому обычаю два раза в ладоши, дергают за толстую веревку с бубенцом, и старик-служитель машет вокруг них метелкой из перьев, отгоняя все нечистое. Еще один из храмов этого маршрута, который не сразу найдешь в путанице троп, известен тем, что паломники моют в его источнике деньги, а затем сушат над благовониями. Согласно поверью, вымытое богатство должно непременно утроиться.

По-своему любопытен и самый длинный из камакурских маршрутов, хотя это всего лишь лесная дорога, примечательная только обширными полями какого-то гольф-клуба да видами на Камакуру и огромное новое кладбище в котловине по другую сторону гребня. Зато начало маршрута проложено рядом с буддийским храмом Дзуйсэндзи, сад которого, разбитый по законам паркового искусства секты дзэн, считается самым живописным в городе. Монахи учли при его создании естественную красоту скалистого горного склона с пещерами, а в январе здесь уже цветут нарциссы и особый сорт сливы с ароматными желтыми цветами. В конце пути горная дорога постепенно переходит в каменные ступеньки, затем широкую каменную лестницу со статуями фантастических крылатых существ с длинными носами — горных духов Тэнгу. Здесь путники оказываются на территории большого буддийского храма Кэнтэджи — среди окруженных вековыми деревьями величественных деревянных построек. Проложены пешие маршруты и по восточной части города, где царят храмы буддийской секты *нитирэн*. Кроме того, желающие могут отправиться и в совсем дальние путешествия по дорогам, ведущим полями за пределами Камакуры.

И все же в некоторых уголках Японии поиски пеших маршрутов, не обезображенных массовым туризмом, оказываются не таким уж простым делом. В этом мы убедились во время путешествия к озеру Тюдзэндзи, куда очень любят ездить на отдых жители Токио. Автомобильный маршрут к озеру начинается по забитому тяжелыми грузовиками шоссе, ведущему на север от столицы. Обычная скорость здесь — двадцать-тридцать километров в час, обычный пейзаж по сторонам — заводы и склады, оптовые лавки-ангары и придорожные закусочные для автомобилистов, много-

квартирные дома, втиснутые кое-где у дороги, и причудливые по своей архитектуре «отели любви», сдающие комнаты по часам. Но вот унылое шоссе и промышленные районы-спутники столицы остаются, наконец, позади. Машины легко бегут в несколько рядов по широкой скоростной магистрали. Мелькают осенние рисовые поля, уставленные островерхими снопами соломы. В садиках около домов цветут яркие хризантемы, среди полей затерялись небольшие семейные кладбища. Иногда вплотную к магистрали подступают лесистые холмы, уже по-осеннему яркие. Оставив в стороне город Никко с его известными на весь мир храмами вычурного китайского стиля, боковое шоссе переходит в извилистую горную дорогу, ведущую к озеру. Чем выше в горы, тем меньше осенних красок — листья здесь уже начинают опадать. Наконец появляется указатель к многометровому водопаду Кэгон, который образован потоком, вытекающим из озера Тюдзэндзи. Экскурсионные автобусы, ларьки со съестным, надписи на разных языках — в том числе и русская «Добро пожаловать (вместо "пожаловать")», остовы лестниц между бетонными смотровыми площадками — все это с трудом позволяет узнать Кэгон, столь романтично выглядящий на старинных гравюрах и современных рекламных фотографиях. Освоена туристическим бизнесом и та часть озера, которая примыкает к водопаду. Все те же лавочки с довольно безвкусными сувенирами, все те же дорогие столовые, все те же гостиницы разного размера и стиля прямо рядом с шоссеиной дорогой, проложенной вдоль озера. Какие-то пешеходные маршруты есть и вокруг Тюдзэндзи, в его отдаленной части, но хочется как можно быстрее оторваться от навязчивой безвкусицы, и мы поднимаемся еще выше в горы. Здесь уже царят поздняя осень и глубокая тишина, сквозь которую доносится отдаленный гул: на местном небольшом озере, по которому плавают лебеди и утки, тоже есть свой водопад. Темнеет, над холмами восходит луна. В домиках на берегу зажигается свет, и на одном из них мы вдруг видим знакомую вывеску: «Справочный пункт гостиниц-рёканов». Сколько раз, приезжая в совершенно незнакомое место, мы обращались в такой же пункт и тут же бывали направлены в рёкан, соответствующий нашему вкусу и кошельку. И сейчас дежурный — он же владелец крошечной лавчонки в соседнем помещении и, как тут же выясняется, владелец рёкана «Миякава», к которому прилепился пункт, — всячески приветствует нас и, конечно же, приглашает остановиться у себя. В горах межсезонье, нет ни летних туристов,

ни зимних лыжников, поэтому *рёканы* и пансионаты крошечного поселка стоят совершенно пустые.

Гостиницы традиционного стиля *рёканы* встречаются в любой части современной Японии десятками. Особо роскошные отделаны благородными сортами дерева, украшены настоящими произведениями искусства и принимают клиентов как знатных гостей — с соблюдением всех правил традиционного этикета. *Рёканы*, рассчитанные на массовые заезды туристических групп, представляют собой просто современные здания с лифтами и застланными синтетическими коврами коридорами: здесь по-японски устроены только комнаты. Самые же распространенные и общедоступные занимают, подобно «Миякава», небольшие дома и часто обслуживаются членами одной семьи. Конечно, каждый такой *рёкан* стремится как-то украсить себя, чем-то отличаться от своих собратьев. Один чудом сохранился рядом с небоскребами токийского района Синдзюку и привлекает к себе внимание вывеской — лакированным срезом толстого ствола с каллиграфическими иероглифами названия. Другой построен в приморском городишке между линией электрички и стоянкой автомобилей, зато его раздвижные окна-двери смотрят в ухоженный японский садик с каменным фонарем и изящно подстриженными кустами, которые делают незаметной глухую бетонную ограду. А украшением *рёкана* «Миякава» служит небольшая арка с фигурной черепицей над входом да, пожалуй, внутренняя лестница из темного дерева, ведущая наверх к комнатам постояльцев. Во всем остальном «Миякава» удивительно похож на сотни других *рёканов* средней руки, которые, как и японский дом, прошли свой путь модернизации и упрощения.

В прихожей, перед приподнятой частью пола, которой — как и в доме — начинается внутреннее чистое пространство, постояльцы меняют уличную обувь на шлепанцы. Слева от входа — деревянные полки с ячейками, куда можно эту обувь поставить, чтобы она не мешала другим входящим. Здесь же дверь в привратническую, где дежурит кто-нибудь из хозяев. В отделке всех помещений широко использованы искусственные материалы, особенно пластик под дерево. При входе в уборную — вполне европейскую, застланную линолиумом, но только с вделанным в пол унитазом принятой в Японии очень удобной и гигиеничной формы, — стоят, как и повсюду в домах, пластиковые туалетные тапки. На выходе их вновь меняют на коридорные шлепанцы, и горе тому иностранцу, который появится в тапках с надписью «туалет» на чистой половине дома:

почему-то это считается необычайно смешным. Обычно отдельная обувь выставляется и при входе на кухню. Ни одна приличная японская уборная не обходится в наши дни также без пластиковых коробок с ароматизаторами воздуха. Туалетам и автомобилям в Японии разрешается благоухать лимонами, бананами и любыми другими искусственными ароматами, хотя чистый человек здесь «не должен пахнуть ничем, кроме чистоты».

Как и в старину, запоров на раздвижных дверях в *рёканах* нет, но зато постояльцы могут кое-где пользоваться личными сейфами. Пол в комнатах, как и встарь, застлан *татами*, по которым ходят уже только в носках. Ночью на *татами* расстилают постельные принадлежности, которые хранятся в стенных шкафах. Как сказал кто-то из иностранцев, японское жилище — это и есть одна большая кровать, на которой едят, читают, играют, спят. На низком столике посреди комнаты постояльцев ждет термос с кипятком, поднос или большая круглая коробка для чайных принадлежностей — пластиковые под лак. Из пластика сделана и цилиндрическая коробочка для чая, и другая коробочка, в которую вытряхивают чай спитый, и даже сам заварной чайничек. В нише *токонома* или где-нибудь еще обязательно увидишь небольшой платный телевизор. Хочешь посмотреть — опусти монетку, кончилось оплаченное время — опускай следующую. Вместо свитка с картиной в *токонома* иногда вывешивается просто иллюстрированный календарь, вытянутые листы которого напоминают свиток. В некоторых *рёканах* раздвижные двери открываются как бы в крошечный европейский холл — на коврике стоят пара кресел и журнальный стол с пепельницей, а уже следующие раздвижные двери или окна открываются наружу.

Как и в старые времена, в *рёканах* утром и вечером обязательно кормят гостей. К каждой трапезе полагается рис. Он подается в традиционной двустенной посуде, сохраняющей тепло, — в наши дни тоже пластиковой, — а затем накладывается в пиалы. Завтрак обычно состоит из супа *мисосиру*, заправленного особой соевой пастой, сушеной с солью рыбки на квадратном блюде, сырого яйца, листков сушеной водоросли *нори*, соленых овощей *цукэмоно* и, конечно, зеленого чая. Ужин богаче завтрака: к нему — в зависимости от сезона — добавляют более существенные блюда вроде жареной рыбы, сырой рыбы *сасими*, наборы для варки в котелке. Каждый *рёкан* стремится подать своим гостям какие-нибудь местные деликатесы. В приморском городе это моллюски в ракушках, в горах — соленые грибы

с гречневой лапшой. Кое-где постояльцы едят уже не только у себя в комнатах, как это полагается по обычаю, но и в общих столовых — и японского, и европейского стиля.

В начале холодного сезона в *рёканах*, как и в домах, согреваются, засовывая ноги под одеяло, прикрепленное к низкому столику с электрожаровней, — она пришла на смену традиционной угольной. Позже, когда на севере и в горах выпадает снег, а ночная температура в Токио приближается к нулю, одной электрожаровней современные изнеженные японцы уже не обходятся. В это время помещения попроще сплошь и рядом начинают отапливаться керосиновыми обогревателями, и запах керосина начинает преследовать вас повсюду: в небольших гостиницах и маленьких ресторанах, в приемных мелких фирм и на автозаправочных станциях, даже на узких улицах горных и морских курортов, где керосиновое зловоние не смешивается с автомобильными выхлопами и поэтому особенно ощутимо. Недавно выяснилось, что керосиновые обогреватели пожароопасны и очень вредны для здоровья — они делают воздух в комнате чуть ли не более загрязненным, чем на самой крупной токийской магистрали. Но ничего не поделаешь — приходится выбирать между холодом и зловонием, поскольку обогрев электрическими приборами и тем более кондиционирование воздуха слишком дороги. Вот и пестрят зимние газеты и теленовости сообщениями о пожарах — горят *рёканы* и тонкостенные жилые домики, гибнут люди, подробности несчастий смакуются телестанциями вроде «Фудзи тэрэби», падкой на низкопробные сенсации.

Ни один *рёкан* не обходится также без купальни *о-фуро*, куда гости отправляются перед ужином, переодевшись в хлопковое кимоно. Как и в любой общественной бане, мужчины на своей половине, женщины на своей (совместное мытье почти исчезло в Японии) складывают одежду в одну из корзинок на полках в раздевалке, затем проходят в соседнее помещение, отделанное в *рёканах* средней руки просто керамической плиткой. Здесь купальщики усаживаются на пластиковые скамеечки, набирают воду в тазы — тоже пластиковые, заменившие традиционные деревянные, — и тщательно моются, поливаясь из ковшиков. Закончив мытье, заходят в ванну-бассейн, тоже вымощенную плиткой, и отдыхают от дневных забот. Вода в японской купальне очень горячая, зимой она согревает, а в душный сезон дождей и в августовскую жару — освежает; часто вода поступает в купальни из горячих минеральных источников и обладает дополнительными лечебными свойствами.

Один из таких источников, остро пахнувший сероводородом, имеется и в Юмото. Он был открыт еще в восьмом веке странствующим буддийским монахом из Никко. Впоследствии «храм на горячем источнике» — Онсэндзи — стали посещать чиновники высокого ранга, принимавшие лечебные ванны, а в эпоху Мэйдзи купальни стали доступны всем, в том числе и женщинам, ранее сюда не допускавшимся. Сейчас источник питает и местные скромные *рёканы*, и многочисленные заведения, построенные внизу вокруг озера Тюдзэндзи. Сохраняется в Юмото и буддийская моле́льня, к которой проложена деревянная гать по сернистому озеру. Есть здесь также свой синтоистский алтарь, посвященный боже́ству источника.

Необыкновенная любовь японцев к воде и баням общеизвестна. В отличие от многих других традиций, заимствованных из Китая, ритуал купания, которое освежает не только тело, но и душу, зародился в самой Японии. Уже на первых страницах древнейшего японского памятника «Кодзики» совершает омовение мифический герой Идзанаги. Очищение купанием приветствовали и синтоизм, и буддизм, и до появления общественных бань в XVI — XVII веках монастыри пускали посторонних в свои купальни. Известно, что первая общественная баня в Эдо была уже в 1591 году. А к середине нашего столетия в Токио насчитывалось свыше двадцати тысяч общественных бань — *сэнто*. Тогда их посещали и бедные и богатые, и баня была не просто местом для мытья, но и своеобразным клубом, где обменивались новостями соседи. «Нет лучших друзей, чем те, кто вместе купается», — говорили японцы. Однако прошло всего каких-нибудь сорок лет, и в больших городах традиция общественного купания начала отмирать. Число *сэнто* сократилось за это время в столице почти в десять раз, а оставшиеся продолжают все время закрываться из-за отсутствия клиентов. Дошло до того, что кое-где в бане моются только школьники, приезжающие на экскурсии. Они воспринимают *сэнто* как плавательный бассейн, и поскольку никогда не раздевались на людях, купаются в плавках. Спасая свои заведения, баншики открывают кафе и комнаты отдыха, где можно пообщаться или поиграть в теннис после купания, прачечные-автоматы. Для того чтобы сохранить исчезающую традицию, муниципальные власти помогают владельцам бань материально. Добровольцы из числа поклонников общественного купания устраивают в банях воскресные самодеятельные представления. Бани совершенствуются технически: если раньше по-

настоящему чистая вода сохранялась в общем бассейне только до полудня, сейчас посетители могут наслаждаться ею в любое время. Для привлечения публики объявляются дни бесплатного купания то тех, кому за шестьдесят, то, наоборот, самых маленьких клиентов — в праздник детей пятого мая. Но ничего не помогает. В среднем раз в две недели одна из общественных бань в Токио прекращает свое существование. И дело не только в том, что две трети токййцев могут пользоваться дома своими ваннами. Изменилась вся жизнь людей в большом городе, ослабли тесные связи, когда-то существовавшие между жителями одного квартала. Зато у горожан появилась возможность чаще путешествовать, посещать курорты на горячих источниках.

Вулканическая Япония покрыта горячими минеральными источниками от Хоккайдо до Окинавы. Красные железистые, остро пахнущие сернистые, молочно-белые и желтоватые, грязевые и совершенно прозрачные — каждый из двух с лишним тысяч используемых *онсэн* по-своему целебен. Многие из них издавна считались даром богов и увенчивались синтоистскими воротами *тории*. Находили и освящали *онсэны* и странствующие буддийские монахи, искавшие уединенные места для своих молитв. Укрывались в горах после боя целые армии израненных воинов, державшие местонахождение своих «стратегических» источников в полной тайне. Покончив с уборкой урожая, отправлялись принимать горячие ванны крестьяне, захватив с собой запас пищи и постельные принадлежности. Начиная с эпохи Мэйдзи купальни на горячих источниках превратились в своего рода курорты, где горожане не только лечились, но также отдыхали и развлекались в обществе гейш и актеров. Иногда отдыхающие странствовали из одного места в другое, как в романтическом рассказе Кавабата Ясунари «Танцовщица из Идзу». Герой этого рассказа, гимназист из Токио, приезжает в Идзу, увлекается маленькой барабанщицей из бродячей труппы и ходит вместе с актерами по горным тропам, останавливаясь в *рёканах* на горячих источниках.

Среди книг о путешествиях есть и специально посвященные *онсэнам*. О самых интересных купальнях рассказывает в еженедельных радиопередачах, которые ведет писатель — знаток *онсэн*. Недавно он совершил свое юбилейное купание в двухтысячном по счету источнике. Другой писатель в специальном телефильме странствует по знаменитым курортам, рассказывая об истории и целебных

свойствах каждого *онсэн* своей спутнице. Она исполняет в фильме роль купальщицы и традиционной для японского телевидения слушательницы, подлакивающей рассказчику. Путешественники то наслаждаются беседой в вымощенном большими плоскими камнями бассейне на берегу моря, то оказываются в купальне, устроенной в горном ущелье среди бьющего повсюду среди камней пара, то купаются вместе со знаменитыми горными обезьянами, спасающимися в горячей воде от холода и снега. Считается, что настоящая купальня на горячих источниках — *ротэмбуро* должна находиться под открытым небом, чтобы отдыхающие смогли наслаждаться прекрасным видом на море или горный водопад, осенними яркими кленами и снегом на каменных фонарях в садике, устроенном вокруг бассейна. Но у закрытых купален тоже есть своя прелесть. Одни из них устроены в пещерах, в других купальщицы, прежде чем окунуться, все вместе остужают необыкновенно горячую даже для японцев воду мерными ударами досок. Известная купальня, сохранившаяся с эпохи Мэйдзи, напоминает огромный европейский зал с высокими окнами, но только деревянный со множеством деревянных же небольших бассейнов. В последнее время появились сделанные на западный лад оздоровительные комплексы, где клиенты проходят курсы лечебных процедур. У молодых людей пользуются успехом пансионаты, совмещающие *онсэны* с катанием на лыжах. Есть и совсем забавные купальни, где разрешается находиться вместе с любимыми домашними животными. А в некоторых курортных местах сейчас построены целые комплексы — европейские гостиницы с огромными бассейнами, часто среди тропических растений, — способные принимать сразу много людей. Обслуживание поставлено здесь на поток, и клиенты, приняв ванну, оказываются в большом общем зале, где идет эстрадное представление.

Большинство горожан считают, однако, что настоящий смысл посещения *онсэн* кроется прежде всего в возможности вырваться на природу из большого города. Поэтому все больше людей тяготеют шумными курортами или принудительными поездками на *онсэны*, которые устраивают фирмы для укрепления «духа коллективизма» у своих сотрудников. В моду входят небольшие гостиницы в горах — пусть скромные, вроде «Миякава», уединенные «секретные» источники на природе, куда можно попасть только в сопровождении провожатого и, купаясь в компании друзей, забыть о сутолоке и напряжении городской жизни.

О МАЛОМ И ПРЕХОДЯЩЕМ

Перед посудной лавкой на улице Догэндзака выставлены прямо на тротуаре разноцветные цветочные горшки и стопки больших пиал. Внутри лавки, среди плоских подносов для рыбы и разнообразных изящных блюдец для соевого соуса и соленых овощей, мы впервые увидели небольшие фаянсовые скульптурки: сельдь иваси, длинную китайскую капусту, фантастического водяного *каппа*, известного нам по знаменитой повести Акутагавы Рюноскэ. Со скульптурками соседствовали небольшие фаянсовые прямоугольнички непонятного назначения: на одном — кобальтовая роспись в старинном китайском духе — мальчик с забавными пучками волос на голове ловит бабочку; на втором — традиционный пейзаж с лодкой; третий как будто воспроизводит кусочек ткани для парадного кимоно. Такие же миниатюры выставлены на посудных этажах больших универмагов, где керамику и фарфор из знаменитых гончарен продают пожилые дамы, облаченные в темные кимоно; каждая отвечает за свой маленький отсек, посвященный только одной разновидности знаменитой керамики или фарфора. Скульптурки разложены здесь обычными для японской посуды наборами по пять штук: пять журавлей спрятали голову под крыло; пять бабочек застыли в полете; пять узорчатых прямоугольничков соединились в новый, тоже прекрасный узор. Что же это за миниатюры, которые найдешь и в любой затрапезной лавке, и во «дворцах» торговли, и на ярмарках в городах и деревнях, известных своим посудным производством? Оказывается, наше воображение поразили подставки *хасиоки*, на которые кладут палочки для еды, чтобы не пачкать стол. Есть такие подставки и в Китае, и в Корее, да, наверное, и в других странах Дальнего Востока, но там они, говорят, простые и мало чем примечательные. Похоже, что в необычные миниатюры, поражающие своим разнообразием, *хасиоки* превратились только в Японии.

Чем дольше мы жили в стране, тем более очаровывали нас *хасиоки*. Со временем, отправляясь в любое путешествие в самом Токио или за его пределами, мы стали заходить в местные посудные лавки и покупать те подставки, которые могли рассказать что-то новое о японской природе, обычаях, о хотя бы некоторых из столь многочисленных и разных стилей японской керамики, фаянса и фарфора. Иногда это были совсем дешевые экземпляры, неизвестно где и кем сделанные, иногда — произведения больших мастеров с личным клеймом и маленькой фирменной наклейкой, указывающей, в каком месте и в какой гончарне изготовлена подставка.

Как-то уже к вечеру мы приехали в местечко Хонго, расположенное рядом с городом Аидзу — в горах на севере острова Хонсю. Оно славится своей керамикой и особенно массивными квадратными селедочницами, которые когда-то были здесь очень нужной вещью — вдали от моря рыбу надо было как-то сохранять. Побродив по заснеженным улицам, мы решились зайти в одну из мастерских — скромное деревянное помещение, уставленное заготовками. Здесь старичок-хозяин посоветовал заглянуть в местный магазин керамики — нечто вроде кооператива, где продают изделия гончаров Хонго. Услышав, что иностранцы собирают коллекцию *хасиоки*, продавщицы удивились и растрогались, позволив нам разбить фирменные наборы из пяти штук и купить по одной несколько разных понравившихся нам подставок. Удивлялись и другие японцы, приходившие к нам в гости: «Что это? Хасиоки? Коллекция хасиоки? — спрашивали они изумленно, разглядывая около полутора сотен подставок, разложенных за стеклом книжного шкафа. А ведь, действительно, интересно. Кто бы мог подумать, что хасиоки такие разные». Даже редакция уроков русского языка государственной телерадиокомпании как-то попросила рассказать о коллекции хасиоки в одной из своих передач. Незадолго до нашего отъезда знакомая преподавательница русского языка, знавшая о нашем увлечении, принесла прощальный дар — несколько прекрасных подставок. Тогда же мы узнали, что другой наш знакомый — русист-переводчик, человек уже в возрасте, оказывается, тоже собирает хасиоки, но интересуется только одной темой — птицами. Нас же, конечно, подставки привлекали во всем их миниатюрном многообразии — как память о далекой Японии, где прошли целых шесть лет жизни.

Рядом с подставками хасиоки в небольших посудных лавках всегда можно увидеть и сами палочки, которыми

по сей день пользуются японцы. Черные с золотыми бабочками или красные с узором в виде складных вееров, совершенно гладкие коричневые или украшенные перламутровой инкрустацией — перед нами еще один прекрасный образец прикладного искусства, долговечные лаковые палочки *нурибаси*. Правда, в обычной посудной лавке, которую посещают жители окрестных кварталов, вы скорее увидите искусную современную подделку — деревянную, но покрытую синтетическим лаком, ценою всего каких-нибудь триста иен. Впрочем, на взгляд профана-иностранца эта подделка мало чем отличается от лака настоящего, в изготовлении которого особенно искусны мастера бухты Вакаса на Японском море. Они делают и покрытые пластиком имитации, и традиционные лакированные палочки, изготовление которых требует не меньше двух месяцев — дерево неоднократно окунают в лак, потом высушивают, затем снова окунают. Потребность в долговечных палочках год от года не слабеет. Только в районе Вакаса производят до двух тысяч сортов *нурибаси* общим числом четыре десятка миллионов пар в год, да еще вдобавок к японскому производству лаковые палочки в больших количествах ввозятся из Китая и с Тайваня.

Долговечные *нурибаси* — не единственная разновидность палочек, широко распространенная в Японии. Иностранцы, приехавшие в страну на недолгий срок и побывавшие разве что в сувенирных, а не в обычных японских лавках и тем более не в японских домах, скорее познакомятся с другими палочками, которые стоят в пластиковом стакане на столиках любого ресторанчика или закусочной — рядом с соевым соусом и другими приправами. Речь идет об очень простых деревянных одноразовых *варибаси*, которые получили особое распространение в Японии после второй мировой войны и, можно сказать, запленили всю страну.

Для удобства пара *варибаси*, еще не побывавшая в употреблении, делается расщепленной только в нижней своей части, и перед едой сдвоенные палочки разламывают на две отдельные штуки. Говорят, что в ресторанчиках скорее услышишь треск бесчисленных разламываемых палочек, чем вежливое выражение *итадаки.мас* — нечто вроде «нижайше приемлю пишу», которое полагается произносить перед едой. *Варибаси* стоят недорого — десяток в два раза дешевле, чем пара обычных *нурибаси* — и в год расходуются в Японии миллиардами пар, большая часть которых делается, как утверждают газеты, из леса, заготавливаемого

внутри страны. Подсчитано, что древесина, ежегодно идущая на палочки одноразового пользования, примерно равна тому ее количеству, которое требуется при строительстве по крайней мере десяти тысяч обычных домов для одной семьи. При этом — вопреки утверждениям некоторых промышленников, которые заинтересованы в изготовлении палочек одноразового пользования, — *варибаси* делаются не из остатков древесины, а из целых стволов, иначе столь массовое производство окажется невыгодным. (К слову сказать, более дорогие долговечные палочки делаются как раз из остатков, поскольку при их изготовлении ручной труд вполне оправдан.) Кроме того, использованные *варибаси* никогда заново не перерабатываются. Неудивительно поэтому, что забота о лесах своей страны побудила некоторых японцев начать кампанию против *варибаси* под лозунгом: «Принесите ваши собственные долговечные *нурибаси* в ресторан».

Энтузиасты этой кампании целыми семьями являются повсюду со своими палочками в традиционном футляре, прикрепленном к поясу. Но пока кампания против палочек одноразового пользования имеет очень мало успеха: любящие природу японцы продолжают все же истреблять *варибаси* в огромных количествах и, похоже, не собираются от них отказываться. Необыкновенное пристрастие к одноразовым палочкам, с одной стороны, можно объяснить чистоплотностью и брезгливостью японцев: приятно есть палочками, которыми до тебя заведомо никто не пользовался. Другая возможная причина повсеместного распространения *варибаси* — это, очевидно, традиционная любовь к вещам кратковременного пользования, которая стала известна во всем мире как одна из наиболее характерных черт японского характера.

Множество прекрасных вещей делается в Японии недолговечными, с тем чтобы люди любовались ими совсем недолго: цветочные композиции *икэбана*, складные бумажные фигурки *оригами*, открытки и календари, художественная упаковка и подарочные конверты... Постоянно обновляется традиционный японский дом: каждую осень должны меняться соломенные маты *татами*, дважды в год — переклеиваться бумага на решетчатых рамах, образующих окна-двери и перегородки. Раздвигая или, наоборот, устанавливая эти рамы, меняют размеры помещения. Одна и та же комната используется то как приемная, то как спальня, то как детская. Сменяют друг друга разные произведения искусства в парадной нише. Одну традиционную комнату, в которой легко можно все менять, японцы стремятся сохранить даже

в самых современных многоэтажных домах. А уж передвижные застекленные рамы на окнах и такие же передвижные и одновременно съемные сетки от мух и комаров, кажется, неизбежны в любом суперсовременном строении в японской столице. Как и дом, построенный из дерева, постоянно обновляется японский храм: одни истлевшие детали заменяются другими, но основанным храм считается тогда, когда постройки были возведены впервые, — можно сказать, что для японцев важен момент не столько физического, сколько духовного строительства. Что же касается самого главного синтоистского святилища Японии — храма Исэ, то его постройки полностью ритуально обновляются каждые двадцать лет. Даже в вечном саду стиля *карэсансуй* все время рисуются новые «облака» и «волны» на песке.

Много вещей одноразового пользования и в современном японском быту. Как в старину, японцы пользуются бумажными носовыми платками и считают европейскую привычку по несколько раз употреблять один и тот же платок очень неопрятной. Пачки бумажных платков-салфеточек часто раздают в виде рекламки на улице — в целлофановую обертку вложено нечто вроде карточки с данными о новых магазинах, салонах красоты, очень часто о вновь построенных зданиях, в которых вот-вот будут сдавать в наем помещения. Связки коробок со столовыми салфетками хозяйки тащат домой из магазинов в огромных количествах; в каждой коробке есть прорезь — тащишь из нее одну салфеточку, а за ней уже вытянулась другая. Много в Японии и современных технических бытовых вещей кратковременного пользования: зажигалки, которые невозможно перезарядить, часы, рассчитанные на то, что их выбросят после того, как года через два кончится батарейка; недавно появился даже одноразовый фотоаппарат на одну уже вставленную пленку. По сути дела, вся японская бытовая техника как бы одноразовая, не предназначенная для ремонта, — она стареет морально быстрее, чем изнашивается. Гарантийные отделы в больших магазинах бытовой техники есть — там можно главным образом поменять батарейку в часах, на дорогой паре часов даже вставить новое стекло вместо разбитого. Но ремонтных мастерских в нашем понимании в Японии как будто бы и нет: пожалуй, чинят только обувь (в основном, меняют набойки) да автомобили, поврежденные на дорогах. Запомнилась одна передача, снятая японским телевидением в Китае. Бойцы Народно-освободительной армии помогают населению: бесплатно стригут, чинят посуду. «Как часто

вы обращаетесь сюда за помощью?» — спрашивает ведущий у пожилой женщины. «Да вот уже третий раз приношу бойцам лудить этот таз, большое им спасибо», — отвечает китайка, и тележурналист только сочувственно-удивленно что-то тянет в ответ — комментариев для японских зрителей не требуется...

Часть японских подержанных товаров покупают государства Юго-Восточной Азии — автомобильные шины, бытовую и электронную технику, даже одежду и одноразовые зажигалки, которые здесь умудряются перезаряжать. И все же проблема старых вещей и мусора в Японии, и особенно в больших японских городах, стоит очень остро: в одном только Токио выбрасывают около пяти с половиной миллионов тонн бытовых отходов в год. Справиться с этой лавиной и поддерживать японскую столицу в чистоте можно только при помощи самой современной техники и армии очень аккуратных и деловитых служащих. Немало помогают мусорщикам дисциплинированные токийцы, соблюдая целый ряд сложных правил, которыми неизменно руководствовались и жильцы нашего многоквартирного дома.

В мусорной комнате каждого этажа — чистой и светлой — стояло несколько пластиковых бачков, в которые ежедневно вставлялись большие пластиковые пакеты. Мусоропроводом здесь, очевидно, никто не пользовался. Зато у себя в квартирах все тщательно сортировали мусор по нескольким пластиковым пакетам — из тех, в которые бесплатно пакуют покупки в магазинах, — а затем распределяли свои пакетики по бачкам: в один отходы негорящие, в другой те, которые можно сжечь, в третий пищевые (по-видимому, для особой переработки). Отдельно паковались банки и ядовитые вещи, к примеру, батарейки. В большой пластиковый контейнер складывали ненужные газеты и журналы. Громоздкие предметы собирались только по определенным дням. Такая же сложная система сортировки мусора существует и в жилых кварталах, застроенных домиками для одной семьи: только здесь все отходы разного сорта выносят в отведенные места по определенным дням и обязательно в определенное время суток, обычно рано утром, чтобы мусор не стоял на улице целыми днями. За порядком — и в том числе за чистотой — следят в квартале женские общественные комитеты. Не дай бог вынести мусор плохо упакованным или в неположенное время — он тут же каким-то таинственным образом окажется под вашей входной дверью. Однажды группу женщин, сражающихся за

чистоту родного города, мы видели в районе парка Ёёги. В одинаковых панамках и фартуках с названием своей организации и лозунгами они двигались цепью по территории, прилегающей к парку, и демонстративно собирали мусор, — наверное, для того, чтобы пробудить совесть в тех, кто его бросает.

Значительная часть бытовых отходов перерабатывается. К примеру, Япония занимает одно из первых мест в мире по вторичному использованию бумаги: даже из старых билетов метро и электрички в Токио делают такие же новые билеты. Горы мусора власти ежедневно свозят в токийскую бухту, отвоёвывая от нее все новые территории, — это война с морем за землю была начата в старом Эдо семнадцатого века. На искусственно созданной в течение веков суше расположился и старинный императорский парк Хама-рику, который посещают теперь простые токийцы, и жилые кварталы, и бесконечные промышленные районы, и большой птичий заповедник. На новейших землях созданы большие спортивные залы и теннисные корты. Строительство мусорных островов полным ходом продолжается — только один из них поглощает в год до десяти тысяч старых телевизоров, стиральных машин, микроволновых духовок и холодильников. Иностранцы, живущие в Токио, давно обратили внимание на то, что японцы выбрасывают слишком хорошие вещи. Как-то французская студентка, нимало не смущаясь, показала в телевизионной передаче свою комнату, полностью обставленную предметами, которые японцы выбросили. Западный миссионер построил из мусора все свое жилище — по-видимому, в назидательных целях. Даже японские власти недавно начали обследовать мусор в поисках интересных предметов, рассказывающих о былой жизни города Токио. В результате был добыт уют, согревающийся углями, бамбуковые лыжи, пианино, привезенное из Германии в эпоху Мэйдзи, — все они займут свое достойное место в музее города, который должен открыться в 1992 году.

Впрочем, не все так просто с отношением японцев к старым, побывавшим в употреблении предметам. Очень активно идет продажа подержанных машин — вдоль пригородных шоссе то и дело попадаются расцветенные флажками и яркими вывесками площадки, уставленные самыми разными автомобилями, ждущими новых владельцев. В 1977 году в стране возникла ассоциация, ратующая за повторное использование вещей. Она устраивает ярмарки старьевщиков, организует «гаражные» распродажи по американскому образцу, когда любая семья может предложить за небольшие

деньги соседям и всем желающим то, что не нужно ей самой. В последние годы стали появляться и комиссионные магазины одежды. Большею частью это совсем небольшие лавки, которые содержат домохозяйки, совмещая торговлю со своими обычными хлопотами. Одну комиссионную лавку открыла преподавательница школы *икэбаны*, чтобы распродавать подарки, которые ей подносят ученики. Непроданные вещи возвращаются, за проданные берут комиссионный сбор — одну треть цены. В 1985 году в Токио возникла даже целая сеть комиссионных лавок, которая выдает за сданные вещи не деньги, а чеки, по которым можно купить в магазинах этой сети какой-нибудь другой нужный предмет.

Не означает ли все это, что японцы начали в последнее время несколько по-иному относиться к потреблению и к природным ресурсам? Или же любовь к обновлению на самом деле продолжает удивительным образом сочетаться в их сердцах с любовью к старым, уже использовавшимся когда-то вещам? Во всяком случае, в токийском районе Сэтагая вот уже четыре века существует традиционная ярмарка старьевщиков. Когда-то она называлась «тряпичной», поскольку главным товаром здесь было старье для заплат и для обшивки соломенных сандалий. Сегодня, когда надобность в ветхих тряпках отпала, в Сэтагае продают любые вещи — от кастрюль до радиоприемников. Популярность ярмарки старьевщиков огромна: за два дня ее посещает около двухсот тысяч человек.

Несколько лет тому назад в различных токийских храмах стали регулярно устраивать и антикварные базары, на которых можно купить старинную посуду, деревянные и каменные скульптуры, музыкальные инструменты, свитки и гравюры. Говорят, что покупатели-иностранцы обычно отдают предпочтение крупным вещам — деревянным сундукам, фарфоровым жаровням, большим вазам. А японцы коллекционируют миниатюрные предметы: монеты, чашечки для саке, пластины-украшения, которые вставлялись между лезвием и рукояткой самурайского меча. Время от времени завсегдатаи находят среди множества обычных поделок подлинные шедевры, созданные великими мастерами и художниками прошлого. Поэтому базары не обходят стороной агенты антикварных фирм, стремящиеся с утра пораньше закупить для своих магазинов все самое интересное и ценное. Но большинство покупателей, как мне кажется, приходит и в Сэтагаю, и на антикварные базары просто для того, чтобы посмотреть на старые и старинные вещи, потрогать разложенную на циновках утварь и одежду и,

может быть, купить что-нибудь особенно приглянувшееся. А поскольку уж ярмарки старьевщиков воспринимаются посетителями прежде всего как своеобразное традиционное развлечение, они заняли свое место и среди других мероприятий в аллее около парка Ёёги.

Сначала редко и как-то робко, затем вполне регулярно, каждый месяц здесь стали устраивать барахолку, названную по-английски «*flea market*» («блошиный базар»). На базар съезжаются торговцы старьем со всей округи и раскладывают на циновках или вывешивают на металлических стойках самые разные товары: ношеную одежду и обувь, разрозненную посуду в японском и европейском стиле, монеты из разных стран мира (больше всего японских и старых китайских с отверстиями для нанизывания на веревку), курительные трубки, книги, пластинки, недорогие украшения, скупленную по дешевке военную форму с американских баз. Покупатели без стеснения рассматривают и перебирают хлам, торгуются — хотя обычно в Токио торговаться не принято. Кто-то соблазнился игрушками или детской одеждой, юная модница нашла старую шляпу, чтобы сделать еще более экстравагантным свой и без того оригинальный наряд, кто-то заинтересовался старым журналом. Но вот отшумит «блошиный базар», наступит тихое пустынное утро понедельника. Старики уборщики увезут горы мусора, оставленные, несмотря на призывы, отдыхающей публикой, и парк Ёёги вернется к своему обычному тихому ритму.

Не меньше, чем любовь к вещам кратковременного пользования, прославилось во всем мире и японское пристрастие к миниатюре. Считается, что оно нашло свое отражение даже в небольших размерах традиционных помещений, а комната для чайной церемонии — это символ малого, вобравшего в себя всю сложность и бесконечность окружающего мира. Большие помещения, по-видимому, тяготят японцев: известны случаи, когда человек, которому нужно обдумать что-то очень важное, устремлялся в небольшую каморку — пусть это будет просто современная ванная — и там принимал нужное решение. Пожалуй, только в Японии и могли родиться на свет «капсульные» отели, в которых комнаты по площади равны *татами*, по высоте — половине нашего купе в поезде, но зато снабжены всем необходимым: телевизором, радио, будильником и телефоном, связанным с дежурным. И что удивительно: люди забираются в капсульные кабины не только для того, чтобы ночевать, но и для того, чтобы готовиться к экзаменам,

читать, даже, говорят, учиться игре на гитаре, хотя не совсем ясно, как они при этом не мешают своим соседям.

Величие никогда не ассоциировалось в Японии с красотой, и, напротив, все маленькое и слабое считалось здесь привлекательным. «Всякая и каждая маленькая вещь прекрасна», — писала средневековая писательница Сэй-Сёнагон в своих «Записках у изголовья». Знаменитые формы японского миниатюрного искусства живут и в наши дни: сады, воссоздающие в уменьшенном виде природные ландшафты; карликовые деревья *бонсай*; стихотворения *танка* и *хайку*, всего тридцать одним или семнадцатью (*хайку*) слогами создающие ощущение бесконечности времени и пространства.

Продолжает свое необычное, но вполне полноценное существование вместе с чайной церемонией и еще один вид традиционной миниатюры, прекрасной, но тоже недолговечной, — сласти *вагаси*, которые делают в виде цветов, листьев деревьев, сосновых веточек, плодов и птиц. Впервые рецепты приготовления сладостей из вареной красной фасоли, клейкого риса и желе, особенно уместного летом, были завезены в Японию из Китая еще в VIII веке. Позднее японские кондитеры создали новые, свои собственные рецепты, научились лепить сласти в виде скульптур и окрашивать их натуральными веществами в нежнейшие цвета, постепенно переходящие один в другой. К тому времени, когда к XV веку были выработаны правила и сложились эстетические принципы чайной церемонии в ее современном виде, в Киото возникла и особая школа кондитеров, создававших сласти, которые символизировали различные времена года. Разложенные на особых лаковых подносах, эти сласти в киотоском стиле — *киогаси* предназначались не только для того, чтобы оттенять своим пресно-сладким вкусом терпкость зеленого чая, но также и для любования — как композиция из цветов, свисток и чайная утварь. Сохраняется школа кондитеров, изготавливающих *киогаси*, и в наши дни: в древнем Киото, славящемся своими традициями и школами чайной церемонии, которые собирают учеников не только со всей Японии, но и из разных концов света, потребность в этих прекрасных съедобных миниатюрах не уменьшается. Дважды в год ассоциация, объединяющая двадцать семь киотских лавок, устраивает особый конкурс *киогаси*, где они оцениваются исключительно с эстетической точки зрения. Сладости в киотоском стиле можно купить и в Токио, но в нынешней столице выработались свои стили и свои рецепты традиционных *вагаси*, предназначенные скорее для полуденного чаепития, нежели для чайного ритуала.

А вот миниатюрные фигурки *нэцкэ*, в свое время поразившие своей необычайной красотой европейцев, в наши дни остались только как музейное напоминание о прошлом, да и то в основном в западных коллекциях. Многие молодые японцы, оказывается, никогда не видели *нэцкэ* и даже не знают самого этого слова. Когда-то эти фигурки были очень нужной деталью одежды: в кимоно нет карманов, поэтому кошельки, табакерки и маленькие лаковые коробочки с мелкими вещичками подвешивали на шнурах к поясу *оби*, а *нэцкэ* привязывались к этому же шнуру в качестве уравнивающего грузика. Первые такие грузики были когда-то кусочками корней (*нэ* и значит «корень»), камешками, раковинами, но позднее *нэцкэ* стали делать в виде фигурок. Как и многие другие произведения японского искусства, сначала эти фигурки делались в китайском стиле и назывались *карамоно* — танскими, иначе говоря, китайскими вещами (китайская культура эпохи Тан оказала на Японию огромное влияние). В эпоху Эдо — с расцветом городской простонародной культуры — мастера-резчики, изготовлявшие *нэцкэ*, выработали новый, собственно японский стиль, изображая популярных у горожан персонажей — борцов сумо, актеров *кабуки*, гейш, буддийского проповедника Даруму, любимых в народе богов — Дайкоку, Эбису, Хотэя. На выразительных лицах героев *нэцкэ* видна каждая черточка, каждая морщинка и волосок в бровях. С таким же вниманием воспроизведены мельчайшие детали одежды — узор на кимоно, гравировка на рукоятке меча, надписи и узоры на облачении борцов сумо, головные украшения. Фигурки, изображающие животных, часто наделены человеческими чертами. Постепенно подлинно художественные *нэцкэ* превратились в престижную принадлежность одежды: богатые горожане часто делали их на заказ, имели целыми десятками и носили разные в зависимости от случая или настроения. Однако уже в конце XIX века с появлением западных курительных трубок и европейской одежды, которую надевали поверх кимоно или вместо него, надобность в *нэцкэ* отпала. Мало кто думал тогда о собирании ставших ненужными вещей — тем более что они считались простонародным, низким искусством, — и даже те *нэцкэ* которые сохранились в семьях до послевоенного времени, были проданы ради хлеба насущного и вывезены американцами.

В наши дни, как и многие другие традиционные ремесла, производство *нэцкэ* возродилось, но только для нужд коллекционеров. В Токио *нэцкэ* можно купить в магазинах для иностранцев, например в «Восточном базаре»,

где продаются те вещи, которые иностранцы считают истинно японскими: кимоно, в том числе синтетические; искусственно выращенный жемчуг; сделанную на вывоз посуду в слишком роскошном, вычурном, по японским понятиям, стиле; современные копии гравюр *укиё-э*, которые — как и *нэцкэ* — считались когда-то искусством купцов, занимавших очень низкое место в официальной общественной иерархии. «Если вы хотите купить подлинно японские вещи, которыми пользуемся мы сами, не ходите в "Восточный базар"», — советовали знакомые. Да и современные *нэцкэ*, хотя и сделаны со всей тщательностью и мастерством прошлого (они вырезаются из цельного куска дерева, кости, камня и иногда требуют одного-двух месяцев работы), по мнению истинных знатоков, не обладают важнейшим свойством подлинников — на них нет особо ценимого в Японии налета старины, который создается только после длительного любовного употребления.

Другой малоизвестный пример городского искусства миниатюры, ставшей в наши дни коллекционной редкостью, — это особые крохотные игрушки в стиле Эдо. Они появились, когда власти запретили зажиточным городским простым людям показывать свое богатство и в том числе выставлять в подражание знатым семьям роскошных кукол ко дню девочек третьего марта и дню мальчиков пятого мая. Вместе с наборами миниатюрных, но искусно сделанных кукол к детским праздникам в то время начали делать и другие крошечные игрушки. В наши дни маленькие игрушки эдоского стиля можно увидеть в старой лавке неподалеку от храма Асакуса, в которой продается около трех тысяч изделий, в точности копирующих образцы старого времени: сделанные из папье-маше крошечные животные — символы годов двенадцатилетнего цикла; глиняные колокольчики — тоже в виде звсрьков; миниатюрные воздушные змеи и ракетки для новогоднего бадминтона *хагоита*, куклы в костюмах эдоских горожан — пожарных, гейш, актеров *кабуки*. В наши дни любая семья — лишь бы позволяли средства — может постепенно собрать своим детям наборы кукол обычного большого размера — принца, принцессу и придворных дам для девочек, воинов для мальчиков, — которых к началу марта и мая игрушечные магазины выставляют на покрытых красной материей ступенчатых подставках. А в старинную лавку около храма Асакуса заглядывают либо туристы, довольствующиеся фигурками за тысячу иен, либо уж знатоки-коллек-

ционеры, которые готовы выложить за миниатюрный набор ко дню девочек в сто раз большую сумму.

Но вернемся к современности. «Маленький, легкий, компактный», — любимые слова японской рекламы в наши дни. Считается, что особых успехов в создании современной компьютерной техники японцы добились благодаря своей необыкновенной любви к маленьким вещам, в деталях воспроизводящим вещи большие. Японский автомобиль не просто маленький: он снабжен всем, что требуется владельцу современной машины, иногда вплоть до телефона и телевизора. Американские «броненосцы на колесах» пользуются в Японии успехом главным образом у гангстеров, стремящихся как бы бросить вызов обществу. Другие состоятельные люди все чаще покупают западногерманские «мерседесы» и «БМВ», но предпочитают их самые миниатюрные модели. Весь мир знает о таких японских диковинках, как телевизоры, вделанные в наручные часы, или часы — счетные машинки и часы-компьютеры, куда на ходу можно заложить нужные данные: названия, имена, телефоны.

Но современная японская миниатюра живет не только в технике. На смену старым, исчезнувшим в обычной жизни миниатюрным произведениям прикладного искусства приходят их новые разновидности. Одна из них — это входные билеты, которые покупаются в музеях, храмах, на выставках, в парках. Служитель отрывает при входе контрольный талон по перфорированной линии, и у вас в руках остается сувенир. Вот, к примеру, билет в зоопарк на полуострове Идзу — этот зоопарк называют еще и кактусовым садом, поскольку среди больших вольеров, в которых содержатся животные, посажено много экзотических неазиатских растений, в том числе и кактусов. На одной стороне билета фотография: мартышки сидят на деревянной вывеске парка. На другой — маленькая, но необыкновенно подробная и ясная карта-панорама с обозначением всех достопримечательностей, мест отдыха, закусочных и бесплатной стоянки для машин и автобусов. Дорожки, пруды, теплицы, даже стилизованные фигурки зверей — все уместилось на небольшом билете, как будто отдаленно продолжающем традиции знаменитых панорам киотской жизни: на этих панорамах можно было разглядеть выражение лиц прогуливающихся горожан, путешественников, торговцев. На билете в знаменитую токийскую галерею *укиё-э* напечатан план, по которому можно отыскать музей, его адрес и телефон, время работы, и репродукция гравюры Хокусая. Даже билет платной горной автодороги в Хаконэ, неподалеку от Токио, в отличие от обычных дорож-

ных талончиков художественно оформлен. На одной стороне он воспроизводит сценку эпохи Эдо — путники на лошадях пробираются по горам в сопровождении проводников, вдали возвышается гора Фудзияма; на другой стороне — опять-таки панорамное изображение восстановленной заставы и окружающей ее местности, рядом — история этого важного пункта на пути из Эдо в Киото. Сами по себе билеты могут служить как бы дневником путешествий по достопримечательным местам Японии, а к билетам еще хорошо добавить отпечатки храмовых печатей и современных памятных штампов, о которых рассказывалось выше. При желании можно собрать в путешествиях еще одну коллекцию своеобразных современных миниатюр: гостиницы и рестораны любят заказывать и вручать на память своим клиентам маленькие фирменные коробки спичек, тоже с адресами, телефонами, картами. На одних коробках — обычные рекламные фотографии — вид отеля, европейская красавица. На других вдруг появляется японская старина: прекрасные образцы каллиграфии, семейные гербы, рисунки в духе традиционных гравюр — к примеру, рисунок, показывающий, как делали в старину лапшу. Очевидно, миниатюрные подставки *хасиоки*, с рассказа о которых началась эта глава, появились в таком необыкновенном многообразии тоже недавно.

Те *хасиоки*, которые делаются не в виде фигурок, часто отличаются необычной формой. Подставка с нарисованными на ней пейзажем или бабочкой, к примеру, может иметь контуры тыквы-горлянки. Мальчик с крабом изображен в нашей коллекции на подставке в форме веера. Часто *хасиоки* к тому же помещаются на три маленькие фарфоровые ножки или на две поперечные опоры — как на деревянных сандалиях *гэта*.

Для скульптурных подставок одна из основных тем — это рыбы, морские животные, овощи, словом, те предметы, которые имеют отношение к японской кухне. Немало таких подставок скопилось и в нашей коллекции. Во время народного праздника около парка Ёёги мы купили стилизованных рыб-камбал: на тонкой красной глине остались отпечатки пальцев мастера, зелено-коричневые и яично-белые пятна узора создают цветовые контрасты — краски как будто заимствованы у масок с острова Садо, на котором сделаны эти *хасиоки*. С камбалами соседствуют голубые креветка, краб и кальмар, приобретенные в Ниигате. А вот подставки из прославленного фарфорового центра Арита: рыбы словно сошли с гравюр старинного трактата — видна каждая чешуйка, вылеплен каждый плавник. Рядом на столе,

кажется, выплеснулось все разнообразие товаров из зеленой лавки: ломтик арбуза, экзотические для нас ростки бамбука и корень лотоса, до сих пор непривычная для японцев свекла, красный перец и тыква, стручки фасоли и баклажаны — ярколиловый из Ариты и тускло-коричневый, нарочито грубый из Хонго. Изредка встречаются *хасиоки* в виде листьев и цветов, а вот в виде плодов, столь характерных для сладостей *киогаси*, подставки нам не попадались.

Особое место в нашей коллекции занимают подставки, изображающие предметы традиционного быта, маленький этнографический музей на посудной полке. Здесь собраны веер, деревянные сандалии *гета*, головная повязка в горошек, как бы обернувшаяся вокруг головы, сложенные полоской записки — и сейчас множество таких записок с пожеланиями можно увидеть привязанными к веткам деревьев около храма. Есть в нашей «этнографической» коллекции и фарфоровые изображения бумажного надувного шарика (он состоит как бы из нескольких разноцветных долек), бумажных журавликов, ракетки и воланов для новогоднего бадминтона, самурайского меча, даже лодки и старинных европейских часов. Отдельную «экспозицию» можно было бы сделать из традиционных музыкальных инструментов. Иногда встречаются также и подставки в виде животных, птиц и насекомых, особенно любимых в японском изобразительном искусстве: обезьян, черепах, бабочек, есть даже подставка-стрекоза и подставка-уточка. Особый стиль, характерный для острова Окинава, представлен в нашей коллекции похожими на собак китайскими львами, известными по знаменитому на Дальнем Востоке танцу львов. Подставки, изображающие циклических животных, по традиции делают в виде народных игрушек из папье-маше. Отправившись как-то в Киото в год тигра, мы купили такую яркую черно-желтую подставку-символ неподалеку от храма Киомидзу, в районе которого делают знаменитый фарфор.

Европейское влияние иногда чувствуется, пожалуй, в стиле детских подставок, изображающих птичек, собачек либо каких-нибудь зверьков, которые время от времени вдруг входят в моду в Японии, проникают в рекламу и телевизионные передачи о животных и вызывают особый восторг у сентиментальных девушек и девочек. В качестве такого модного «хорошенького» зверька на наших глазах сменили друг друга китайская панда, австралийская коала, калан и африканский ушастый еж. За ежом, по-видимому, уже сейчас появился другой фаворит, начисто вытеснивший

предыдущих. Надо сказать, что отнюдь не лучший из европейских стилей характерен не только для *хасиоки*, но и для многих других детских товаров. Слащавые картинки можно увидеть на сумочках, на девичьей одежде, на поздравительных открытках, особенно рождественских и по случаю дня рождения (обычай посылать открытки ко дню рождения, очевидно, западный). Этот же стиль проник в предназначенные девочкам журналы и в мультфильмы, повествующие о жизни французского двора в былые времена, о приключениях принцесс, юных балерин и певиц. Но, к счастью, подставок европейского стиля делается не так уж много, и в целом они продолжают в современной Японии прекрасную традицию старинной бытовой миниатюры.

ЕДА ПЛАСТИКОВАЯ, БЫСТРАЯ И ЗДОРОВАЯ

В мягко освещенных витринах бесчисленных токийских ресторанов и столовых, исключая разве что самые роскошные заведения, выставлены удивительные копии предлагаемых блюд, сделанные из пластика. В настоящей посуде, они настолько искусно воспроизводят оригиналы, что иногда не сразу понимаешь, что перед тобой пластмасса. Рядом с каждым блюдом название и цена, поэтому, не заходя внутрь, можно выбрать то, что по карману и привлекает взор: ведь для японцев очень важна внешняя, эстетическая сторона восприятия пищи.

Первые пищевые муляжи появились в японских ресторанах чуть ли не сто лет тому назад, еще в эпоху Мэйдзи, когда стали делать из воска копии непривычных европейских блюд. В наше время «фальшивая еда» стала такой же неотъемлемой и повсеместной принадлежностью Японии, как попадающиеся на каждом шагу автоматы, торгующие баночками с прохладительными напитками. И все же изготовление пищевых образцов не такое уж простое дело, как может показаться с первого взгляда на бесконечные токийские витрины: секретам мастерства художники обучаются годами, специализируясь на какой-то одной кухне и постепенно переходя от простейших операций вроде нарезания «корней лотоса» к более сложным, таким, как изготовление «листьев зеленого салата» или раскрашивание «плавников рыбы». Неудивительно поэтому, что в Европе, и особенно в Америке, японские пищевые «модели» были даже недавно объявлены предметами особого «суперреалистического» искусства. Там образцы «фальшивой еды» попали не только в витрины некоторых ресторанов и сувенирных лавок, но и в художественные галереи — на выставки японского дизайна, где можно было увидеть пластиковые овощные салаты и пиццу, бифштексы, кипящие виниловыми «пузырьками масла», синтетическую гречневую лапшу в супе.

Сами же японцы по-прежнему считают пищевые муляжи всего лишь «наглядным меню», дающим возможность заранее познакомиться с тем блюдом, которое собираешься съесть.

В дорогих заведениях, которые в основном посещают представители фирм, угощающие своих партнеров на казенный счет, кажется, можно отведать любую еду из любой страны мира — вплоть до борща в ресторанах «Волга» или «Рогозский». Но даже обычные ресторанчики и столовые, доступные всем, поражают в Токио своим разнообразием. Часто это всего лишь небольшие семейные заведения, которые предлагают ограниченное число блюд, зато одни специализируются на японской, другие на китайской, европейской или какой-нибудь совсем уж экзотической кухне, хотя и явно приспособленной к японскому вкусу. В районах развлечений, на торговых улицах, в подземных переходах около станций метро и городской железной дороги, на верхних этажах универмагов вперемежку лепятся друг к другу закусочные с традиционными красными фонариками, столовые, небольшие кафе, пиццерии. Кажется, что на расставленных в витринах муляжах, как на музейных экспонатах, можно изучать не только японскую кухню, но и историю контактов японцев с другими народами.

Вот скромный *ресторан* на пристанционной улице. С виду настоящая вилка зацепила на витрине пластиковых спагетти, да так и повисла в воздухе, а копии французских пирожных, сделанных на японский лад, соседствуют с рисом под соусом *сиггу* — это блюдо стало едва ли не самым распространенным в японских столовых. Около ресторана — кондитерская, где подают удивительные для европейцев японские десерты: присыпанные сладкой бобовой пудрой рисовые лепешки *моти*; те же лепешки, но только запеченные и политые соевым соусом, каждый кусочек завернут в сушеные водоросли; кубики из водорослевого желатина со сладкой красной фасолью, сверху добавлено немного фруктов или европейского мороженого.

В витрине по соседству выставлены пластиковые копии характерных блюд японской кухни: ломтики сырой рыбы, украшенные листом крапивы и одуванчиком, — *сасими*; рис с сушеными водорослями, залитый зеленым чаем, — *о-тядзукэ*, любимая еда, о которой так мечтают японцы, находясь вдали от родины. Рядом — наборы для полного завтрака: на лаковых подносах выставлен обязательный рис в пиале; суп в лаковой мисочке с откинутой крышкой — его все время понемножку отпивают во время еды; соленая

рыбка на плоском фарфоровом прямоугольнике; немного соленых овощей — их готовят так же, как наши соленые огурцы или грибы, и едят в последнюю очередь, чтобы не испортить вкуса других блюд.

Еду, приготовленную в котелке, — *набэмоно* можно отведать в следующем ресторане, отделанном в традиционно японском стиле. В витрине — имитации сырых продуктов, художественно разложенных на больших блюдах. Желаящие попить «почтенные господа гости» (так японцы называют посетителей ресторанов и покупателей в магазинах) сами варят здесь в особом керамическом котелке, кипящем прямо на низком столике, моллюсков и ломтики рыбы, грибы и соевый творог, крахмальную лапшу и листья съедобной хризантемы, лук-порей и китайскую капусту. Такие же наборы продуктов, но только с ломтиками курицы и баранины, продают для приготовления *мидзутаки* и *сябу-сябу*.

Эти кушанья кочевников попали в Японию из Китая совсем недавно вместе с особым котлом для *сябу-сябу*, напоминающим самовар. Иностранцам лучше всего известно еще одно праздничное «настольное» блюдо — *сукияки*. Оно жарится в сладком соевом соусе и включает говядину, которую веками не ели в Японии под влиянием буддизма и стали более или менее широко употреблять в пищу только с конца прошлого века. Готовят *набэмоно* и со знаменитой шарообразной рыбой *фугу*, деликатесной, но грозящей смертельным отравлением, если повар не сумеет удалить все ядовитые части. Ни один гурман, лакомящийся *фугу*, и в наши дни не застрахован от гибели, поэтому блюда из этой рыбы никогда не подаются на стол японского императора.

Но как бы ни были своеобразны *сасими*, *о-тядзукэ* или *сукияки*, самый характерный японский деликатес — это, пожалуй, *суси*, рисовые «бутербродики». В районе Токио основа для *суси* — продолговатые комочки из приправленного уксусом и сахаром вареного риса — лепятся мастером-поваром вручную. От трех до пяти лет обучения требуется для того, чтобы все триста—триста пятьдесят рисовых зерен в каждом комочке, зажатом в ладони, как по команде укладывались вертикально по его длине. В Осака — «гастрономической столице Японии» — рис помещают в форму, а затем нарезают на куски. Верх рисовой основы мажут тертым японским хреном, а потом укладывают на нее ломтик рыбы или моллюска. Самые дорогие наборы — их часто подают на деревянных подносах-дошечках — включают свежайшие сырые продукты, доставленные в тот же

день с рыбного рынка: морской гребешок, оранжевую икру морского ежа, ломтики морского окуня и тунца, а также красную икру и вареные креветки. Более доступная разновидность содержит помимо тунца и креветок еще ломтик угря под сладким соевым соусом, маринованную рыбу вроде сардины, кусочек сырого кальмара и ломтик вареного осьминога, сладкий омлет, привязанный к рису ленточкой сушеных водорослей. Другой очень распространенный сорт *суси* представляет собой нарезанные на ломтики рулеты из того же риса, обернутого листьями сушеных водорослей. Начинкой в таких рулетах служат сладкие водоросли и соленая редька, омлет и свежие огурцы. Рулет с огурцами называется *каппа-маки*, поскольку, по преданию, сказочные водяные *каппа* любят огурцы и воруют их на полях по берегам рек. Помимо рулетов есть еще одна дешевая разновидность *суси*, которую очень любят дети, — сладковатые «лисьи» *суси*, представляющие собой рис в мешочке из тонкого слоя жареного соевого творога. В традиционных ресторанах можно не только заказать стандартные наборы, выставленные на витрине, но также, сидя за высоким прилавком и наблюдая за работой повара, выбрать любую рыбу из разложенных здесь же под стеклом в холодильнике. Такой заказ на выбор стоит дороже всего.

И уж конечно, ни один ресторан, готовящий *суси*, не обходится без зеленого чая, который пьют здесь из керамических стаканов *юноми* особого большого размера. Чаше всего *юноми* бывают покрыты изображениями рыб или иероглифами, обозначающими самых разных съедобных морских тварей. Попадают также иероглифы со значениями сортов зеленого чая, целые жанровые сценки: повар, изготавливающий *суси*; вход в ресторан и публика в старинной одежде; рыбный рынок. Часто на стаканах можно увидеть приносящих удачу енотовидную собаку *тануки* и Даруму. Встречаются и совсем уж необычные темы: правила поведения для примерных жен и мужей, портреты японских премьер-министров от первого до последнего в хронологическом порядке, советы, как разбогатеть. Многие столичные рестораны заказывают свои собственные фирменные стаканы в лавках токийского района Каппабаси, где можно купить или сделать на заказ все, что требуется для оборудования любых ресторанов, столовых или их кухонь, в том числе и пластиковые модели блюд. На фирменном стакане обычно запечатлено исполненное каллиграфом название, адрес и телефон ресторана. Точно такой же графический вариант названия повторяется на бумажной обертке палочек одно-

разового пользования, на автомашине, если она есть у владельца, на влажных махровых салфетках для вытирания лица и рук, которые подаются горячими зимой и прохладными летом. Вместе с семейным гербом этот вариант используется в рекламе и воспроизводится на разрезной занавеске *норэн*, которая вывешивается над дверью ресторанов и столовых японского стиля в знак того, что они открыты. Большие корпорации — не только рестораны, — используя наиболее характерные иероглифы из своего названия, иногда изобретают также новые фирменные знаки-гербы, напоминающие традиционные семейные: например, иероглиф *нан* — «юг», заключенный в кружок, является гербом фирмы «Марунан» (*мару*, часто встречающийся в названиях фирм иероглиф, к тому же значит «круг»).

Помимо ресторанов традиционного типа сейчас появились и сети модернизированных закусочных, где блюдечки с порцией *суси* — по две штуки на каждом — движутся по своеобразному замкнутому конвейеру вдоль прилавка, в центре которого работают несколько поваров. В конвейерных закусочных не бывает особо изысканных морских продуктов, нет здесь и того духа старины и дружеского общения с хозяином, который царит в традиционных заведениях. Посетители просто снимают с конвейера блюдечки — сколько хотят и какие хотят, а потом расплачиваются в кассе по их числу. Цена у всех порций одинаковая. Иногда на конвейере плывут два сорта блюдечек: содержимое цветных — более дорогое, простых — подешевле. Зеленый чай наливают бесплатно из кранов, смонтированных по кругу в прилавок. В конвейерных закусочных можно поесть и в обеденное время.

Перерыв на обед наступает по всей Японии в полдень, который можно легко определить и без часов — по толпам служащих, устремляющихся в близлежащие небольшие столовые; по мотоциклистам и велосипедистам, которые развозят заказы, сделанные по телефону, прямо к рабочим местам, — подвесив многоэтажные подносы в несколько этажей к крюку над багажником или удивительно ловко поддерживая стопку одной рукой.

У людей одиноких — неженатых служащих, учащихся, живущих вдали от родителей, — в обеденное время пользуются успехом простые блюда из риса, которые можно съесть в отделанных пластиком «смешанных» столовых *сёкудо*: рис, завернутый в европейский омлет с кетчупом, рис с соусом *сургу* — *каппи райсу*, жареный рис по-китайски или блюда с рисом по-японски в больших пналах *домбури*.

Недорогую разновидность риса *домбури*, украшенную сверху яичницей с сушеными водорослями, мне довелось попробовать вскоре после приезда в Японию в столовой одного из самых знаменитых столичных университетов — Токийского, куда меня пригласили знакомые аспиранты-китайцы. В этой большой столовой есть и западные, и японские блюда; здесь можно сидеть за европейским столом, а можно, сняв обувь, расположиться на соломенных матах *татами* в отгороженном приподнятом углу зала. Обедающие громко разговаривают, слышится непринужденная речь с глаголами, не оформленными показателями вежливости, и выражением «*Со ка?*» («Вот как?») вместо вежливого «*Со дэсу ка?*». Девушки употребляют слова, хотя и не грубые, но традиционно характерные для мужской речи, а юноши принятое у молодых мужчин местоимение *боку* («я») иногда не только заменяют нейтральным *ватаси*, но даже по-женски жеманно произносят *атаси*. Как и большинство наших соседей, мы съели комплексный обед, который, помимо основного рисового блюда, включал также суп с кусочками соевого творога и водорослей, заправленный перебродившей соевой пастой *мисо*, немного соленых овощей и даже крошечное блюдо с *тэмпура* — зажаренными в тесте небольшим куском рыбы, ломтиками баклажана и листом крапивы. Говорят, что зажаривать разнообразные морские продукты и овощи в тесте японцы научились у первых европейцев в Японии — португальцев, да и само слово *тэмпура* португальского происхождения.

Немного позднее в маленьком семейном заведении, устланном *татами*, мы ели более дорогую разновидность риса *домбури* — с уложенными сверху кусочками свиной котлеты, которую, по словам знакомого лингвиста, нужно было обязательно попробовать как очень характерное токийское блюдо. Между тем эта котлета, ставшая столь привычной для японцев, заимствована ими у европейцев совсем недавно — правда, в несколько японизированном виде, а слово, которым ее называют в Японии, — *тонкацу*, соединило в себе две части иностранного происхождения. *Тон* — это давнее заимствование из китайского — «поросенок»; *кацу* — сокращенное европейское слово *котлета*, для которого, впрочем, изобретен специальный, хотя и не часто употребляемый иероглиф.

Несколько по-иному питаются в обеденный перерыв люди семейные. Самая плотная за день еда с рисом и супом ждет их вечером дома, поэтому на работе женатые служащие предпочитают просто перекусить. Лучшим, легко усвояемым

обеденным блюдом у старшего поколения считается лапша: гречневая японская *соба*, получившая распространение во время давней засухи; пшеничная *удон*, занесенная когда-то из Китая в виде клецек и затем преобразованная в толстые белые «макароны»; собственно китайская — яичная *мэн*.

На продаже *собы* и *удона* специализируются повсеместно встречающиеся небольшие столовые — иногда это просто прилавки, за которыми едят стоя, — где многие блюда по выбору клиента могут быть приготовлены либо с той, либо с другой разновидностью лапши. В зимнее время японскую лапшу готовят обычно в горячем рыбном отваре с соевым соусом. Бульон наливают в большие глубокие пиалы, а сверху как можно красивей укладывают добавки в различных сочетаниях — например, два-три кусочка изделий из рыбной пасты (на нее обычно идут те сорта рыбы, которые несъедобны в ином виде), ломтик ростка бамбука, гриб, одну-две воздушные пшенично-белковые гренки, заимствованные из Китая вместе с буддийской вегетарианской кухней, а также шпинат и трилистник, употребляемые не только ради вкуса, но и для красоты. Используют в качестве добавок также соевый творог, рисовые *моти*, реже — кусочки курицы или свинины. Самая простая добавка к лапше — лук-порей, самая богатая — креветки в тесте. Так называемая *тороро соба* покрыта слоем пасты из горного ямса, а *соба* «любования луной» украшена поверх сушеных водорослей разбитым яйцом, напоминающим полную луну среди белых облаков. В летнее время лапшу предпочитают есть холодной — на бамбуковых решетках, вставленных в лаковые (или теперь все чаще пластмассовые) коробки без дна. Отдельно подаются соевый соус, лук-порей, зеленый японский хрен. Приправы смешивают в маленьком керамическом блюде и макают туда лапшу.

С заведениями, торгующими *удоном* и *собой*, обычно соседствует еще один чрезвычайно распространенный тип столовых, предлагающих блюда так называемой китайской кухни. Лапшу *рамэн* (от китайского *ла* — «тянуть» и *мян* — «лапша», поскольку вручную китайская лапша делается путем многократного вытягивания и складывания теста) в китайских ресторанах готовят не в рыбном, а в свином или курином отваре, в качестве добавок к мучным и рисовым блюдам используют маленькие кусочки свинины, курицы, китайской ветчины или креветок. Помимо лука-порея, грибов, ростков бамбука и стручков фасоли употребляют также морковь и китайскую капусту. Заправляют еду не

только соевым соусом, но также уксусом с кунжутным маслом. Обычные здесь блюда — пельмени с овощной начинкой — *гэдза* (от китайского *цзяоцза*), паровые пампушки *манто* (от китайского *маньтоу*), жареные блинчики «весенние рулеты». Обычный интерьер — яркие китайские термосы и железные банки с китайским чаем, знаменитый вид — например, озеро Сиху — в рамке над дверью; дешёвая фаянсовая посуда с драконами, красными стилизованными иероглифами «двойная радость» и «долголетие»; фаянсовые ложки к супу и лапше — кажется, что вы действительно попали в Китай. Но знакомые китайцы только улыбались, когда мы спрашивали их мнение о массовой «китайской» кухне в Японии. Похоже, но все-таки не по-китайски.

Конец обеда в наши дни обычно отмечается неторопливым питьем кофе, широко распространившегося в Японии после войны. Сейчас японцы пьют этот западный напиток почти в таких же количествах, как традиционный чай, а сотни кафе, встречающихся на каждом углу, стали любимым местом встреч и отдыха. Заказав одну-единственную чашку кофе, можно сколько угодно сидеть за уютными столиками, слушать тихую музыку, беседовать со знакомыми и даже вздремнуть, спасаясь в кондиционированном воздухе от зимнего холода или летней жары.

Сохраняются в современной Японии и традиционные «портативные» обеды, уложенные в перегородчатые коробки, — *о-бэнто*. Их едят строительные рабочие в своих обычных фирменных комбинезонах и традиционной обуви-чулке с отделенным большим пальцем; садовники, формирующие где-нибудь в парке кроны сосен, привязывая к ним легкие бамбуковые рамы; ремонтники, пристроившиеся на обочине дороги, — словом, все те, кто не может или не хочет отправляться в столовую, когда наступает час обеда. Самая простая разновидность *о-бэнто*, которую можно купить готовой, обычно включает вареный рис, соленые овощи, изделия из рыбной пасты — особенно сосиски с красной шкуркой, отличающей их от мясных, иногда немного рыбы или курицы. К каждой пластиковой коробке, разделенной на ячейки для разных продуктов, прилагаются деревянные палочки одноразового пользования и соевый соус в пластиковом пузырьке-тюбике. Входят в *о-бэнто* и недорогие *суси*, которые отделяются друг от друга по сортам декоративно вырезанными бамбуковыми листьями — в наши дни тоже, конечно, пластиковыми. В первой половине дня дешевые *о-бэнто* продаются повсюду — в небольших бакалейных лавках или в магазинах самообслужи-

вания, образующих вместе с другими точно такими же магазинами одной и той же фирмы целые торговые сети — «цепи». Возникнув как подражание американским (или просто «переселившимся» из Америки), «цепи» предлагают повсюду примерно один и тот же стандартный набор товаров, необходимых в повседневной жизни. Поэтому покупатель, где бы он ни увидел знакомую фирменную вывеску, всегда знает, что примерно ждет его на полках внутри магазина, относящегося к той или иной «цепи». Рядом с *о-бэнто* в кулинарных уголках «цепных» магазинов обычно выставлены также *о-нигири* — завернутые в сушеные водоросли треугольные или округлые колобки слегка маринованного риса с небольшими добавками — кусочком лосося, икрой каракатицы, соленой сливой *умэбоси*, один вид которой возбуждает у японцев аппетит. Недаром в годы войны *умэбоси*, уложенная на рис, служила единственным украшением распространенного тогда *о-бэнто* под названием «солнечный круг» — так японцы именуют свой флаг, который, как известно, представляет собой красное солнце на белом фоне. Солят *умэбоси* пока они еще зеленые и крепкие, а яркий цвет и необыкновенный вкус придают им добавленные в засол листья красной крапивы.

Несмотря на доступность готовых *о-бэнто*, некоторые японцы все еще предпочитают брать их с собой из дома — в металлических или пластиковых коробках с футлярами. По традиции, домашним *о-бэнто* снабжает своего мужа любящая новобрачная. Едят домашние *о-бэнто* также и многие школьники, причем кое-где в школах даже устраиваются своеобразные соревнования между мамами — чей обед художественнее разложен. Особенно хороши изысканные «театральные *о-бэнто*» в лаковой коробке, которые первоначально ели в перерыве между действиями театра *кабуки*. Но любой, даже самый простой завтрак, пожалуй, раскрывает эстетические представления японцев в не меньшей степени, чем композиции *икэбана* или пейзажи в миниатюре садов стиля *цукияма*, и недаром новый наследный японский принц Нарухито, учившийся в Оксфорде, хотел бы, чтобы его будущая жена не только владела западными языками, но также могла приготовить своему мужу *о-бэнто*.

Славятся по всей стране также и знаменитые разновидности вокзальных обедов — *экибэн*, которые, наряду с самыми обычными, продаются на некоторых станциях и воспринимаются не просто как еда, но и как дорожное развлечение, особая память о путешествии. Поэтому на листе бумаги, в который завернута коробка с дорожным обедом, может быть

изображена какая-нибудь достопримечательность, а сам *экибэн* обычно включает местные деликатесы. На рыболовном севере — это селедка, которая долго варится в соевом соусе; в горных районах — особые соленья из папоротника, ростков бамбука и грибов; в районе города Кобе — ломтики деликатесной говядины; в Кагосиме, которая славится своими блюдами из свинины, — вареные ребра черной свиньи. Иногда *экибэн* продаются в керамических сосудах или коробках необычной формы — в виде Дарумы или головы деревянной куклы *кокэси*, которые могут потом использоваться как сувениры. Всего четыреста станций по всей Японии продают в год десятки миллионов *экибэн*, предлагая около двух тысяч их разновидностей. Слава «вокзальных обедов» настолько велика, что токийские универмаги стали устраивать ярмарки, на которых можно приобрести знаменитые *экибэн*, не выезжая из столицы.

Когда-то «вокзальные обеды» покупали прямо из окна поезда — вместе с зеленым чаем в керамических стаканах. *Экибэн* помещались в бамбуковые коробки, а продавцы были одеты в узорчатые хлопчатобумажные куртки и повязывали головы традиционными матерчатыми жгутами. Сейчас в суперэкспрессах *синкансэн*, которые останавливаются только на самых крупных станциях, *экибэн* — как знаменитые, так и обычные в пластиковых коробках — развозят на тележках прямо в поезде, вместе с зеленым чаем в пластиковых стаканах одноразового пользования и западными напитками в баночках. Многие пассажиры, впрочем, запасаются обедом еще на платформе и благоговейно развертывают его, как только тронется поезд. Упаковочная бумага при этом, согласно общепринятому этикету, ни в коем случае не должна быть небрежно разорвана, так чтобы упаковку можно было потом полностью воссоздать в первоначальном виде.

Помимо *о-бэнто* повсюду в наши дни продается также лапша в пластиковых коробках или стаканах, которая в них же заливается кипятком, и после нескольких минут настаивания готова к употреблению. Иногда кипяток можно получить нажатием кнопки прямо в том же автомате, где лапша куплена. В названии быстрораствариваемой лапши, которая стала ежедневной в рационе некоторых людей, вытеснив свежие продукты, используется английское слово «*instant*» — «мгновенный», которым, как известно, обозначают любые концентраты — будь то суп в пакетике или «растворимый», как мы его называем, кофе.

Но не только *о-бэнто* и лапша характерны для «быстро-

го» питания японцев. Все больше в японскую жизнь проникает также «быстрая еда» американского происхождения — вместе с английским словосочетанием *«fast food»*. Начало этому проникновению было положено американской трансконтинентальной корпорацией «Макдональдс». Еще в 1971 году она открыла свою первую закусочную, торгующую стандартными булочками с котлетами — гамбургерами, на Гиндзе, которая в то время считалась законодательницей мод в Японии. Вместе с гамбургерами в этой закусочной можно было также купить пластиковый стакан с кофе и пакет с жареной картофельной соломкой. Успех «Макдональдс» превзошел все ожидания американцев и их японских компаньонов. В середине восьмидесятых годов у фирмы насчитывалось уже несколько сотен закусочных, охвативших всю страну и использующих десятки тысяч студентов и домохозяек, довольствующихся, как и другие «работники неполного дня» в Японии, минимальной для каждой префектуры почасовой оплатой. Специального обучения работа в «Макдональдс» не требует: полуфабрикаты разогреваются здесь в простых для управления автоматах, и продавцы должны только — для придания товару иностранного колорита — разучить несколько фраз на языке, который характерен тем, что английские слова в нем произносятся по-японски (так что получается нечто вроде смеси «французского с нижегородским»).

За «Макдональдс» началось быстрое вторжение других американских сетей, или «цепей», «быстрой еды», торгующих теми же гамбургерами, пончиками, мороженым, пиццей, жареной курицей, а за ними расплодились и их японские подражатели. Впрочем, американские фирмы тоже действуют в стране не самостоятельно, а в содружестве с известными японскими корпорациями. Во-первых, торговать в Японии и особенно арендовать помещения невозможно без опоры на крупные японские фирмы, которым доверяют местные предприниматели; во-вторых, японцы лучше знают вкусы своих потребителей и легко к ним приспособляются. Так, поначалу закусочные *«fast food»* с их подсвеченными фотографиями блюд, яркой пластиковой отделкой и непривычной едой пользовались успехом лишь у молодежи: люди солидные боялись показаться смешными и осмеливались появляться в заведениях *«fast food»*, только держа за руку ребенка. Чтобы привлечь старшее поколение, некоторые сети преобразили интерьер своих закусочных, украсив их цветами в горшках, неяркой отделкой, красивыми лампами, источающими мягкий свет. В результате дешевые американ-

ские пончиковые, например, превратились в уютные кафе. Появились в Японии и совершенно новые блюда, возникшие на местной почве: гамбургеры с непривычной начинкой — рыбой или мороженым; жареный соевый творог, залитый расплавленным европейским сыром; «*business lunch*», в котором гамбургер подается на подносе с рисом, солеными овощами и супом *мисосиру*. Такую же смесь предлагают и чисто японские сети «*fast food*», внешне очень похожие на американские, но наладившие торговлю холодными и горячими *о-бэнто*. Помимо традиционного риса с обычными добавками, здесь продают также помещенные в пластиковые коробки сэндвичи, пиццу и пироги. *Суси* для сетей «*fast food*» делают иногда роботы, изготавливающие в час более тысячи рисовых комочков — в три раза больше, чем самый искусный повар.

Проникнув в Японию через рестораны «*fast food*», массовая американская и вообще западная еда стала обычной и во многих японских домах. Нередко старшее поколение в семье еще ест утром рис с маленькими сушеными рыбками, тертой редькой и ферментированными соевыми бобами *натто*, а сын-студент предпочитает гораздо более калорийный завтрак на европейский лад. На обычный японский прилавок проникла замороженная картофельная соломка, кетчуп, хлеб, печенье, джемы, ветчина и колбасы. В результате в Японии появилось много людей, особенно детей и девушек-сладкоежек, которые страдают ожирением, столь редким среди тех, кто придерживается национальной диеты.

Но не только разрушение традиционной системы питания и появление множества толстяков беспокоит японцев. В не меньшей степени они озабочены наличием в своей пище — как национальной, так и западной — большого количества химических добавок. В среднем каждый японец съедает за год около четырех килограммов различных химикатов — консервантов, красителей, ароматизаторов. Некоторые из них — канцерогены или вещества, вызывающие генетические изменения, — к тому же запрещены в других странах. Как правило, присутствие добавок — вместе со сроком годности — указывается на упаковке фасованных товаров — будь то изделия из рыбной пасты, рисовые *моти* со сладкой начинкой из красной фасоли или молочные продукты; однако посторонние вещества органического происхождения, также не вполне безопасные для здоровья, могут и не упоминаться. Некоторые фермеры и торговцы также тайно подвергают химической обработке свежие

овощи и мясо: корни лотоса и картошку отбеливают, розовую кожуру сладкого батата подкрашивают, мясо опрыскивают никотиновой кислотой, которая запрещена при обработке сырых продуктов и вызывает онемение кончиков пальцев и другие осложнения. Различные заболевания у потребителей и у самих фермеров вызывают также искусственные удобрения и прочие химикалии, которые используются в чрезмерных количествах.

Как реакция на химическое загрязнение и как дань моде, пришедшей с Запада, в последние годы в Японии появилось увлечение «натуральными» продуктами и открылись супермаркеты «натуральной пищи». Многие крупные универмаги завели у себя также уголки «здоровой еды», где торгуют самыми разнообразными товарами: медом и сливами *умэбоси*, которым традиционно приписывается ряд целебных свойств; белковыми концентратами западного образца для желающих похудеть и «укрепить мышцы»; витаминами; соевым творогом и другими продуктами из сои, особенно широко использующимися в вегетарианской кухне буддийских монастырей (войдя недавно в моду на Западе, они стали затем популярными в качестве «здоровой пищи» и в самой Японии); овощами и фруктами, которые выращены без применения химических веществ. Любой товар с ярлыком «здоровый» или «натуральный» пользуется неизменным успехом и обходится дороже, чем обычный, хотя какие из предлагаемых продуктов и в каких количествах действительно полезны, не знают ни покупатели, ни ученые-диетологи, поскольку серьезные исследования в этой области не проводятся. Японские газеты сообщали, что часть товаров, которые продаются в качестве «натуральных», на самом деле выращены с применением химикалиев, другие собраны с полей, которые примыкают к крупным магистралям, также являющимся источником загрязнения овощей и фруктов.

В результате от химически загрязненной пищи не застрахованы даже те, кто может себе позволить делать покупки в очень дорогих гастрономах, скорее похожих на музеи. Редкие покупатели движутся здесь вдоль стеллажей, на которых выставлены «коллекции» чая или сыра из разных стран мира, советское брусничное варенье соседствует с мороженой клюквой из Канады, экзотические фрукты уложены в подарочные корзины, а пустынные залы благоухают кофе, пряностями и свежеспеченным хлебом. Сходство с музеем придает такому супермаркету еще и таблички, запрещающие фотографировать внутри магазина, поскольку

витрины устроены дизайнерами и рассматриваются как произведение искусства. Но основная масса химических добавок потребляется теми, кто приобретает продукты в бетонных, похожих на гараж магазинах где-нибудь на рабочей окраине. Купленное здесь мясо остается подозрительно розовым и после варки; безвкусные овощи, несмотря на явную обработку, часто подпорчены. Яркое «клубничное» желе не имеет никакого отношения к клубнике, о чем честно сказано на крышке пластикового стаканчика. Суп-концентрат в пакете имеет запах деликатесных грибов *мацутаке*, но только синтетический. Крабы ножки приготовлены из недорогой рыбы с помощью все той же химии. Гамбургер из курицы напичкан консервантами, которые позволяют чуть ли не месяц хранить его в холодильнике. Зато цены в окраинном магазине не сравнить с «музейными». Здесь толкается народ, закупаая продукты впрок на рабочую неделю, под ногами крутятся дети, охрипшими голосами заывают покупателей торговцы.

Особые традиции в Японии связаны с уличной торговлей. Продавцы съестного съезжаются к любым местам массовых гуляний — на ярмарки, храмовые праздники, к паркам — и устанавливают там свои ларьки, украшенные короткими занавесками *норэн* и традиционными красно-белыми полосатыми тентами.

Зимой у покупателей пользуются успехом горячие блюда. На металлических листах, вмонтированных в ларьки, разогревают самое распространенное в наши дни уличное блюдо — лапшу китайского типа с нашинкованной капустой и острым соусом, которая называется *якисоба* (хотя вообще *соба* значит «гречиха» и «гречневая лапша»). На таких же листах выпекают из теста упрощенную разновидность *о-кономияки* — многослойного блина с нарезанными овощами и острыми приправами, иногда именуемого «японской пиццей». В каждый блин воткнуто наготове куриное яйцо, которое торговец разбивает в последний момент — чтобы подать покупателю в меру зажаренным. На особых грилях готовят маленьких кальмаров, политых сладким соевым соусом, и *якитори* — шашлычки из куриного мяса, печенки, кожи, а также пекут кукурузные початки.

В углубления чугунной формы разливают тесто для еще одного очень популярного уличного блюда — *такояки*, которое представляет собой маленькие печеные шарики с различными добавками — кусочками осьминога *тако*, зеленым луком, розовым имбирем, аппетитно выставленными в прозрачных ящиках на переднем плане. Шарик

укладывают по несколько штук в пластмассовую коробку, смазывают острым коричневым соусом и посыпают толчеными водорослями. На занавесках *норэн* у продавцов *такояки* обычно изображены веселые осьминоги с человеческими лицами и традиционной головной повязкой-жгутом в горошек, которую иногда можно увидеть и на самих торговцах.

Обычными на улицах стали в наши дни и некоторые западные блюда: американские сосиски «*hot dog*», вареный картофель в тесте, блинчики со сладкими начинками — их жарят на тех же металлических листах, что и *о-кономияки*, и именуют французским словом «*сгêре*».

В особо людные места съезжаются также продавцы любимых детьми сластей: сахарной ваты, больших разноцветных леденцов, бананов в шоколаде, кукурузных хлопьев в американском духе, маленьких красных яблок в сахаре — их натыкают на палочки и держат в круглых углублениях на больших кусках льда.

Летом оживляется торговля мороженым и начинают продавать струганый лед с сиропами, в том числе с непривычным для европейского вкуса сиропом из зеленого чая. Широкое распространение в наши дни получили также западные прохладительные напитки в металлических баночках — кока-кола, фанта, искусственные фруктовые воды, которые называются *дзюсу* — от английского «сок». Баночки эти доступны повсеместно — на городских улицах, в общественных зданиях, на автостоянках и даже на площадках отдыха горных туристских маршрутов. Зимой в некоторых автоматах предлагается горячий кофе и очень редко — зеленый чай, к сожалению уже почти вытесненный из современной уличной жизни массовыми напитками западного образца. Некоторые из них — так называемые спортивные тонизирующие — делаются к тому же с добавками веществ наркотического действия. Одурманенные «спортивными» напитками, шоферы хуже водят машины, а дети иногда чуть ли не становятся наркоманами и уже не могут обходиться без «тоников». Известен случай, когда школьники, прибывшие на экскурсию, устроили настоящий бунт, не обнаружив в автоматах гостиницы ставшие необходимыми в их жизни баночки «спортивных» напитков.

Особый колорит современному бетонному Токио придают те уличные торговцы, которые продают свой товар ночью, толкая с места на место деревянные ларьки на колесах — *ятай*, снабженные иногда скамейками для покупателей. Даже процветающие бизнесмены, совершив турне по дорогим европейским ресторанам в компании коллег и партнеров,

обязательно заканчивают пирушку у *ятай*, чтобы вновь почувствовать себя японцами. Зимой, в холод и пронизывающий ветер, огоньки передвижных ларьков приветливо светятся, приглашая замерзшего прохожего отведать печеный батат и горячие *моти*, перевязанные полоской водорослей, печеные по-китайски каштаны (их называют *тэнсин*, «тяньцзиньские») и обжигающий *рамэн*, который съедается мгновенно — пока не остыл и не раскис. В больших металлических контейнерах, установленных на тележках, кипит *о-дэн* — набор разнообразных продуктов, распространяющих столь милый японскому сердцу аромат водорослей и рыбы. По вашему выбору торговец нанижет на палочку или выложит на блюдце щупальце осьминога и крутое яйцо, серый кубик желе, приготовленного из корня растения *коньяку*, и морскую капусту, изделия из рыбной пасты и соевый творог. Строго говоря, торговля едой с передвижных ларьков разрешена только на праздниках и спортивных мероприятиях, и полиция ежегодно арестовывает многих уличных торговцев за нарушение правил. Страдают владельцы передвижных ларьков от притеснений гангстеров, взимающих с этих беззащитных людей «плату за охрану». И тем не менее в надежде заработать свой хлеб насущный сотни уличных торговцев ежедневно выходят на токийские улицы и поджидают ночных покупателей с вечера и до раннего утра — в любую погоду, зимой и летом.

ГАДАЛКИ И КОМПЬЮТЕРЫ

Каждый вечер зажигаются свечи в бумажных фонарях, установленных на столах токийских гадальщиков. Таинственное выражение неподвижного лица, темная одежда, черные шапочки — многочисленные прорицатели усаживаются на людных местах и по всем правилам китайской гадательной науки предсказывают судьбу. Заглядывают в астрологические справочники. Изучают черты лица и линии руки. Используют особые знаки-символы — гексаграммы древней китайской гадательной книги «Ицзин», которые представляют собой разные сочетания линий: цельных, соответствующих солнечному мужскому началу *ян*, и прерывистых, символизирующих лунное женское начало *инь* китайской натурфилософии. Большинство жителей Японии, этой высокоразвитой технической державы, скажут вам, что они не суеверны. И тем не менее свадьбы японцы справляют только в «счастливые» дни, а в «несчастливые», несмотря на предлагаемые скидки, залы бракосочетаний пустуют. На неблагоприятные даты нельзя назначать и похороны. В больницах, как и в гостиницах старого Китая, не бывает комнаты номер четыре, поскольку заимствованные китайские чтения иероглифов «четыре» и «смерть» звучат одинаково. Около храмов обычно торгуют всевозможными амулетами.

Год 1966, к удивлению демографов, ознаменовался в Японии резким снижением рождаемости — оказывается из-за того, что на него в соответствии с традиционным календарем пришлось знаки «огня» и «лошади» большого шестидесятилетнего цикла, состоящего из пяти малых двенадцатилетних. Считается, что такое сочетание очень дурно влияет на характер новорожденной девочки, и поэтому даже в наши дни далеко не все отважатся связать свою судьбу с той, которая должна «рано сжечь со света мужа», хотя бы опасаясь возражений родственников. И вот в 1966 году японцы либо вообще воздержались от рождения ребенка, либо постарались зарегистрировать родившихся дочерей предыдущим годом

«змеи» (тоже не очень благоприятным) или последующим годом «овцы» (весьма счастливым).

Подобных суеверий — как своих собственных, так и заимствованных из Китая — в Японии множество. И хотя похоже, что большая часть японцев не столько верит в приметы, сколько отдает дань традициям, тем не менее у японских гадалщиков и гадалщиц клиентов вполне достаточно. А к самым знаменитым — например, «матушке» из токийского района Синдзюку, которая обосновалась около известного универмага «Исэтан», — постоянно выстраиваются очереди. Впрочем, сила «матушки из Синдзюку», кажется, заключается не только в глубоком знании законов классической китайской астрологии, которые она изучала у известного наставника. Главное — это то, что знаменитая гадалка всегда готова выслушать, утешить, а иногда даже оказать помощь своим многочисленным клиентам, большинство которых составляют девочки-подростки и девушки. Одни из них попали в беду, другие просто нуждаются в совете при поступлении на работу или перед замужеством.

Толпы этих же девушек, в основном старшеклассниц (их называют *бурикко* — словом, происхождение которого, кажется, не совсем ясно и самим японцам), часто можно наблюдать вечерами перед началом молодежного представления в одном из токийских концертных залов. Те, кто успевает снять нескладные школьные матроски, наряжаются на эти концерты как можно оригинальнее. На худеньких и толстых, красивых и дурнушках разноцветные мини-юбки или шортики, галстуки и полосатые чулки стиля «арлекин», бантики и оборки, необъятные штаны на бретельках и клипсы в виде Эйфелевой башни, митенки и значки с диснеевскими героями — ко всему относится с вежливой терпимостью старшее поколение на улице, без единого косога взгляда и тем более осуждающего слова. Нарочито детскими голосами, всячески стараясь копировать своих жеманных эстрадных «идолов», девицы щебечут о милых сердцу пустяках, хихикая и кокетливо прикрывая рот рукой — как это принято у японок. Из стаяк поминутно доносятся громкие вскрики: «Не может быть!», «Правда?», «Ах, как красиво!». Неподалеку от концертного зала часто роится кучка гангстеров *якудза* низшего ранга спекулируют заранее скупленными билетами на концерт. Короткая завивка, темные очки, бархатные пиджаки и высокие каблуки — у гангстеров тоже свой стиль, своя «форма». Каждый держит в руках пачку денежных купюр — рекламу и обычный знак «нечистого» бизнеса. Хриплые голоса,

раскатистое «р», которое можно услышать только в грубой мужской речи. «Тикэтто, тикэтто», — бормочут гангстеры заимствованное английское слово «билеты», потрясая своими денежными пачками.

Восторженным визгом встречают тем временем поклонницы появление певички, приехавшей на концерт. Слашавое личико тшательно загримировано, улыбка обнажает неровные — с выдающимися вперед клыками — зубы, которые до сих пор считаются у японцев привлекательными и поэтому не исправляются в детстве. Молодежных певцов и певичек быстро лепят одних за другими, обучая нехитрым песенкам и особым театральным жестам (как в традиционном театре, каждый жест имеет свое особое значение). «Идолы» не должны отличаться ни особой красотой, ни музыкальными талантами, иначе почитательницы не смогут отождествить себя с идеалом и немного отвлечься в мечтах от изнурительной зубрежки и строгих правил, определяющих во многих школах каждую мелочь. В духе средневековых японских законов, предписывающих каждому члену общества, носить ли ему шелк или хлопок, крыть дом тростником или черепицей, ходить пешком или ездить на коне, современные школьные правила регулируют длину форменной юбки у девочек и форменного мундира с глухой стойкой у мальчиков, ширину брюк и цвет носков, фасон и цвет грубой обуви на низком каблуке. Девочки часто носят зимой мешковатое синее пальто — под цвет форменной матроски, — уродующее их фигурки, которые заметно вытянулись и стали более длинноногими за послевоенные годы. В некоторых школах обязательны значки с гербами, форменные сумки и головные уборы.

Иногда правила школьного распорядка предписывают детям ходить в школу и обратно только по определенным маршрутам, ни в коем случае не заглядывая по дороге куда-нибудь перекусить, а также докладывать в школе о самостоятельных походах из дома в город. Кое-где учителя являются на дом к ученикам после девяти часов вечера, чтобы проверить, как дети соблюдают режим дня. Разработаны правила — у каждой школы свои, — регламентирующие длину волос у мальчиков и даже девочек, а те школьники, у которых от природы волнистые или рыжеватые волосы, должны представлять документы, удостоверяющие естественность своей шевелюры. Недавно вопрос о том, можно ли ограничивать длину волос у мальчиков одним сантиметром, даже всерьез рассматривался в суде города Кумамото, решившем, впрочем, что такое ограничение не противоречит японской конституции. Другая история, связанная с прической, случи-

лась в отеле во время экскурсионной поездки и закончилась трагически: ученик средней школы высушил волосы феном (а это запрещено правилами), был избит учителем и скончался от побоев.

Официально бить детей или заставлять их долго находиться в неподвижном положении в Японии запрещается, но на самом деле телесные наказания получают все большее и большее распространение и бросаются в глаза сразу по приезде в страну. То видишь, как учитель изо всех сил дергает за ухо мальчика, который вертится в строю на улице. То наблюдаешь, как в школе каратэ наставник усаживает на все занятие в традиционную неподвижную позу на коленях двух непослушных подростков да еще время от времени бьет по коротко стриженным макушкам бамбуковой палкой и читает нотации. Специально проведенные опросы показали, что в больших городских школах перегруженные, постоянно работающие сверхурочно учителя не в состоянии справиться со своими подопечными без применения силы, а иногда и просто срывают раздражение на детях. Строгие нелепые правила, как будто дошедшие из прошлых веков, и рукоприкладство учителей наводят детей на мысль, что сильный вполне может обижать слабого. В результате в японской школе процветает еще одно очень распространенное зло — моральная и физическая травля одних школьников другими, которая в ряде случаев приводит к самоубийствам жертв или убийствам мучителя в отместку.

Конечно, как бы ни были строги правила, всегда находятся те, кто их не выполняет, рискуя навлечь на себя порицание школьных властей. Нарушители ездят группами на мотоциклах, курят в коридорах, появляются в неподобающих местах в запрещенное время, перешивают форму, удлиняя юбки или пиджаки. Большинство юношей со взбитыми напомаженными волосами, которых мы увидели на учебном представлении кукольного театра *бунраку*, выглядели совсем не по-школьному: зауженные брюки, туфли на высоких каблуках, длинные черные мундиры, превращенные в модные пиджаки с засученными рукавами на яркой подкладке.

Но дело не только в подобных нарушениях. По мнению многочисленных критиков, более серьезная проблема состоит в том, что японская школа не всегда справляется со своими основными задачами. Сами учителя признают, что лишь треть учеников в классе способна следить за тем, что происходит на уроке. А знания, необходимые для перехода из одной ступени в другую и для поступления в вузы, половина учащихся получает вечером и по воскресеньям — в частных

«репетиторских» школах дзюку), которые ребята начинают посещать чуть ли не с детсадовского возраста. Поэтому старшекласники тратят на занятия по восемь-девять часов в день. Но зато в результате — при наличии одной из самых трудных письменностей в мире — даже мойщик окон в Японии выпишет вам счет с каллиграфическими иероглифами, красоте которых позавидует любой иностранец, изучающий японский язык. Однако, поступив в высшие учебные заведения, которые славятся своим либерализмом, измученные «экзаменационным адом» бывшие школьники иногда учатся кое-как, занимаясь приработками или просто развлекаясь.

Не учат ни школа с ее строгой дисциплиной, ни институты, где царит полная свобода, и тем правилам поведения, которые потребуются молодым людям в дальнейшей жизни. При поступлении на работу вдруг выясняется, что выпускники университетов не умеют себя вести в обществе старших. Многие не владеют так называемой вежливой речью, которая имеет у японцев свои особенности у мужчин и у женщин, в разговоре с равным, низшим и высшим по общественному и служебному положению. Почти все осмеливаются высказывать свое мнение, не дождавшись вопросов; в машине, за столом, в европейском холле и традиционной комнате могут занять не соответствующее своему «рангу» место; не знают, что в лифте младший должен встать у пульта с кнопками рядом с дверью, а более высокопоставленные коллеги пройдут в глубинку. Между тем этикет, несмотря на модернизацию японского общества, продолжает играть очень важную роль в повседневной жизни. Поэтому новички часто изучают правила вежливого поведения в специальных группах, организованных прямо на службе. Учат хорошим манерам даже в полиции и в подразделениях «сил самообороны». А некоторые молодые люди — особенно девушки, часто выполняющие роль «прекрасных цветов», подающих чай коллегам и гостям, — сами отправляются постигать простейшие правила поведения и тонкости этикета в частные школы. Здесь слушателям показывают, как нужно ходить и сидеть, особенно в традиционной комнате; как элегантно и аккуратно одеваться; как правильно подавать чай, улыбаться, отвечать на телефонные звонки; как передавать различные предметы. Ножницы, например, следует не только повернуть острием к себе, но также ни в коем случае не утапливать режущую часть в ладони, чтобы она не заржавела и не затупилась. Каждое движение упорно отрабатывается до полного автоматизма — точно так же, как в традиционных школах каратэ или чайной церемонии.

Особый этикет связан в Японии с обменом визитными карточками, которые были заимствованы у европейцев, по-видимому, в конце XIX века — примерно в то же время, когда простой народ получил право носить фамилии (до особого эдикта правительства Мэйдзи их разрешалось иметь только аристократам, самураям и синтоистским священнослужителям, составлявшим не больше одной десятой части населения). Зато в современной Японии фамилий, очевидно, больше, чем в любой другой стране мира, — около ста тридцати тысяч, притом, что в Европе и Америке, вместе взятых, это число не превышает пятидесяти тысяч, в Корее оно равно всего двумстам пятидесяти, в Китае используется примерно тысяча фамилий (китайский классический памятник-перечень, который дети когда-то учили в школе, образно называется «Фамилии ста семей»). После эдикта Мэйдзи некоторые японские семьи воспользовались существовавшими ранее аристократическими родовыми именами. Считается, к примеру, что современные фамилии, включающие иероглиф *то* — «глициния» (это его китайское, то есть заимствованное вместе с иероглифом чтение), самые распространенные из которых Сато, Сайто и Ито, связаны по своему происхождению со знаменитым родом Фудзивара (в этом сочетании иероглиф «глициния» читается по-японски *фудзи*). Другие семьи использовали географические названия или какие-то новые сочетания иероглифов, иногда с необычным их чтением. В современной Японии особенно часто в фамилиях встречаются такие иероглифы, как *та* — «поле» (Танака), *яма* — «гора» (Ямамото), *ки* — «дерево» (Судзуки), *такэ* — «бамбук» (Такэсита), *мацу* — «сосна» (Мацусита). Многие фамилии характерны только для определенных районов, но примерно десятком излюбленных особенно широко распространены по всей стране. В 1985 году, к примеру, в Японии было два миллиона человек по фамилии Сато и примерно столько же по фамилии Судзуки. При общении с японцами на визитных карточках часто мелькают одни и те же иероглифы и их сочетания, поэтому ощущения пестроты и необыкновенного разнообразия японских фамилий — при всей их многочисленности — не возникает. Что же до визитных карточек, то в наши дни они, пожалуй, не менее важны в японской жизни, чем фамилии. Без карточек невозможно никакое деловое общение, и они есть почти у всех, начиная с политических деятелей и кончая девицей, развлекающей гостей в баре, или мойщиком окон, который вручает клиентам карточку со своим именем и названием приславшей его фирмы.

Поскольку визитная карточка — это своеобразный со-

циальный паспорт, на котором напечатаны не только имя и фамилия, но также адрес, телефон и — что особенно важно — сведения о месте работы и занимаемой должности, то при знакомстве японцы сперва читают то, что написано на карточке, а уж потом искоса бросают осторожный взгляд на лицо нового знакомого — тем более, что смотреть прямо в глаза собеседнику и близко к нему придвигаться считается невежливым. Карточки, полученные от важной особы, могут служить рекомендательным письмом. В некоторых случаях они вполне заменяют владельца на банкет или на похороны можно отправить вместо себя подчиненного, снабдив его своей карточкой. До недавнего времени визитные карточки широко использовались как кредитные: их оставляли в дорогих гостиницах и ресторанах, а потом оплачивали присланные счета. Некоторые предприниматели имеют наборы карточек с неодинаковыми текстами, рассчитанными на разных партнеров. Поскольку карточкам верят чуть ли не больше, чем самому человеку, иногда жулики заказывали карточки с заведомо ложными сведениями. Известны также случаи, когда мошенники пользовались чужими карточками, а потом настоящий владелец вдруг получал горы ресторанных счетов откуда-нибудь с Гиндзы. У людей с широким кругом общения скапливается подчас целая картотека. Карточки с цветными надписями обычно предпочитают те, кто работает в рекламном деле или продает машины. Стилизованные под старину принадлежат деятелям традиционных видов искусства. Маленькие карточки с закругленными углами бывают у женщин. Напечатанные на тончайшем листке металла иногда встречаются у директоров сталелитейных компаний. Слишком вычурные карточки на особой бумаге, впрочем, считаются признаком дурного вкуса или свидетельствуют о специфической профессии владельца. Сведения, содержащиеся в картотеке, для удобства иногда закладывают в компьютеры. Избавлены от процедуры вручения карточек только очень высокопоставленные и известные люди, например японский премьер-министр (министр иностранных дел свои карточки вручает, причем не менее пятисот штук в течение года). Об особом положении в обществе свидетельствует также карточка, содержащая только имя и фамилию, без указания должности, титула, рода занятий, которые и так всем известны. Разумеется, к ритуалу обмена столь важными документами следует относиться с должным вниманием. Принимая карточку, ни в коем случае нельзя прикасаться к напечатанному имени и фамилии. Затем, изобразив на лице почтение, полагается изучить весь текст на карточке, кивнуть в знак понимания

и одобрения и только после этого убрать ее в карман, желательно в футлярчик из кожи или традиционной ткани.

Особое внимание в школах хороших манер уделяется поклонам, без которых невозможно жить в стране, где кланяются все и всегда (так что прожив в Токио пять лет, и сам начинаешь кланяться даже при разговоре по телефону). Отвешивает поклоны премьер-министр, прежде чем обратиться к парламенту. Кланяются дикторы телевидения в начале и особенно в конце новостей, завершающихся извинением за беспокойство. Кланяются продавцы в магазинах: на тридцать градусов, приветствуя посетителей; на пятнадцать — приглашая посмотреть товары; на сорок пять — провожая покупателя, сделавшего покупку. Подсчитано, что девушки-лифтеры в универсамах отвешивают поклоны около двух с половиной тысяч раз в день, а та, которая вызывает лифт на первом этаже, кланяется даже закрывшимся дверям — вслед уже уехавшим покупателям. Любые виды поклонов — от небрежного кивка по отношению к новичку до самого почтительного девяностоградусного по отношению к наставнику — можно увидеть в школах традиционных видов спорта. Завидев знакомого на улице, начинают кланяться еще за два метра, а глубина поклонов, конечно же, зависит от общественного положения встретившихся. И недаром учебники этикета и кассеты с видеозаписями — прежде всего правильных поклонов — пользуются большим спросом, причем не только у молодежи.

Впрочем, недавно была опубликована книга с наставлениями иного рода. Несколько служащих разных фирм — *office ladies*, как называют в Японии девушек из вспомогательного персонала, соединив два английских слова, — дают самые различные советы тем, кто не хочет надрываться на работе. Хотите устроить себе небольшой перерыв? Оставьте сумку посреди вашего рабочего стола, спрячьте кошелек в фирменный конверт и отправляйтесь куда вам угодно, — не забудьте только на обратном пути оставить покупки в автоматической камере хранения. Обязательно делайте «служебные» пометки, болтая с подругой по телефону. По утрам приходите пораньше, наводите порядок на столах, заваривайте чай, зато потом спокойно отдыхайте где-нибудь за чашкой кофе. Беседуйте с шефом об его увлечениях или семейных делах и спрашивайте совета относительно своих собственных — если он любит давать советы. Почаще напускайте на себя деловой вид — печатайте, шуршите бумагами, — и вы наверняка будете избавлены от очередного поручения, особенно если вы владеете всеми секретами вежливого нарушения правил поведения на службе.

Традиционному этикету, необходимому во время посещения различных торжественных церемоний, обучают также в многочисленных школах кимоно, которых в одном Токио за последние годы появилось не менее пятисот. Известно, что японская национальная одежда, совсем было исчезнув во время войны, возродилась впоследствии прежде всего как праздничный наряд для ритуалов и парадных приемов. Постоянно кимоно носят только некоторые пожилые люди да те, кто по роду своей деятельности связан со стариной: актеры традиционных жанров; гейши и их ученицы *майко*; борцы сумо; буддийские монахи; служительницы дорогих гостиниц и ресторанов традиционного стиля. Прочие японцы (да и то не все) одевают вне дома национальный костюм только раз в году, чаще всего во время ритуальных посещений храмов. Целые семьи в кимоно можно увидеть в праздничной толпе на Новый год. В День совершеннолетия пятнадцатого января в храмах появляются стайки двадцатилетних японок в белых пушистых воротничках и красочных девичьих *фурисодэ* — кимоно с очень длинными рукавами; юноши, кроме националистически настроенных, предпочитают в этот день европейский костюм. Часто кимоно надевают также матери и бабки, доставляющие в синтоистские храмы младенцев для «представления богам».

В настоящий детский парад с традиционными и современными нарядами превратился в больших храмах знаменитый праздник пятнадцатого ноября — *ситигосан* — «семь, пять, три». В первой половине месяца, когда в Токио устанавливается нежаркая сухая погода, а мелкие ажурные листья японских кленов окрашиваются багрянцем, взрослые торжественно приводят в храмы разодетых детишек. Перед восхищенными зрителями проходят трех- и семилетние «принцессы» в бархате, кружевах, затейливых шляпках. Шествуют «джентльмены» трех и пяти лет в костюмчиках с галстуками, напоминающими английские студенческие. Иногда можно увидеть совсем необычные наряды: хлопчатобумажную куртку, скорее уместную на народном празднике, или полное самурайское облачение с латами и рогатым шлемом, которое наперебой фотографируют репортеры и иностранные туристы. Часть мальчиков одета в традиционные парадные костюмы — короткую верхнюю одежду *хаори* с семейными гербами и одеваемую поверх кимоно юбку-штаны *хакама*, украшенную соколом или другим мужественным рисунком. Но больше всего в толпе маленьких японских «дам» с традиционным гримом, с прическами, украшенными цветами, — иная

трехлетняя малышка так умается в непривычной обуви без задников, что еле идет или уже заснула на спине у сострадающей бабушки.

Не обходятся без кимоно и другие торжественные церемонии: синтоистская свадьба, буддийские похороны, вечера по случаю окончания учебных заведений, на которые выпускницы в подражание школьной форме эпохи Мэйдзи надевают поверх кимоно темно-синие и лиловые *хакама*. Традиционную одежду можно увидеть также на синтоистских церемониях освящения новых сооружений — будь то небольшое жилище для одной семьи, миллионный небоскреб, ракетная установка, павильоны международной научной ярмарки или всего лишь новый компрессор отопительной системы на первом этаже современного дома. Появляются девушки в кимоно и на церемониях по случаю начала работы в Новом году, поскольку всему первому в начале года — визиту в храм или свидению, занятию каллиграфией или шитьем, восхождению в горы или перевозке грузов — придают очень большое значение, считая, что эти начинания определяют будущее на ближайшие двенадцать месяцев.

С исчезновением кимоно из повседневной жизни упал и спрос на его обычные разновидности из хлопка или шерсти, которые когда-то снашивали до полной ветхости, перешивая, переделывая и используя до конца каждый маленький кусок ткани. Из дешевых кимоно процветают и сейчас только очень простые и удобные домашние. В теплых фланелевых или на подкладке — *нэмаки* — спят зимой. В жару их меняют на легкие *юката*, которые носят также дома после работы во время народных праздников на улице. Сложенные традиционным способом *юката* ждут постояльцев в традиционной гостинице. Здесь в этой легкой одежде ходят в баню, ужинают, спят, а на курортах гуляют по улице. В холодную погоду к *юката* выдается еще одно верхнее кимоно потеплее.

Для торжественных случаев покупают те шелковые нарядные разновидности кимоно, которые и раньше ценились очень высоко и передавались по наследству из поколения в поколение — не только родственникам, но и друзьям. По данным одного из обследований, охвативших в разных районах столицы полторы тысячи женщин, на каждую японку в среднем приходится десять нарядных кимоно, однако часть женщин обходится вообще без традиционных нарядов, примерно одна треть ограничивается одним-тремя, пятая часть опрошенных — четырьмя-шестью кимоно. Десятая часть японок содержит целый гардероб из двадцати и более кимоно для

разных случаев жизни: парадных черных с пятью семейными гербами в маленьких белых кружках и богатым узором по подолу, вытканым из золотых и серебряных нитей; гладких черных, тоже с гербами, которые носят во время траурных церемоний с черным же поясом; «полуофициальных» — гладких, но цветных; красочных «визитных» с нарядным узором по подолу и на плече... Каждое такое кимоно — это уникальное произведение искусства, стоимость которого определяется качеством шелка, тканья, вышивки и натуральных красителей, степенью использования ручного труда и мастерством художника, так что более или менее стандартные варианты кимоно сопоставимы по цене с месячным заработком служащего, а шедевры, созданные большими художниками, — с норковой шубой или небольшой автомашиной. Поэтому любое шелковое парадное кимоно покупают на годы, а те его разновидности, которые надеваются раз в жизни, — прежде всего свадебное облачение жениха и невесты — предпочитают брать напрокат, сокращая тем самым расходы в несколько раз. Похоже, что более дешевые и простые в носке синтетические имитации все же так и не завоевали сердец покупателей. Уж если облачаться в традиционный наряд, то подлинный, с его «ароматом старины», создающим особое настроение, которое соответствует духу торжественной церемонии. Уж если появляться в синтетике, то проще надеть западное нарядное платье — как и поступают многие японки (и особенно японцы, предпочитающие даже на традиционных церемониях официальный европейский костюм дедовскому парадному кимоно с фамильными гербами).

В школах кимоно можно научиться навыку одевания этой одежды, которым еще недавно владели все, а сейчас только половина японок. Но, пожалуй, не эта задача главная — ведь при необходимости (к тому же не такой уж и частой) можно обратиться в ближайший салон красоты, где вам не только помогут одеться, но также сделают подходящую прическу. Основное содержание занятий в школе кимоно — это, пожалуй, совокупность правил этикета и традиционных эстетических представлений, которые необходимы тем, кто появляется на церемонии в национальной одежде. Прослушавшие полный курс будут знать, например, с каким узлом широкого декоративного пояса *оби* следует явиться перед наставником чайной церемонии; каким способом завязать поверх *оби* шнурок *обидзимэ*, отправляясь на похороны; какая разница между кимоно с пятью, тремя и только одним фамильным гербом; какие цвета и рисунки соответствуют разным временам года. Согласно японским представлениям, две ткани с

разными многоцветными узорами (кимоно и *оби*) — это самое лучшее нарядное сочетание, если, конечно, при подборе учтены все элементы узора и все оттенки того и другого куска шелка (искусство, которым в наши дни владеют очень немногие). По-своему воспринимают японцы и сами цвета. Японский *аой*, например (он же китайский *цин*), включает оттенки как европейского синего, так и европейского зеленого; японский *акай* — европейский красный и частично коричневый.

Среди учениц школ кимоно встречается немало девушек, которые готовятся к свадьбе — важному событию, после которого бывшие *бурикко* превращаются в почтенных замужних домохозяйек *оку-сама*. Сразу после свадьбы больше половины из них все еще оставляют работу, хотя многие возвращаются на службу гораздо позднее, когда подрастут дети, — правда, уже в качестве так называемых работников «неполного времени», которые часто трудятся столько же, сколько остальные, но получают гораздо меньшее жалованье, не имеют права на оплачиваемые отпуска и не пользуются прочими благами, доступными другим, «полноценным» работникам. А пока молодая замужняя женщина убирает куда-нибудь подальше экстравагантные туалеты, забывает жеманные манеры, свойственные девицам, и посвящает себя заботам о доме, воспитанию детей и уходу за усталым мужем, с утра до вечера зарабатывающим хлеб насущный. В массе японские *оку-сама* одеваются стандартно, без претензий, и держат себя с большим достоинством — заняты ли они обычными хлопотами по хозяйству или участвуют в семейных церемониях, главная из которых — это, пожалуй, сама свадьба, соединяющая и в современной Японии не только двух молодых людей, но также и два семейных клана, со всеми родственниками и друзьями дома. Подсчитано, что на каждую свадьбу в среднем японцы тратят в шесть раз больше, чем американцы, а в общей сложности свадебные расходы составляют огромную сумму — в 1985 году, например, они равнялись четырем триллионам иен, что соответствовало восьми процентам валового дохода.

Большинство японцев справляет свои свадьбы в специальных «залах», принадлежащих частным фирмам. Часто свадебные залы устраивают у себя крупные отели, которые предлагают весь «набор» свадебных услуг: синтоистскую церемонию в особой комнате; западный банкет в помещении по соседству; живые цветы для украшения; традиционные подарки гостям, завернутые в кусок ткани *фуросики*. Эти подарки вручаются в конце свадьбы в ответ на поднесенные ново-

брачным деньги в особых конвертах: узел банта из золотых и серебряных бечевочек *мидзухики* завязывается на таких конвертах так, что его невозможно развязать, — в знак того, что свадебная церемония бывает или по крайней мере должна быть только раз в жизни. Здесь же в «свадебных залах» предлагается прокат нарядов для жениха и невесты, который обходится тем дешевле, чем больше народу успело эти наряды использовать, — после каждого использования цена снижается на двадцать процентов. Жених обычно появляется в течение свадьбы в двух костюмах: традиционном во время синтоистской церемонии и западном — на банкете. На некоторых свадьбах невеста по старинному ритуалу меняет туалеты не один раз. Говорят, что в старину у одной девушки было приготовлено к свадьбе двенадцать кимоно — по числу месяцев года, но на десятом она упала в обморок от усталости. У современных невест традиционное свадебное облачение из совершенно гладкого белого шелка обычно сменяется богатым красочным кимоно, за которым следует западное платье. Иногда новобрачные зажигают на каждом банкетном столе свечи — красную и белую, представляющие все то же любимое японцами сочетание цветов, которое символизирует древние китайские философские начала: мужское *ян* и женское *инь*. Скромной церемонией в местном синтоистском храме или в христианской церкви обходятся лишь немногие пары. Остальные в извечном стремлении «быть не хуже людей», особенно свойственном японцам, устраивают пышные разорительные празднества в «свадебных залах». Особенно переполнены эти залы в субботу, воскресенье и самые благоприятные дни традиционного календаря.

Давно прошли те времена, когда жених и невеста впервые видели друг друга на свадьбе, хотя сватовство и смотрины *о-миай*, на которых молодые люди знакомятся друг с другом, никогда не исчезали полностью. А сейчас все более популярным делается сватовство нового типа — компьютерное. Поскольку, по японским представлениям, брак — это прежде всего семейный договор, определяющее значение для будущей жизни имеет происхождение жениха и невесты. Любовь между супругами тоже, конечно, желательна, но она может появиться уже после *о-миай*, когда молодые люди начинают встречаться друг с другом, или даже после свадьбы, в браке. В то же время чувство, возникшее в результате случайного знакомства, обеспечивает семейное счастье тоже далеко не всегда: поэтому современный западный, «неорганизованный» способ поиска спутника жизни так до конца и не привился в Японии.

Потребность в сватовстве у японцев настолько велика, что

ним занимаются уже не столько посредники *накодо* — родственники и друзья семьи, начальники по службе, — сколько частные фирмы, рекламы которых вы можете обнаружить вложенными в утренние газеты среди других информационных листков, присланных магазинами, репетиторскими школами *дзюку*, торговцами недвижимостью, салонами красоты и ресторанами. «У вас есть шанс выбрать подходящего спутника жизни!» — гласила надпись на первой странице такого двойного листка, приглашающего обратиться в расположенную неподалеку от нашего дома контору крупной брачной фирмы, имеющей свои отделения по всей стране. На первой страничке — фотография: она, в подвенечном платье и фате, и он, в белом костюме с галстуком-бабочкой, выходят из-под белой ажурной арки, по-видимому, христианской церкви; дети подносят новобрачным цветы, виднеется разукрашенная лентами машина.

Далее в рекламе приведены примеры из «альбома новостей», который публикуется фирмой для своих клиентов ежемесячно. Под кодовым номером помещаются фотографии и сведения о возрасте, образовании (у клиентов образование должно быть не меньше среднего, у клиенток — любое), годовом доходе (сведения приводятся только для мужчин), увлечениях, росте и весе будущих женихов и невест, недавно появившихся в картотеке. В некоторых кратко сформулированы «надежды» претендентов: желательна «домохозяйка с хорошим здоровьем» или «женщина приятной наружности, которая согласна заниматься торговлей» (у жениха собственное торговое заведение), «жених, рост которого превышает 170 см» или «выпускник университета». При помощи компьютеризированной картотеки можно также уточнить, когда именно родился заинтересовавший вас человек — ведь люди могут не подходить друг другу по своим традиционным гороскопам. Там же содержатся данные о том, каким по счету ребенком в семье является жених и собирается ли он после свадьбы жить со своими родителями, поскольку по традиции с родителями обычно живет старший сын, который заботится о них в старости и наследует родительский дом.

Обратившись в отделение фирмы, для начала можно получить пробную бесплатную консультацию с использованием данных, заложенных в компьютер. Однако более серьезные услуги оказываются только после того, как клиенты представят документы. Женитьба — дело серьезное, и фирма должна быть уверена в людях, которых она сватает. Среди документов — выписка из домовой книги и свидетельство о месте

жительства; поручительство родителей или других родственников; отпечаток личной официальной печати, которую регистрируют в муниципалитете и ставят вместо подписи на всех важных деловых и финансовых документах, например договоре об аренде квартиры или на банковских чеках (проникнув в дом богатого человека, воры в первую очередь ищут чековую книжку и личную официальную печать; традиция изготовления таких печатей с иероглифами особого стиля очень давняя и заимствована из Китая). Тем парам, которые захотели познакомиться после изучения фотографий, видеопленок и анкет, отобранных компьютером, назначается *о-май* на рекламной картинке изображен юноша, беседующий за низким японским столиком с разряженной в кимоно девушкой. Желающие могут также ходить на коллективные *о-май*, которые проходят в виде спокойного застолья или веселого вечера в духе телевизионных шоу для молодежи. Партнеры, понравившиеся друг другу, начинают встречаться, и только после этого решается вопрос о свадьбе.

Несколько лет тому назад некоторые большие корпорации решили также сами заниматься устройством семейных дел своих сотрудников и организовали «брачные клубы». Основную массу членов такого клуба, объединяющего по несколько тысяч человек, составляют девушки двадцати пяти — двадцати шести лет и молодые люди двадцати восьми — тридцати лет. Они работают в той же корпорации, хотят обзавестись семьей, но не имеют ни сил, ни времени заниматься поисками спутника жизни после напряженного рабочего дня, который вместе со сверхурочными и полуобязательными «общественными» нагрузками подчас длится двенадцать часов. Членами «клубов» могут также стать друзья или родственники сотрудника — но только по его рекомендации. Корпорации ручаются за «качество» своего сватовства и подчеркивают, что процент разводов среди сосватанных ими пар чрезвычайно низок по сравнению с общеяпонским (в современной Японии в среднем разводится каждая четвертая пара). В брачных заведениях, принадлежащих корпорациям, в отличие от обычных посреднических контор женщин состоит гораздо больше, чем мужчин: женихи, работающие в престижной фирме с ее пожизненным наймом и приличным заработком, пользуются успехом у невест. Самое горячее время в «клубах» — это, конечно, суббота и воскресенье, когда здесь устраиваются встречи для нескольких десятков пар в день. Беседу, которая длится около получаса, ведет в основном консультант, поскольку трудно ожидать, что на первом же свидании новые знакомые смогут преодолеть смущение и между ними завяжется непринужден-

ная беседа. После *о-май* партнеры должны в течение суток позвонить консультанту и сообщить о своем желании или нежелании общаться в дальнейшем. В среднем на поиски спутника жизни при помощи брачного «клуба» уходит около двух лет, а за год такие корпорации, как «Мицубиси» или «Тоёта», устраивают до полутора сотен браков. Считается, что «компьютерное» посредничество дает возможность встретиться с бóльшим числом потенциально подходящих женихов или невест, чем обычное, и поэтому за ним будущее. Впрочем, куда только ни проникают компьютеры в современной Японии.

Неподалеку от станции Сибуя построили несколько лет тому назад серебристое здание с решетчатым застекленным куполом — дом электричества, еще один музей в дополнение к множеству других токийских больших и маленьких, иногда удивительных музеев: соли и табака, *укиё-э*, бумаги, одежды, транспорта, восковых фигур. Расположен дом электричества не очень удачно: на узкой улице да к тому же рядом с пересекающей ее линией электрички, поэтому красота его мало откуда видна. Посетителей в музее немного, хотя здесь собрана масса интересных экспонатов на любой вкус: действующие модели гидро- и атомных станций; новейшие системы электронного конструирования; электронные «цветные карандаши», при помощи которых рисунок или чертеж на экране можно раскрасить в любые цвета; оборудованы видеокабинеты, где непрерывно демонстрируются фильмы по истории техники и естествознания или о прошлом Японии. Но на одном этаже всегда собираются дети, в основном мальчишки — поклонники электронных видеоигр. Одни впились глазами в экран и быстро-быстро нажимают кнопки, другие стоят за спиной играющих, дают советы. Завсегдатаи этого этажа — даже иностранцы, плохо знающие японский язык, — понимают друг друга с полуслова: все они — большие любители нового времяпрепровождения у экрана, завоевавшего сердца и умы детей и несколько потеснившего старое увлечение мультфильмами. И в играх, и в мультфильмах — так же, как в журналах японских комиксов *манга*, — фантазия художника уводит ребят в удивительные миры. Идут космические и подводные бои с чудовищами, похожими на традиционных японских оборотней и чертей. Сражаются на фоне замков-крепостей средневековые наемные убийцы и шпионы — *ниндзя*. В закрывающих пол-лица темных масках и темной одежде они взбираются по ночам на неприступные стены, планируют в воздухе на перепончатых крыльях, убивают врагов, меч в них маленькие металличе-

кие звездочки с острыми углами — *сюрикэны*. Вместе с героями игр ребята оказываются то на улицах старого японского города, то в американских прериях, то в древнем Риме, причем не сторонним наблюдателем, как зритель мультфильма или читатель журнала, а деятельным участником событий. Отождествив себя с персонажем, перемещение которого по экрану направляется кнопками, игрок поражает злодеев ударами каратэ, ищет выход из лабиринтов, спасает прекрасную принцессу и даже получает за доблесть воинские звания. Неожиданный успех у ребят ждал телеигру, действие которой происходит в разных подземных царствах, в том числе и в очень прозаической магистральной канализации, но зато водопроводчика с итальянским именем Марио ждут хитроумные приключения, мобилизующие всю смекалку и внимание игрока. В специализированных магазинах и отделах на кассету с этой игрой, предназначенную для домашних игровых приставок к телевизору, была даже предварительная запись. А лавки попроще в своих предновогодних информационных листках, разосланных с газетами, обещали выбросить в продажу несколько кассет «Марио», которые достанутся только самым первым ретивым покупателям, явившимся на распродажу с утра пораньше.

Домашние игровые приставки к телевизорам в середине 80-х годов уже были у каждой четвертой японской семьи. Они пришли на смену самым первым электронным портативным играм с экранчиком на жидких кристаллах, в которые еще совсем недавно играли люди самого разного возраста повсюду в Токио — в метро, в парках, около демонстрационных стендов в магазинах. Сейчас маленькие электронные игры почти совсем утратили популярность, зато в любом универмаге разложены на витринах выпускающиеся одна за другой кассеты к домашним приставкам. Здесь же, в магазинах, их часами бесплатно осваивают ребята, особенно те, у кого еще нет своей игры дома. Правда, самые интересные игры бывают пока в уличных платных салонах, владельцы которых заводят все более сложные машины, далеко превосходящие домашние. Изображения на экранах платных автоматов представляют собой уже не примитивную схематическую картинку — хотя и движущуюся, — а напоминают очень хороший мультфильм, герой которого ничем не отличается от тех, кого японские дети привыкли видеть на обычных телевизионных экранах.

Хорошо это или плохо — проводить часы за видеоиграми? Плохо, считают многие учителя и психологи. Мальчишки и девчонки в Японии и так ведут достаточно неподвижный об-

раз жизни, а тут еще дополнительно утомляют глаза, делаются раздражительными и плохо управляемыми, как будто погружаясь в состояние транса перед мелькающим экраном. Хорошо, возражают другие. Ведь новому поколению предстоит жить в мире компьютеров. Поэтому к экранам и кнопкам оно должно привыкать с детства, а не бояться их, как многие люди старшего возраста, страдающие от компьютеризации своих рабочих мест на заводах, в банках, больницах, административных учреждениях. Можно считать, что домашняя игровая приставка к телевизору — это «начальная школа» компьютерной грамотности. Сначала ребята пользуются готовыми программами, заложенными в кассеты на фабрике. Естественный следующий шаг — изобретение детьми собственных игр, иначе говоря — составление новых игровых программ. Оно стало возможным после того, как компания «Нинтэндо», выпустившая самую любимую у японских ребят игровую приставку, стала продавать в дополнение к ней дисковод и пульт управления. А дальше «Нинтэндо» задумала объединить через телефоны все отдельные домашние комплексы в единую общенациональную сеть, насчитывающую миллионы абонентов, которые будут пользоваться общим банком данных. Тем временем в фирменных уличных автоматах «Нинтэндо» можно переписать за небольшую плату на свою дискету новую игру взамен надоевшей старой. Последняя фирменная новинка — особый коврик, начиненный электроникой, который заменяет обычный пульт управления с кнопками: прыгая на коврике, ребенок может совмещать увлекательную видеоигру с хорошей физической разминкой. Наверное, такие разминочные устройства будут когда-нибудь придуманы и для взрослых, которые жалуются на усталость от неподвижного сидения перед экраном компьютера. А между тем все большему числу японцев приходится учиться обращению с компьютерами не только на службе, но и в обычной уличной и домашней жизни.

Уже при нас повсюду в Токио были установлены уличные кабинки, позволяющие в любое время суток снять с компьютеризированного счета в банке нужную сумму. В крупных городах стали создавать платные компьютерные сети, которые позволяют в любой момент получать на экране собственного телевизора новейшие данные, заложенные информационными службами, издательствами, магазинами, бюро путешествий, биржей. Газеты обещали, что в ближайшем будущем, сидя за домашним компьютером, можно будет делать кое-какие покупки. Сперва на экране появится перечень товаров, предлагаемых тем или иным магазином

для заочной «компьютерной» продажи и их цен. Затем с помощью компьютера абонент передаст заказ в бюро доставки магазина и одновременно отдаст распоряжение банковскому компьютеру перевести на магазинный счет нужную сумму. В результате время, высвободившееся от приобретения продуктов, мыла, салфеток, тапочек, батареек и других самых обычных вещей, можно будет потратить на что-нибудь более интересное и важное.

Современные японские компьютеры рассчитаны не только на цифры, латинские буквы и два вида японской азбуки, но также и на иероглифы (хотя последние обычно вводятся через азбуку). Несколько лет тому назад ученые из Осацкого университета вместе с профессором из Шанхая разработали метод, позволяющий имитировать с помощью компьютера даже иероглифы, написанные кисточкой знаменитыми каллиграфами, а со временем компьютер сможет исполнять роль столь высокопочитаемых в дальневосточных странах учителей каллиграфии. Хотя бытовые компьютеры могут пока что воспроизводить на телеэкране лишь неподвижные изображения, сменяющие друг друга, уже в ближайшем будущем в домах появятся системы, которые позволят в любое время вызвать на домашний телеэкран кинопрограммы по собственному выбору. Эти программы к тому же можно будет записывать на видеопленку. Постепенно компьютер становится также средством общения, столь важного для людей, живущих в больших городах.

Даже в центральном Токио — в двух шагах от оживленных магистралей — сохранились пока старые жилые кварталы. Их обитатели еще помнят о тех временах, когда новоселы обязательно наносили визиты вежливости трем соседям напротив и двум соседям справа и слева, дарили в честь нового знакомства лапшу, чтобы оно было долгим и приятным. Да и сейчас в квартале сохраняются кое-какие связи. Устраиваются традиционные квартальные праздники. Женщины следят за чистотой на улицах, по очереди дежурят на перекрестке, когда дети возвращаются из школы. Но уже и в середине тихих кварталов вторгаются многоэтажные жилые дома. Ночью такой пришелец — несмотря на протесты тех, кто издавна живет здесь, — озаряет округу ядовитым светом неоновой рекламы на крыше, днем отнимает у своих деревянных соседей солнечный свет, который так необходим и в зимнюю стужу, и в летнюю влажную жару, когда в доме все начинает плесневеть. За «лишение света» в соответствии с законом выплачивается небольшая компенсация, но она вряд ли помогает сделать маленькие домики суше и теплее. С гос-

кой взирают на новый дом давние обитатели квартала. Ведь крошечные квартирki таких новых многоэтажек часто бывают специально рассчитаны на людей одиноких — холостых бизнесменов, пенсионеров, студентов, нередко девиц сомнительной репутации, которые будут дурно влиять на соседское подрастающее поколение. Да и в любом случае жильцы нового дома явно окажутся вне традиционных связей, еще сохранившихся в старых кварталах, — как и большинство обитателей многомиллионного города, которые тем не менее скучают по человеческому общению, хотя бы и ритуализированному. Недаром в последнее время в японских городах появились удивительные телефонные услуги. Можно набрать номер и говорить все, что придет в голову, — никто не будет отвечать. Можно разговаривать с номером, по которому женский голос каждые десять секунд повторяет «Вы совершенно правы» или мужской извиняется и рыдает. Одни телефонные голоса льстят абоненту, другие сочувствуют или объясняются в любви. Целый набор телефонных номеров, которые могут набрать и те, кто переселился в Токио, воспроизводят звуки родных мест: звон городских часов на башне в Саппоро, удары колокола в каком-нибудь знаменитом буддийском храме, треск льда на побережье Охотского моря, гул извержения вулкана, гудок старинного паровоза...

Особенно нуждаются в общении неработающие женщины, которые сидят дома и лишены контактов с коллегами. Одни из них ходят в кружки: занимаются икэбаной или йогой, увлекаются аэробикой, учатся шитью или вязанию на курсах при больших магазинах, торгующих тканями, пряжей и массой мелочей для рукоделия. Есть курсы шитья и вязания и в знаменитом токийском универсаме «Токю хэндэ», продающем все материалы и инструменты для тех, кто занимает свой досуг самыми разнообразными ремеслами: садоводством, вышиванием, резьбой по дереву, кулинарией, плетением из соломы, шитьем кожаных изделий, ремонтом и оборудованием собственного дома. Женщины более активного склада работают в благотворительных обществах — собирают, к примеру, деньги для детей-инвалидов или для тех, чьи родители погибли в автокатастрофах. Некоторые даже ходят на платные собрания-говорильни и обсуждают там какие-нибудь общие для всех темы. А самые передовые женщины, можно сказать, идущие в ногу со временем, не выходя из дому, общаются со своими друзьями при помощи компьютеров, позволяющих в отличие от обычного телефона одновременно поддерживать связь с несколькими собеседниками.

Конечно, повсеместное проникновение компьютеров не может не создавать своих проблем и трудностей. Одна из них — это вторжение в частную жизнь людей. Благодаря компьютерам большое число собранных и обработанных ими разрозненных сведений становятся доступны и властям, и мошенникам, использующим полученные данные для своих махинаций. Но каковы бы ни были эти проблемы, современное общество информации обходиться без компьютеров уже не может.

ТОКИО КНИЖНЫЙ, ЖУРНАЛЬНЫЙ, ГАЗЕТНЫЙ

Большие и маленькие книжные магазины можно найти по всему Токио, но подлинное книжное царство, пронизанное традиционным дальневосточным духом уважения к книжной учености и письменному слову, — это столичный район Канда. Расположенный в центре города неподалеку от императорского дворца, он оказался в конце XIX века по соседству с несколькими впервые возникшими в то время университетами. Именно в те годы, когда было положено начало модернизации Японии, на Канде появились продавцы книг, раскладывавшие свой товар прямо на расстеленных на земле циновках.

С тех пор сменилось несколько поколений. Вдоль двух основных магистралей и в боковых улочках Канды появились многие десятки книжных магазинов. К их владельцам — обычно настоящим специалистам в своей области — часто обращаются за библиографическим советом не только студенты, но подчас и ученые с именем. Среди потомков первых книжных торговцев есть сейчас даже университетские профессора в отставке, унаследовавшие дело от родителей. Сложились в токийском «книжном царстве» и свои «цеховые традиции». От Канды старой, района ремесленников и воинов низших рангов, дошел до наших дней один из самых больших и знаменитых праздников японской столицы — «Канда мацури». Тысячи людей заполняют Канду во время этого праздника. Группы мужчин и женщин в традиционных пестрых хлопчатобумажных куртках — у каждого квартала своя форма, — пританцовывая несут на плечах тяжелые, богато изукрашенные резьбой переносные алтари *микоси*. Раздаются громкие ритмичные крики танцоров-носильщиков, и кажется, что вы попали на улицы старого Эдо. Совсем по-иному выглядит новый праздник Канды — фестиваль подержанных книг, который возник немногим более тридцати лет назад. Прямо на улице выставляют множество книжных прилавков, около которых толпятся тихие, скромно одетые люди, объе-

диненные страстной любовью к книге и знаниям: школьники в темных мундирах, студенты в бейсбольных куртках, интеллигенты старой закалки в беретах, которые редко кто носит в современном Токио. Но, найденная на книжном фестивале букинистическая редкость, пожалуй, радует сердце истинного «книжного червя» не меньше, чем шумное, красочное, перелкомельное гулянье старинного праздника городских простолюдинов.

Знакомство с Кандой лучше всего начать с одного из самых больших и заметных ее магазинов — шестизэтажного книжного гиганта «Сансэйдо», расположенного на углу оживленной магистрали. Родной брат нескольких других таких же современных столичных книжных магазинов, он предлагает в своих ярко освещенных залах словари и новейшие журналы, географические карты со всего света и роскошные издания по искусству, учебники и иероглифические прописи, японские комиксы *манга* и научные издания на японском и западных языках. Есть в книжных «дворцах» вроде «Сансэйдо» и другие товары, представляющие интерес для современного интеллектуала: не только письменные принадлежности или, положим, очки, которые заказывают в специальном небольшом салоне, но также и электронные пишущие машинки, видеокассеты, персональные компьютеры. На одном из этажей можно выпить кофе, в подвальных рестораниках — пообедать, в специальном уголке сделать платные копии с любых материалов — хоть с личного письма (как-то еще в первый год моего прибывания в Японии мне подарили такое скопированное письмо, присланное из Китая стажером-лингвистом и содержащее новые данные по китайским диалектам).

Впрочем, японцы вообще необыкновенно любят снимать копии — возможно, потому, что рукопись, содержащую иероглифы, труднее, чем буквенную, переписать или перепечатать на машинке, даже электронной. Вместе с тем иероглифический текст (или текст, включающий иероглифы и знаки слоговой японской азбуки двух типов) очень компактен и хорошо зрительно воспринимается. Наверное, поэтому перед началом докладов по китайскому языкознанию, на которых мне часто приходилось бывать в Институте культур и языков Азии и Африки при Токийском институте иностранных языков, всем присутствующим обычно раздавали авторские тезисы-резюме, размноженные на ксероксе. Такие же тезисы доставались и тем, кто по какой-либо причине пропустил доклад. Все настолько привыкли держать перед глазами во время сообщения какие-то материалы, что без них уже просто чувствовали себя неуютно. Помнится, когда известный американс-

кий лингвист стал делать доклад по китайской исторической диалектологии, не снабдив аудиторию тезисами, собравшиеся вскоре робко, но настойчиво восстали и потребовали размножить хотя бы английский конспект, что и было немедленно сделано (устно доклад тут же переводился на японский, поскольку китаисты в Японии воспринимают английский на слух не очень хорошо).

Но, конечно, для того чтобы снять копию, совсем не обязательно обращаться в учреждение или отправляться в большой книжный магазин. На улице часто можно увидеть вывески небольших копировальных ателье, копировальные машины иногда устанавливают в небольших магазинах, торгующих продуктами и другими товарами на каждый день, в холлах многоквартирных домов. Вряд ли ради копии или обычной книги отправятся в роскошный «Сансэйдо» и те молодые люди, которые изо дня в день наводняют Канду. Скорее их привлечет какая-нибудь студенческая лавка, предлагающая «все, в чем нуждаются учащиеся», — от карандашей, печенья, лапши до недорогих копировальных услуг, электронных пишущих машинок и приставок к компьютеру «вапро» (так сократилось в японском языке английское сочетание «word processor»). На молодежь рассчитаны и многие спортивные лавки, кафе, ресторанчики — в том числе и предлагающий русскую кухню трактир «Балалайка» с резной отделкой под избу, а также салоны, торгующими старыми и новыми пластинками.

Некоторые из имеющихся на Канде магазинов вполне обычны и для других районов города. Там, где живут или часто бывают иностранцы, довольно многочисленные в Токио, встречаются лавки, торгующие новыми или старыми западными изданиями, прежде всего английскими (среди подержанных иногда попадаются списанные из библиотек американских баз). Однако уникальные старинные книги и журналы, попавшие в Японию, когда она еще только-только открылась для иностранцев в середине прошлого века, можно найти, пожалуй, лишь на Канде. По всему городу разбросаны также магазины, специализирующиеся на так называемой графике для взрослых — порнографической иллюстрированной литературе, традиционно процветающей и повсюду доступной в Японии: ее можно купить даже в уличных автоматах. Как правило, очень вульгарная, в некоторых своих рисованных вариантах «графика для взрослых», однако, продолжает традиции гравюр *укиё-э*, которые воспевали «быстротекущий мир» городских увеселений и иногда весьма откровенно изображали эротические сцены. Несколько мага-

зинов Канды продают новые и старые журналы японских комиксов *манга*, которые поражают разнообразием тем и стилей — как традиционных, восходящих к старинной японской карикатуре, так и новейших западных, — выпускаются огромными тиражами и стали основным чтением большинства подростков и детей. Без *манга* — так же, как без телевидения и электронных видеоигр — японские ребята не мыслят свою жизнь. Впрочем, многие взрослые увлекаются специально рассчитанными на них комиксами не меньше, чем дети.

И все же лицо Канды определяется не современным гигантом «Сансэйдо», молодежными заведениями или магазинами, рассчитанными на обычного читателя. Оно создается бесчисленными лавками новых и особенно старых книг, часто торгующими литературой только по определенной теме: по истории или музыке, кино или рыболовству, японской филологии или западному изобразительному искусству. Одна лавка предлагает словари и справочники, другая — старые и новые детские книги, третья — литературу по традиционному японскому театру. Два магазина специализируются на книгах из Советского Союза и о Советском Союзе, а иногда даже переиздают раритеты на русском языке. Советские издания пользуются успехом не только у специалистов-русистов, но также у японских востоковедов, многие из которых изучают русский язык и следят за нашей востоковедной литературой.

Для того чтобы понять истинную душу Канды, нужно также обязательно заглянуть в антикварные лавки с их ароматом дальневосточной старины. Небольшие и не слишком ярко освещенные, они до сих пор предлагают достаточно богатый выбор старинных японских иллюстрированных книг, изданных на особой бумаге *васи*. Здесь же все еще можно купить свитки и отдельные листы гравюр *укиё-э* — не современные копии, вроде тех, что разложены в сувенирных лавках, а подлинные старые оттиски, некоторые из которых были когда-то сделаны мастерами-печатниками с рисунков достаточно прославленных художников. В одной из антикварных лавок мы как-то купили на память гравюру *укиё-э*, изображающую актера театра кабуки на фоне залива и кораблей. Ее автор, Ёсику, достаточно поздний художник, творил в конце XIX века, и в его гравюрах уже явственно ощущается дыхание нового времени. Другая известная на Канде антикварная лавка расположена на втором этаже современного здания и специализируется на материалах по истории Эдо-Токио, старинных картах, открытках, альбомах фотографий, описаниях японских префектур, а также старых книгах из Маньчжурии и Кореи.

Есть на Канде и магазины, торгующие монетами, среди которых очень много старинных китайских, а также марками. Особую прелесть ей придают традиционные заведения вроде крошечной мастерской, изготавливающей еще с прошлого века кисти для каллиграфии и рисования, ценимые знатоками. Помимо кистей здесь продаются и другие три из «четырех сокровищ кабинета ученого», как их когда-то называли в Китае: бумагу, тушь, которая делается на Дальнем Востоке в виде брикетов, украшенных иероглифами и рельефными рисунками, и традиционные плоские тушечницы для ее растирания, изготовленные из камня знаменитыми резчиками. Меня же на Канде интересовали прежде всего те лавки, где можно было купить литературу по китайской истории, литературе, языкознанию.

Два основных больших магазина, специализирующиеся на изданиях из КНР и Гонконга, — «Тохо» (по-китайски — «Дунфан», «Восток») и «Утияма сэтэн» — расположены почти друг напротив друга на узенькой улочке. Оба не испытывают недостатка в покупателях, но особенно известен у японских синологов старейший в стране по части торговли китайскими книгами «Утияма сэтэн». Имя одного из его основателей, Утиямы Кандзо, к тому же вошло в историю китайской литературы благодаря близкому знакомству этого человека с Лу Синем. Начав в Шанхае с продажи глазных лекарств, Утияма открыл в 1917 году небольшую лавку японских книг и литературных журналов (их охотно покупали жившие в то время в городе японцы). Частым посетителем лавки, а затем и другом ее владельца стал после своего переезда в Шанхай Лу Синь, всегда питавший большой интерес к японской литературе. В 1931 году великий китайский писатель даже укрывался в лавке Утиямы от гоминьдановцев, а позднее книготорговец помогал своему другу в издательских делах.

В 30-е годы с помощью Утиямы Кандзо появилась и небольшая токийская лавка, в которой его брат и невестка начали продавать китайские книги для специалистов по Китаю и живших в Японии китайцев. В наши дни наследница этой небольшой лавки — фирма «Утияма сэтэн» на Канде — занимает не очень большое, но отдельное здание. Во главе фирмы стоит сын ее первых владельцев, а нынешний штат сотрудников — продавцов и библиографов — составляет около двух десятков человек. Торговля продолжает расширяться. Когда я еще только приехала в Токио, она шла только в одном, тесно заставленном стеллажами зале. Но уже вскоре, после кратковременного ремонта и реконструкции, на период которых магазин быстро перебрался в арендованное здесь же

на Канде помещение, к основному залу добавился еще один на втором этаже.

Литература в «Утияма сётэн» выставлена как бы несколькими слоями. При входе всегда разложены рекламки учреждений и мероприятий, имеющих отношение к Китаю: школ и курсов китайского языка, фестивалей фильмов из КНР, гастролей театральных трупп, выставок. Дальше лежат китайские иллюстрированные журналы, путеводители по Пекину, Шанхаю, Гуанчжоу, простые разговорники. В глубине стоят на стеллажах более серьезные книги по истории, экономике, литературе, языкознанию, рассчитанные на людей, имеющих определенную подготовку. Довольно много книг дневникового характера, написанных японскими журналистами и бизнесменами, работавшими в Китае. И, наконец, на втором этаже можно обнаружить книги старинного китайского образца с костяными застежками и другие издания, которые покупают только специалисты-китаеведы.

На первом этаже продаются также китайские пластинки, магнитофонные и видеокассеты с записями народной и классической музыки, спектаклей пекинской оперы, уроков китайского языка. Здесь же разложены для всех желающих бесплатные библиографические материалы, которые издает сама фирма. Стоит к тому же один раз оставить в магазине свой адрес — даже просто подписаться на китайские журналы, — как прямо домой начинают поступать по почте (тоже, конечно, бесплатно) открытки со списками новых поступлений и библиографические буклеты по интересующей клиента тематике. Адрес на открытках и конвертах при этом напечатан магазинным компьютером, ведущим учет постоянных покупателей. Но издания из КНР и без рекламы расходятся, как правило, достаточно быстро. «Распроданы», — весело объявляют продавцы и рекомендуют впредь оставлять заказы заранее.

Одна из китайских лавок Канды, с большими золотыми иероглифами названия на стеклянных дверях, предлагает литературу, выпущенную на Тайване. В этой лавке не увидишь популярных изданий в пестрых обложках, иллюстрированных журналов, пластинок. Зато на полках как бы представлены тысячелетия китайской цивилизации — выстроились конфуцианские классики, династийные истории, антологии китайской литературы. Просторный стеллаж отведен книгам западных синологов. И в этом случае предпочтение отдается классике — сочинениям первых миссионеров в Китае, переводам Дж. Легга, многотомным трудам Дж. Нидэма. Дела в обычно малолюдном тайваньском магазине вершит

хозяин-китаец, рослый, респектабельный, как будто с военной выправкой. Он пишет что-то за маленьким столом в глубине лавки, принимает деньги, заворачивает покупки в бумагу с рисунками в старинном стиле барельефов эпохи Хань. Рядом суетится пожилой помощник, расставляет по полкам новые поступления. Изданий прошлых лет, в том числе академических журналов, очень много, однако пытаться заказать то, что уже распродано, тоже бесполезно.

Впрочем, китайские издания, уже исчезнувшие на Канде, иногда можно найти в других местах — около знаменитого Токийского университета или станции Ёёги, расположенной на пересечении двух линий городской электрички. Эта станция редко упоминается в обычных путеводителях по столице, но тем не менее хорошо известна молодым людям в Токио и за его пределами. Круглый год тысячи будущих абитуриентов наводняют пристанционные улочки, устремляясь в одну из самых крупных и уважаемых в стране репетиторских школ — «Семинар Ёёги», готовящий к вступительным экзаменам в высшие учебные заведения. Неподдалеку разместилась и считающаяся лучшей в Токио вечерняя школа русского языка. Говорят, что даже студенты, не надеясь на университетские знания, совершенствуют в ее крошечных аудиториях свой разговорный русский язык. Установлен в этом одном из нескольких токийских «районов знаний» и памятник прилежному ученику — незаметная фигурка мальчика с вязанкой хвороста за спиной, читающего на ходу книгу. Как гласит предание, несмотря на бедность, этот старательный мальчик стал выдающимся конфуцианским ученым.

Немало вокруг станции и книжных магазинов, где всегда стоят молодые люди, изучая, выбирая или просто читая на месте книги (в Японии есть даже особое понятие — «стоячее чтение»). А небольшая лавка, расположенная на третьем этаже облезлого здания, занятого ресторанчиками, торгует около Ёёги китайскими изданиями. Две ее не слишком опрятные крошечные комнатки сплошь заставлены книгами и журналами. Хозяин-китаец обычно сидит где-то в заднем помещении, а редкие посетители просматривают тесно забитые полки, перебирают громоздящиеся пачки, лавируют в узких проходах в поисках нужной книги или в надежде на случайную находку. Обращаться к хозяину за помощью как-то не принято да и почти бесполезно. Похоже, что он ориентируется в своем хаосе не намного лучше покупателей, в основном настоящих специалистов, которые только и знают о существовании этой лавки. Один из них — тогда он еще был аспирантом Токийского университета — и привел меня к

станции Ёёги, порекомендовав обращаться сюда за изданиями прошлых лет, уже исчезнувшими на Канде. Причину же того, что китайские книги и журналы часто быстро раскупаются, он видел не только в относительной дешевизне китайских изданий и не только в традиционном интересе, который всегда испытывали японцы к своему соседу. Успех литературы о Китае, как выяснилось, обусловлен и тем особым отношением многих современных японцев к китайской культуре, которое даже получило название «китайского бума».

Об истории культурных контактов между Японией и Китаем написаны тысячи страниц. Китайское влияние можно обнаружить в японской литературе и философии, архитектуре буддийских храмов и традиционной живописи, театре *но* и более позднем сценическом жанре *кабуки*, прикладном искусстве и японской кухне, в том числе и буддийской вегетарианской. До сих пор из древних китайских классических книг выбирают сочетания иероглифов для названий эпох правления, имен и титулов членов императорской семьи. Иероглифы *хэйсэй* («установление мира»), которые впредь будут символизировать эпоху, наступившую в Японии после смерти императора Сёва в 1989 году, заимствованы из конфуцианских канонов «Шицзи» и «Шуцзин». В свое время из других китайских классических книг — «Чжуньюнь» и «Луныюй» — были подобраны имена и титулы двух сыновей нового императора. Хорошо также известно, что знаменитые на весь мир японские пейзажные сады, *икэбана* и чайная церемония возникли под влиянием континентальных и прежде всего китайских религиозных и эстетических представлений. Однако большинство японцев и тем более иностранцев, жаждущих японской экзотики, уже не воспринимают все эти виды японского искусства как привнесенные из-за границы.

Одни заимствования из Китая — такие, как карликовые деревья *бонсай* или пейзажи на подносе *бонсэки*, сходство которых с китайскими очевидно, — необыкновенно органично вошли в японскую жизнь. Другие выработали на новой почве свои собственные стили — подобно каллиграфии, которая охватывает у японцев не только иероглифы, но и два вида азбуки, созданной в Японии на основе иероглифики. Характерный пример из области прикладного искусства — изготовление воздушных змеев, которым гордятся сейчас многие японские префектуры. Некогда заимствованное из Китая вместе с бытующим и сегодня в Японии обычаем запускать змеев во время Нового года, оно достигло своей вершины в XVII—XIX веках — в период расцвета простонародной городской культуры эпохи Эдо. Тогда же искусство разрисовки

змеев испытало на себе влияние другого эдоского городского жанра — гравюр *укиё-э* — и затем распространилось в своем новом виде по всей стране. В провинции особенности различных школ гравюр *укиё-э* наложились на разнообразные стили местных художественных промыслов, и в результате в современной Японии существуют десятки разновидностей змеев, рисунками на которых можно любоваться в парках на Новый год, на особых праздниках-соревнованиях, в музеях.

В то же время те предметы и явления китайской материальной и духовной культуры, которые либо никогда не были хорошо известны в Японии, либо сохранились у себя на родине в несколько ином виде, вызывают у многих современных японцев большой интерес. На японские конкурсы каллиграфии приглашаются сейчас и китайские мастера. Вошла в моду гимнастика *тайцзицюань* — недаром магазин «Утияма сётэн» посвятил ей и всему комплексу китайского традиционного искусства борьбы *ушу* отдельный библиографический буклет. Китайская традиционная медицина, которая издавна царствовала в Японии, на протяжении последней сотни лет была значительно потеснена европейской. Однако в последние годы она вновь ожила: аптеки китайских лекарств — *кампояку* — встречаются по всему Токио, но особенно ценятся те заведения, которые предлагают лечебные чаи, включающие настоящие китайские травы, минералы и вещества животного происхождения, или сделанные в самом Китае лечебные формы. В Токио есть магазины китайских вещей, торгующие не столько полезными предметами, которые ничем не отличаются от массовых японских и продаются в любых универмагах (только дешевле японских), сколько забавными безделушками, вещами, характерными для китайского, но не японского быта: заводными игрушками, которых давно нет в Японии, огромными красными значками времен «культурной революции», армейскими кепками со звездочками, телогрейками, шелковыми халатами.

Пользуются успехом в Японии художественные фильмы про *ушу*, многосерийные телевизионные путешествия по Китаю. После одного из них возникло увлечение китайскими вещами в стиле «Шелковый путь» (хотя в духе нового времени сам Шелковый путь при этом называется сочетанием, заимствованным из английского — «Сируко родо»). На одной из токийских улиц есть ресторанчик «Тонко» (по-китайски — «Дуньхуан»). Возможно, он возник еще до того, как по телевидению был показан сериал «Шелковый путь», рассказавший и об этом древнем городе в провинции

Ганьсу, а в одном из универмагов Гиндзы устроена выставка знаменитых фресок из дуньхуанских пещерных храмов. Но в сегодняшнем Токио подобное название не может не восприниматься как символ нового увлечения китайской экзотикой. Недавно также сообщалось о завершении съемок совместного японо-китайского художественного фильма «Легенда о Дуньхуане» по мотивам произведения известного японского писателя Иноуэ Ясуси. Встречаются мотивы дуньхуанских фресок и на фирменных закладках, которые вручает «в благодарность за покупку» магазин «Утияма сётэн» на Канде.

Иероглифическая письменность, книги, конфуцианское уважение к книжной учености в свое время пришли в Японию из Китая. Здесь они попали на чрезвычайно благоприятную почву. Уже в XVII—XIX веках, в период самоизоляции страны эпохи Эдо, в Японии были основаны десятки тысяч школ *тэракоя*, где детей из простых семей в возрасте от шести лет учили читать и писать. К середине XIX века в стране было уже сорок три процента грамотного населения. Еще до Второй мировой войны Япония была страной сплошной грамотности, сейчас неполное среднее (девятилетнее) образование получают практически все, полное среднее (двенадцатилетнее) — подавляющее большинство тех, кто кончает девять классов. Ежегодно в стране издается около двадцати тысяч книг неодинаковых наименований, ввозится литература из-за рубежа, и большая часть ее находит своего покупателя и читателя. Государственные и муниципальные библиотеки в Токио обычно занимают новые благоустроенные здания. Всеобщая грамотность, высокий уровень образования, любовь к печатному слову, необыкновенная книжная любознательность — это, безусловно, те богатства Японии, которыми можно объяснить ее достижения в самых разных областях.

Конечно, далеко не все японцы обращаются в поисках знаний, развлечений и духовности к книжному источнику. Многие (по одному из опросов общественного мнения таких около сорока процентов) в течение года не раскрывают ни одной книги. Зато большинство жителей Японии регулярно читают журналы, которых выпускается по меньшей мере две тысячи наименований, не считая тех, которые распространяются исключительно по подписке или рассылаются по определенным адресам государственными учреждениями, университетами, общественными организациями, частными фирмами.

Самые любимые в Японии журналы — это еженедельни-

ки. Все они печатаются на серой дешевой бумаге, пестрят нечеткими черно-белыми фотографиями и броскими заголовками, но каждый адресован своему определенному читателю. Одни выпускаются для тех, кто хочет раз в неделю ознакомиться с кратким исчерпывающим обзором политических новостей, написанным на достаточно профессиональном журналистском уровне. Другие предназначены домохозяйкам и посвящают их в тайны новейших стиральных машин или «семейных» фотоаппаратов и учат, как не попасть в руки разного рода мошенников при ведении хозяйственных дел. Третьи раскупаются мелкими служащими, жаждущими получить в транспорте по дороге на работу очередную порцию сенсаций, новостей из зала суда и «графики для взрослых». Свои еженедельники есть и у молодых девиц, предпочитающих читать истории из жизни эстрадных «идолов».

Среди ежемесячных журналов много серьезных, рассчитанных на вдумчивое чтение, но преобладают популярные иллюстрированные издания, рассчитанные на обычных людей, которые просто интересуются наукой и космосом, экономикой и сельским хозяйством, проблемами воспитания и различными видами искусства. Очень часто ежемесячники — впрочем, как и еженедельники — наделены не японскими, а английскими названиями — иногда очень странными: «*More*» («Еще»), «*Say*» («Скажи»), «*With*» (предлог «С»). Число и тираж журналов меняется из года в год; одни выходят из моды, совсем прекращают свое существование, другие появляются и процветают, но постоянным и непреходящим успехом пользуются кулинарные, спортивные, посвященные художественной фотографии и дающие своим читателям медицинские советы. Многие ежемесячники рассчитаны на молодых незамужних женщин и пишут о развлечениях, отдыхе, модах и модельерах, об искусстве одеваться, причёсываться и пользоваться косметикой — словом, обо всем, что в Японии 80-х годов называется любимым у молодежи сочетанием, заимствованным из английского, — «*life style*». Некоторые особенно снобистские издания, как выяснилось, даже не столько читают, сколько носят с собой напоказ — как некий символ определенных жизненных воззрений. А самые роскошные ежемесячники, напечатанные на плотной глянцево-бумаге, с фотографиями кимоно, изысканных блюд, утвари для чайной церемонии, с пейзажами далеких европейских стран, — оказывается, выпускаются для зажиточных домохозяек в возрасте. Впрочем, в век телевидения иллюстрации начинают играть все большую роль в

любых популярных изданиях: не только дети, читающие комиксы, но и многие взрослые предпочитают те журналы, в которых много зрительного материала, а не печатного текста.

В эпоху разобщенности и одиночества жителей больших городов появились и специальные журналы, к которым читатели обращаются как к другу и советчику. В один из таких журналов, издающихся в Токио, пишут почти исключительно молодые домохозяйки — очевидно, они больше нуждаются в собеседнике, чем работающие женщины или те, кто уже вырастил детей и поэтому располагает достаточным досугом. В каждом номере есть бланки с готовым адресом и местом для письма, которыми пользуются до тысячи читательниц в месяц, рассказывающих о своих бедах и горестях, о детях, о взаимоотношениях со свекровью, — обычно в тех случаях, когда по традиции семья старшего сына живет с родителями. Десятки писем печатаются в журнале, авторы остальных довольствуются возможностью просто излить кому-нибудь душу. Впрочем, журнальный собеседник нужен не только молодым домохозяйкам. Большой успех выпал на долю «мужского» журнала, который стал брать интервью у служащих двадцати-тридцати лет, а затем давать советы по наиболее острым, волнующим всех проблемам.

Журналы редко получают по подписке. Около станции Сибуя в наше время был большой книжный магазин, который назывался «Книги со всей страны», но торговал он почти исключительно периодическими изданиями. Именно здесь я единственный раз в Японии видела автоматическую дверь, которая открывалась только для тех, кто входил со стороны улицы, а выходящих аккуратная табличка просила пройти в другой конец зала — мимо кассы. Очевидно, любители чтения нередко по рассеянности уносили с собой те журналы, которые уже успели просмотреть на месте около стоек, иначе появление в японском магазине такого явного намека на недобросовестность покупателей объяснить трудно (хотя не слишком заметные телекамеры в залах самообслуживания — дело обычное). Помимо магазинов и киосков журналами торгуют также уличные продавцы, раскладывающие товар на циночках. Говорят, с циновок иногда перепродают уже прочитанные экземпляры, специально собранные для этого беспритязными личностями вроде бродяг в парке Ёёги.

Но какую бы важную роль ни играли в Японии журналы, славу одной из самых читающих стран мира она заслужила,

пожалуй, благодаря газетам. Большая часть японцев — начиная со школьников лет двенадцати, освоивших достаточное количество иероглифов, и кончая почтенными людьми в возрасте — просматривает ежедневно хотя бы один выпуск. По числу газетных экземпляров, которые приходится на каждого жителя, Япония середины восьмидесятых годов занимала первое место в мире. Процесс изготовления крупнейших японских газет к этому времени полностью преобразила компьютерная техника. Системы факсимильной связи позволяли мгновенно передавать гранки целых страниц в отдаленные типографии для быстрой распечатки на местах. Одна из пяти существующих в Японии общенациональных газет, «Асахи», установила у себя компьютер, который следил за тем, как готовые экземпляры автоматически считались, перевязывались и паковались в полиэтилен: затем он наклеивал на готовые пачки печатные карточки с адресами агентов-распространителей и развозящих газеты грузовиков. Водители, вместо того чтобы ворочать тяжелые тюки, вставляли в особое устройство пластиковую карточку — вроде той, которой пользуются при получении денег с банковского счета через уличный автомат, — и нужная пачка вываливалась по команде компьютера в заднюю часть кузова. По меньшей мере сто компьютерных терминалов, установленных в здании «Асахи», позволяли постоянно следить за тем, как идет производство. Если отдел распространения сообщал об уменьшении числа подписчиков, тут же автоматически менялся размер пачек, направляемых тому или иному агенту. Это было тем более важно, что девять десятых японских газет — в отличие от журналов — расходятся именно по подписке.

Правда, те газетные издания, которые в то же самое время все еще пользовались достаточно старой наборной и печатной техникой, тем не менее вполне успешно конкурировали со своими соперниками: дело в том, что там, где это пока необходимо или вообще неизбежно, японцы очень хорошо умеют работать и без новейших приспособлений, вкладывая душу в любой утомительный и тяжелый труд. Известно, что такой труд сохраняется кое-где на небольших предприятиях, которые не в состоянии закупить суперсовременное дорогостоящее оборудование. Только усилиями человеческих рук можно создать уникальные произведения традиционного прикладного искусства. Но, пожалуй, так же истово, как мастера, изготавливающие керамику и японскую бумагу, ткани для кимоно и каменные тушечницы, работают и те, кто занят совсем не

престижным трудом. Не пугает японцев и необходимость вручную сортировать почту. В почтовые ящики бросают конверты любой формы и размера, и тем не менее на завтра их обязательно доставляют в пределах самого Токио, а самое большое через три дня в любой другой пункт Японии, — работа японской почты вызывает восхищение у всех иностранцев.

В патриархальный мир доставки попадают пока и японские газеты после того, как они оказываются в руках агентов-распространителей, работающих в традициях если не прошлого, то во всяком случае середины нынешнего столетия. В больших городах каждый агент распространяет только одно издание, в маленьких — несколько или все, которые выписываются местными жителями.

Рано утром в нашей токийской квартире один за другим раздавались щелчки козырька, прикрывающего узкое отверстие в металлической входной двери. «Асахи», «Иомиури», англоязычная «Джапан таймс» поочередно просовывались в отверстие. Их доставляли бойкие молодые люди в спортивной одежде, поднимавшиеся на лифте к верхним этажам, а затем бегом, словно совершая утреннюю разминку на дорожке парка, спускавшиеся вниз по лестницам. Вечером, часов в шесть, такие же молодые люди, оставив внизу велосипеды с решетчатыми корзинами-багажниками, разносили по квартирам вторую порцию газетного чтения: общенациональные газеты в Японии состоят из двух частей — толстой утренней, обычно на двадцати—двадцати четырех страницах, и восьми—двенадцатистраничной вечерней.

Вместе с утренними выпусками подписчики получали вложенные в них информационные и рекламные листки, иногда целыми пачками. Цветные, с фотографиями товаров, приглашали на распродажу в филиалы больших универсагов. Более скромные — иногда просто с размноженными рукописными перечнями вещей и их цен — зазывали в местные небольшие лавки. Частные школы сообщали о наборе учеников в новые группы; строительные фирмы присылали планы квартир в строящихся домах; новые ресторанички обещали в течение нескольких дней угощать посетителей со скидкой — и во всех случаях финансовая сторона доводилась до сведения клиентов с точностью до иены. Заказы на доставку рекламных листов за небольшую плату принимают все те же газетные агенты, зарабатывающие таким образом дополнительные деньги, а фирмы — особенно маленькие, которым не по карману дать очень дорогое объявление в газетах, — получают возмож-

ность наладить связь с клиентами, живущими в определенном районе. В свою очередь, подписчики газет благодаря информационным листкам оказываются в курсе всех коммерческих событий в округе.

Плату за подписку агенты взимают в конце месяца, присылая домой сборщиков денег со счетами на печатных бланках. Посланец «Иомиури» при этом вручает большой бумажный пакет — очевидно, для того, чтобы складывать в него уже прочитанные газеты, — и нечто вроде тоненького журнальчика с материалами на домашние темы. «Асахи» одаривает «кулинарными открытками» с фотографиями и рецептами различных блюд. Небольшие подношения клиенты получают также при оформлении новой подписки. Говорят, что некоторые люди ради подарков намеренно меняют газеты. Но на самом деле, материальная ценность этих «подарков», как правило, незначительна, подобно тому как несущественна выгода от талончиков, вручаемых покупателям во многих магазинах, или от «счастливых» билетиков, которые на фабриках вкладываются внутрь упаковки некоторых товаров. Накопив определенное число талончиков, к примеру, можно приобрести бесплатный батон в булочной или бесплатный шарик мороженого в кафе.

В последние годы патриархальная система доставки газет начала испытывать определенные затруднения: сообщалось, что агентам становится все сложнее найти разносчиков. Однако, по японским прогнозам, не в таком уже далеком будущем эта система исчезнет, уступив место самой новой и передовой. Целые газетные страницы будут передаваться тогда с помощью аппаратов факсимильной связи в дома или в учреждения. Неясно только, останутся ли японские общенациональные газеты такими же, как в наше время, когда «Асахи», «Иомиури», «Майнити», «Нихон кэйдзай» и «Санкэй» стремятся каждая в отдельности поставить информацию обо всем и для всех. Возможно, появятся ежедневные издания совсем другого типа, которые, подобно журналам, будут учитывать интересы разных групп населения. Тем более, что, по мнению социологов, японское общество начинает распадаться на «микромассы» — замкнутые группы, объединенные одинаковыми вкусами и воззрениями на жизнь, каждая из которых не интересуется тем, что происходит за ее пределами.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

О Японии в нашей стране написано много и в то же время очень мало. Есть серьезные научные труды, рассчитанные на специалистов. Есть книги, предназначенные широкому читателю; в значительной своей части они варьируют с большим или меньшим талантом тот или иной набор стереотипов. Поначалу о Японии любили писать как о загадочной и непонятной стране рикш, гейш и Фудзиямы. На смену этому стереотипу пришел другой: Япония стала видеться как страна самурайского духа, камикадзе и постоянной милитаризации. Некогда соответствовавший действительности, этот стереотип продолжал сохраняться и в то время, когда японское общество коренным образом изменилось. В наши дни распространен иной стереотип, в чем-то противоположный существовавшему ранее: в эпоху перестройки Японию вполне естественно стали воспринимать как державу сплошной компьютеризации и роботизации, где решены все проблемы и достигнуто всеобщее благоденствие.

Каждый стереотип основывается на тех или иных фактах, но жизнь многообразна и выходит за рамки любой концепции. К тому же у нас совсем мало публикаций, в которых описывается повседневная жизнь японцев. Пожалуй, можно вспомнить лишь известную «Ветку сакуры» В.В. Овчинникова и более специальную книгу С.А. Арутюнова «Современный быт японцев». Но обе эти книги появились около двадцати лет назад, а за два десятилетия японская жизнь изменилась. В результате наши представления о японском быте, образе жизни, о японской массовой культуре до сих пор очень поверхностны, неконкретны и подвержены влиянию перечисленных выше стереотипов. Особенно ясно это ощущают те из нас, кому удается попасть в Японию: часто самые обычные японские реалии ставят советского человека в тупик.

Книга «Токио и токийцы», на наш взгляд, может

хотя бы частично восполнить имеющийся в литературе пробел. О.И. Завьялова, специалист по китайскому языкознанию, кандидат филологических наук, прожила несколько лет в Токио. Ее книга о японском быте 80-х годов не претендует ни на строгую научность анализа, ни на охват всех сторон японской жизни. Цель автора — дать читателю представление о японской повседневности, о том, что окружает среднего японца. Повествование намеренно ограничено рамками Токио, но следует иметь в виду, что при всем своеобразии жизни в столице многое из описанного в книге характерно для любого большого японского города. Важно также подчеркнуть объективность авторского взгляда на Японию и стремление отойти от привычных стереотипов. В книге говорится о выдающихся достижениях, о трудностях и противоречиях, о достойном подражании и о том, что может вызвать лишь недоумение. Многие же в японской жизни вообще не поддаются никаким оценочным определениям. И хорошо, что О.И. Завьялова не стремится к оценочности, которая зачастую только мешает понять чужую культуру. Зато книга «Токио и токийцы» очень информативна. Из нее мы можем узнать, как японцы проводят свои будни и праздники, что они едят, что читают, как одеваются, как черты XXI века в японском быту причудливо переплетаются с древними традициями.

В.М. Аллатов

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Большой город в движении	4
Будни и выходные токийских парков	23
Декабрьские хлопоты в столице	50
По старым и новым дорогам	64
О малом и преходящем	82
Еда пластиковая, быстрая и здоровая	98
Гадалки и компьютеры	114
Токио книжный, журнальный, газетный	135
Послесловие. <i>В.М. Алпатов</i>	150

Научное издание

Завьялова Ольга Исааковна

ТОКИО И ТОКИЙЦЫ:

Будни, выходные, праздники

Редактор *Т.В. Дьяченко*

Младший редактор *Н.Л. Скачко*

Художник *Б.Г. Дударев*

Художественный редактор *Э.Л. Эрман*

Технический редактор *Г.А. Никитина*

Корректор *Г.П. Каткова*

ИБ № 16358

Сдано в набор 03.10.89

Подписано к печати 24.05.90

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1

Вкладка отпечатана на мелованной бумаге

Печать офсетная. Усл. п.л. 7,98+0,42 п.л. вкладка

Усл. кр.-отт. 10,61. Уч.-изд. л. 9,61

Тираж 30 000 экз. Изд. № 6813. Зак. № 274. Цена 1 р.

Ордена Трудового Красного Знамени

издательство "Наука"

Главная редакция восточной литературы

103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

Зячя типография издательства "Наука"

107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ТОКИО И ТОКИЙЦЫ

Большой Токио... В нем живет двенадцать миллионов человек, почти каждый десятый японец. Это город, до сих пор сохраняющий дух истинных эдокко — неунывающих, предприимчивых, задиристых обитателей деревянного предшественника Токио — старого Эдо, на улицах которого встречались самураи и ремесленники, купцы и художники.° Здесь среди хаотического нагромождения домов, затерялись сотни старинных храмов и кумирен...

